

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 35
2019**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2019. № 35

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2019

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of Elibrary, license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016). Also in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid.

All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- ЗАЙКОВ К.С., КОНДРАТОВ Н.А., КУДРЯШОВА Е.В., ЛИПИНА С.А., ЧИСТОБАЕВ А.И.** Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) 5
ZAIKOV K.S., KONDRATOV N.A., KUDRYASHOVA E.V., LIPINA S.A., CHISTOBAEV A.I. Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035)
- ИВАНОВ В.А.** Условия и возможности реализации потенциала сельского хозяйства зоны Севера 25
IVANOV V.A. Conditions and opportunities to realize the agricultural potential of the North
- МИНЕЕВ А.А.** Развитие регионального бизнес-сотрудничества: опыт Северной Норвегии и возможности его применения в России 46
MINEEV A.A. Development of regional business cooperation: the experience of Northern Norway and how it can be applied to Russia

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- ВОРОНЕНКО А.Л., ГРЕЙЗИК С.В.** Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе 60
VORONENKO A.L., GREIZIK S.V. Prospects of cooperation between Russia and North-East Asian countries in the Arctic region
- ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Е.** Системные проблемы и направления развития муниципалитетов российской Арктики 79
EMELYANOVA E.E. System problems and directions of municipal development of the Russian Arctic

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- КВАШНИН Ю.Н.** «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) 94
KVASHNIN Yu.N. “This family has been found and is now located in Obdorsk region...” (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832)
- ПАНИКАР М.М., СОКОЛОВА Ф.Х., ШАПАРОВ А.Е., ЗОЛОТАРЕВ О.В., КАПИЦЫН В.М.** Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ 119
PANIKAR M.M., SOKOLOVA F.Kh., SHAPAROV A.E., ZOLOTAREV O.V., KAPITSYN V.M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

- ГОЛОВНЕВ И.А.** Арктика в объективе советского кино: «Два океана» Владимира Шнейдерова 144
GOLOVNEV I.A. The Arctic in the Soviet cinema lens: “Two Oceans” by Vladimir Shneiderov

КАПИЦЫН В.М., ШАПАРОВ А.Е., КОВАЛЕНКО В.И., МАГОМЕДОВ А.К. О коллективной монографии «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы»	
KAPITSYN V.M., SHAPAROV A.E., KOVALENKO V.I., MAGOMEDOV A.K. On the collective monograph “Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects”	154
КОЧЕМАСОВА Е.Ю., ЖУРАВЕЛЬ В.П., СЕДОВА Н.Б. О некоторых научных подходах к определению границ Арктики	
KOCHEMASOVA E.Yu., ZHURAVEL V.P., SEDOVA N.B. On scientific approaches to the Arctic boundaries delimitation	158

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова Authors, titles, abstracts, and keywords	170
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal	178
Выходные данные Output data	180

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 332.14(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) *

© **ЗАЙКОВ Константин Сергеевич**, кандидат исторических наук, PhD (история), проректор по международному сотрудничеству

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **КОНДРАТОВ Николай Александрович**, кандидат географических наук, доцент

E-mail: n.kondratov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **КУДРЯШОВА Елена Владимировна**, доктор философских наук, профессор, ректор

E-mail: rector@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ЛИПИНА Светлана Артуровна**, доктор экономических наук, профессор

E-mail: s.lipina@mail.ru

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России, Москва, Россия

© **ЧИСТОБАЕВ Анатолий Иванович**, доктор географических наук, профессор

E-mail: chistobaev40@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Важность выбора развития Арктики представляется актуальной, поскольку в этом регионе происходят стремительные и необратимые перемены, яркими примерами которых являются изменение климата и глобализация. Комплекс факторов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на природопользование и позиционирование многих государств, расположенных не только внутри арктической зоны, а также и вне её. Возникают вопросы: какое значение эти перемены имеют для географии, политики и системы управления? Как должно строиться осмысление этих процессов? Актуальность выбранной темы усиливается тем, что Россия имеет самый большой арктический сектор среди государств, имеющих выход к Северному Ледовитому океану, поэтому нашей стране принадлежит ведущая роль разработчика стратегий развития Арктики. Используемый в статье комплексный (с учётом экономико- и политико-географических позиций) подход к анализу направлений развития арктических территорий раскрывает возможности их устойчивого развития, что обеспечит стратегические выгоды для России как в рамках арктической зоны, так и в глобальном пространстве. В статье рассматриваются сценарии развития Арктики, в том числе Арктической зоны РФ, в долгосрочной, до 2035 г., перспективе. Обоснование сверхдолгосрочных перспектив развития арктического региона, несмотря на проводимые в России и зарубежом исследования, представляется малореалистичным по причине нехватки знаний о природе и последствиях климатических изменений, наблюдаемых в настоящее время в этом регионе и оказывающих влияние на природопользование в глобальном масштабе. Авторы приходят к выводу, что приоритетными направлениями развития Арктики должны стать те, которые опираются на позитивные и инновационные тренды.

Ключевые слова: Арктика, стратегии развития, изменение климата, геополитика, социально-экологические системы, инновации.

* Для цитирования:

Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

For citation:

Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035)

© **Konstantin S. ZAIKOV**, Cand. Sci. (Hist.), PhD (Hist.), Vice-Rector on International Affairs

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Nikolay A. KONDRATOV**, Cand. Sci. (Geog.), Associated Professor

E-mail: n.kondratov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Elena V. KUDRYASHOVA**, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector

E-mail: rector@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Svetlana A. LIPINA**, Dr. Sci. (Econ.), Professor

E-mail: s.lipina@mail.ru

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

© **Anatoliy I. CHISTOBAEV**, Dr. Sci. (Geogr.), Professor

E-mail: chistobaev40@mail.ru

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The importance of selecting the development of the Arctic seems to be relevant since rapid and irreversible changes are taking place there. Climate change and globalization are their prominent examples. A complex of factors has both positive and negative impacts on the use of natural resources and the positioning of states located not only within the Arctic but also outside it. The questions arise: what is the significance of these changes for geography, politics, and the management system? How should the comprehension of these processes be built? The relevance of the topic is enhanced by the fact that Russia has the most significant Arctic sector among the states with access to the Arctic Ocean. Therefore, our country has a leading role in working out strategies for the development of the Arctic. The comprehensive approach (considering the economic and political-geographical positions) is central in the article to analyze the directions of development of the Arctic territories. The method reveals the possibilities of sustainable development, which will provide Russia with strategic benefits within the Arctic and globally. The article discusses scenarios for the development of the Arctic, including the Arctic zone of the Russian Federation, in the long-term perspective (until 2035). Substantiation of the long-term prospects for the development of the Arctic, despite Russian and foreign research, seems to be unrealistic due to lack of knowledge about the nature and consequences of climatic changes currently observed in this region and affecting global environmental management. The authors concluded that the priority directions of the Arctic development should be the ones based on positive and innovative trends.

Keywords: *the Arctic, development strategies, climate change, geopolitics, socio-ecological systems, innovation.*

Введение

В настоящее время в Арктике происходят трансформации, полное понимание которых не складывается. Они обусловлены влиянием двух взаимосвязанных факторов: изменением климата и глобализацией, за которыми, со своей стороны, следуют технологические, геополитические, организационные и институциональные преобразования. Смысл последних заключается в разработке направлений и выборе инструментов государственной политики в арктическом регионе [1, Schach M., Madlener R., с. 440].

Арктика — один из регионов мира, отнесённых экспертами Межправительственной группы ООН по изменению климата к наиболее уязвимым (вместе с островными государствами, Африкой и дельтами африканских и азиатских рек) [2, с. 197]. Арктика является средоточием многочисленных и не до конца изученных процессов и обратных связей, действу-

ющих в климатической системе с участием воздушных масс, морского льда, специфической стратификации Северного Ледовитого океана, криосферы и биоты суши. В течение XX–XXI вв. температурные тренды в Арктике неоднократно менялись, а несовершенство инструментальных наблюдений за погодой не позволяло долгое время сделать вывод о направлениях изменения климата. Наблюдаемое в последние десятилетия повышение температуры воздуха кроме естественных причин может быть обусловлено антропогенной деятельностью, которая осуществляется за пределами Арктики (рис. 1).

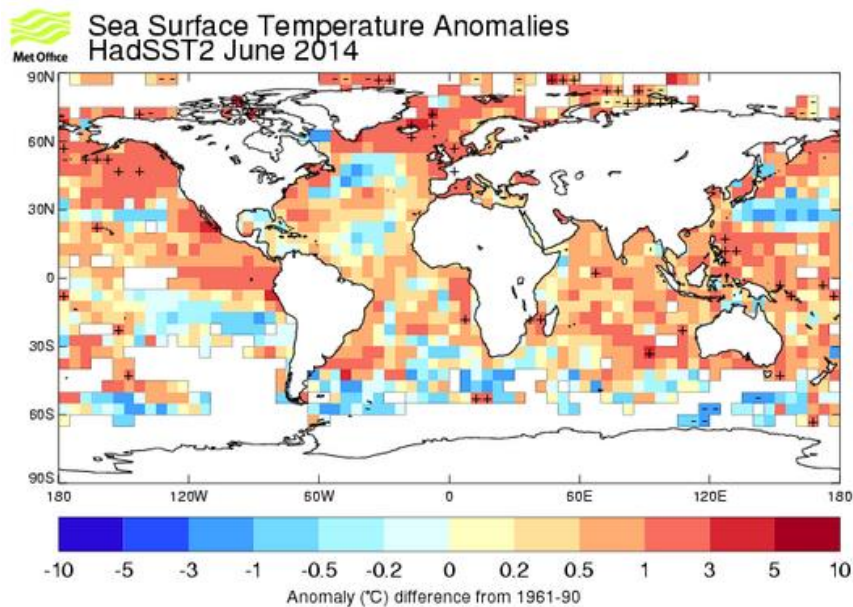

Рис. 1. Температурные аномалии на поверхности моря, июнь 2014 г.

В докладе Арктического Совета «Оценка климатических изменений в Арктике» (ACIA, 2005 г.)¹ представлен анализ наблюдаемых и ожидаемых трансформаций климата, раскрыто влияние этих процессов на экосистемы, население (в том числе коренные народы) и природопользование в странах, имеющих арктические зоны, и регионах, расположенных южнее. Аналогичные оценки содержатся в опубликованных в 2010–2014 гг. докладах рабочих групп Арктического совета, в Программе арктического мониторинга и оценки, подтверждаются сведениями Росгидромета². Во всех документах подчёркивается, что повышение температуры воздуха влечёт за собой самое значительное за последние 40 лет сокращение площади морского и материкового (на островах Северного Ледовитого океана) льда, что способно оказать влияние на природопользование в глобальном масштабе [3, Цатуров Ю.С., Клепиков А.В., с. 69]. Таяние льда, подтверждаемое Североамериканским аэрокосмическим агентством (далее — NASA) (рис. 2), способствует расширению географии разведки и добычи полезных ископаемых, определяет изменение географии грузоперевозок в Северном Ледо-

¹ Arctic Climate Issues 2011: Changes in Arctic Snow, Water, Ice and Permafrost. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP). Gaustadalléen 21, N-0349 Oslo. Norway. 112 p.

² Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: техническое резюме /Федер. служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); [ред. Группа В.В. Ясюкевич и др.]. Москва: [Росгидромет], 2014. 93 с.

витом океане, влияет на жизнедеятельность общин коренных народов, обуславливает системные сдвиги в территориальной структуре природопользования.

Последствия изменения климата касаются труднопросчитываемых в сверхдолгосрочной перспективе (от 50 до 100 лет) рисков управления северными территориями [4, Leksin V.N., Porfiriyev B.N., с. 645], выдвигают на повестку дня вопросы, связанные с организацией в России и за рубежом научных исследований на базе сети наблюдений за погодой и климатом: осадками в зоне Крайнего Севера, поведением вечной мерзлоты на суше и в Северном Ледовитом океане [5, Roberts C.D., Senan R., Molteni F. et al, с. 3685–3690; 6, Bring A., Shiklomanov A., Lammers R., с. 78–80; 7, Kaverin D.A., Melnichuk E.V., Shiklomanov N.I. et al., с. 50], разработкой моделей взаимодействия системы «атмосфера-океан» в течение 50–100 лет (Climate Forecast System, version 2, CFSv2) [8, Liu Y.Y., Wang W.Q., Kumar A., с. 1460]. Работы по моделированию изменений климата ведутся в Институте вычислительной математики РАН, где разработана модель INMCM3.0, INMCM4 (Institute of Numerical Mathematic Climate Model, версии 3.0 и 4) и другие [9, Дымников В.П., Лыкосов В.Н., Володин Е.М., с. 231].

Arctic Sea Ice

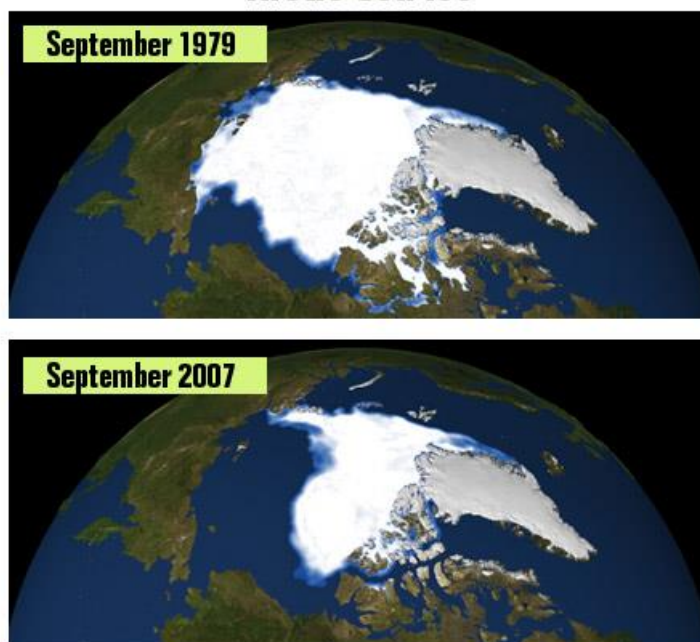

Рис. 2. Изменение площади морского льда в Арктике в сентябре 1979 г. и в сентябре 2007 г. по данным NASA.

Возникают вопросы: какое значение имеют перемены, происходящие в Арктике, и как должно строиться их осмысление для географии, экологии, а также для сферы политики и управления? Следует ли нам готовиться к «войне за ресурсы», которой пугают некоторые авторы научно-популярных статей по арктической проблематике? Существует ли возможность взаимовыгодного сотрудничества для решения проблем или даже вызовов в арктическом регионе? Что будет способствовать превращению Заполярья в пример для тех, кто стремится найти конструктивный подход к природным и социально-экологическим изменениям в других регионах? Ответы на поставленные вопросы позволят приблизиться к пониманию путей устойчивого социально-экономического развития арктической зоны, где во

главу угла будет поставлено благополучие человека, экономический прогресс и экологическая безопасность на основе передовых разработок с опорой на научно-исследовательскую деятельность при международном участии [10, Додин Д.А., с. 16–17].

В начале XXI в. ряд зарубежных государств и их корпораций разработали стратегии освоения арктических зон. Стратегии приняты в Дании³, Канаде⁴, Исландии⁵, Норвегии⁶, США [11], Финляндии⁷, Швеции⁸, Китае⁹, Индии¹⁰. Страны, разработавшие стратегии, различаются по размерам территории, географическому положению, особенностям исторического развития, видам государственного устройства (федеративные и унитарные). В приарктических зонах зарубежных государств сформировались специфические экономические системы: американская, канадская, европейская (островная и континентальная), российская. Между стратегиями существует немало различий, однако их объединяет ряд черт. Сохраняющийся десятилетия интерес к Арктике продиктован усилением активности России в арктическом регионе (особенно после экспедиции 2007 г. к Северному полюсу), обусловлен ростом потребности в сырье и топливе и при этом истощением месторождений минеральных ресурсов в старых местах добычи, продиктован желанием контролировать межконтинентальные транспортные пути — Северный морской путь (далее — СМП) и Северо-Западный проход, развивать туризм на Севере и в Арктике, сохранять коренные народы, формировать научные консорциумы и проводить исследования.

Европейские страны, разработавшие арктические стратегии, исходят из того, что проблемы развития огромного и нестандартного по природным и социально-экономическим условиям арктического региона невозможно решить без привлечения крупнейших стран — мировых лидеров, являющихся ведущими эмитентами парниковых газов (Китай и Индия), а также стран-импортёров углеводородов, рассматриваемых в качестве технологических лидеров мировой экономики (Япония, Республика Корея). Региональные стратегии, ориентированные на решение проблем развития Арктики без вовлечения внерегиональных государств, не имеют шансов на успех [12, Говорова Н.В., Журавель В.П., с. 98; 13, Чистобаев А.И., Кондратов Н.А., с. 85].

³ Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011 – 2020. 58 p.

⁴ Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future / Government of Canada, Ottawa, 2009. 8 p.

⁵ Студнева Е. Россия и Исландия: арктическое притяжение. URL: <http://russiancouncil.ru/inner/> (дата обращения: 08.09.18).

⁶ Северные регионы. Перспективы и решения / Министерство иностранных дел Норвегии. 2011, 48 с.

⁷ Finland's Strategy for the Arctic Region / Prime Minister Offices. 2010. 98 p.

⁸ Sweden's Strategy for the Arctic region / Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 p.

⁹ Карлусов В. Арктический вектор глобализации Китая. URL: <http://russiancouncil.ru/inner/> (дата обращения: 08.09.18).

¹⁰ Лунев С. Индия устремилась в Арктику. URL: <http://russiancouncil.ru/inner/> (дата обращения: 08.09.18).

Факторы, влияющие на выбор сценариев

Поиск ответов на вызовы развития Арктики осложняется высокой степенью неопределённости происходящих в этом регионе изменений, что обусловлено нехваткой наших знаний об их природе и последствиях. Разработанные в РФ и зарубежом арктические стратегии имеют временной горизонт на период до 2020 г. В связи с этим целесообразно проанализировать несколько готовых сценариев, описывающих направления развития Арктики и освоения её природных ресурсов с междисциплинарных позиций: географии, экономики, экологии, геополитики [14, Янг О.Р., с. 22].

Предлагаемые авторские варианты развития арктического региона в долгосрочной перспективе опираются на научный задел, представленный в статьях арктиковедов, а также на наработки в арктических стратегиях, которые учитывают готовность создавать специфические арктикоориентированные системы управления и развивать международные отношения [15, Zagorsky A., с. 45; 16, Харевский А.А., с. 98].

На содержание сценариев развития Арктики оказывают влияние несколько факторов.

1. **Физико-географические особенности региона:** экстремальные природно-климатические условия и динамика изменения климата.

Продолжительный период с отрицательными температурами воздуха, короткий вегетационный период, специфическая фотопериодичность, распространение многолетнемерзлых горных пород удорожают развитие промышленности и инфраструктуры, обуславливают повышенные энергетические затраты, предъявляют особые требования к коммунальным системам населённых пунктов. Почти 70% площади российской Арктики постоянно находится подо льдом, что вызывает необходимость разработки специальных мер по обеспечению безопасности при добыче полезных ископаемых, их транспортировке, функционированию инфраструктуры, поддержке обороноспособности государства на северном (арктическом) направлении [17, Барсегов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевкин И.М., с. 18].

Природная экстремальность усиливается периферийностью российского арктического региона, рассредоточенностью и низкой степенью изученности месторождений сырья и топлива на суше и в акваториях Северного Ледовитого океана, удалённостью промышленных центров от береговых баз снабжения, национальных и зарубежных рынков сбыта, недостаточным развитием транспортной, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры.

В российской Арктике природные вызовы освоения природных ресурсов ярко проявляются в восточном секторе, что подтверждается тем, что к востоку от Карского моря в последние годы не начат ни один крупный инвестиционный проект. Восточные районы, острова и архипелаги на западе российской Арктики характеризуются зависимостью хозяйственной деятельности населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов, необходимостью создания здесь запасов товаров с учётом ограниченной транспортной доступности — короткого навигационного периода.

Особенности географического положения, природных условий и хозяйственного развития арктического региона (здесь исторически сложился сырьевой, практически моноресурсный, характер экономики) делают местную природу уязвимой. Низкое биологическое разнообразие и скорость биологических процессов определяют слабую устойчивость экосистем Крайнего Севера и их высокую восприимчивость к загрязняющим веществам, привносимым из-за пределов Арктики.

Данная проблематика привлекает внимание международного сообщества и положена в основу деятельности Арктического Совета. Усилия по преодолению природной экстремальности, в том числе через разработку средств транспорта, поиск заменителей традиционных энергоносителей, развитие информационно-коммуникационных технологий, могут быть предприняты для основания инновационного сценария развития Арктики. Недостаточные усилия в этих направлениях станут отличительной чертой инерционного сценария.

Множество факторов, влияющих на климатические процессы, небольшой период накопленных метеонаблюдений, особенности физико-географического положения арктического региона с учётом акватории Северного Ледовитого океана позволяют осторожно строить долгосрочные прогнозы изменений климата. Можно говорить о наметившихся в последние 40 лет тенденциях: повышении температуры воздуха, сокращении площади льда, уменьшении мощности многолетнемёрзлых горных пород. Организация международных научных исследований с целью заполнения вакуума знаний о природе высоких широт, использование опыта коренного населения отражены в арктических стратегиях многих государств. Это актуально и для России, после распада СССР утратившей лидерство в арктических исследованиях, особенно в климатической проблематике [3, Цатуров Ю.С., Клепиков А.В., с. 71].

2. Состояние мировой экономики и спрос на углеводородные ресурсы. С одной стороны, растущая потребность разных стран (особенно азиатских) в топливе, а также желание корпораций повысить рентабельность его перевозок (например, при использовании СМП) делают арктический регион привлекательным для сторонников развития событий с позиций геополитики. Желанием контролировать процесс добычи углеводородов в арктической зоне и доставки топлива потребителю продиктована разработка арктической стратегии США [11]. С другой стороны, сырьевая ориентация создаёт зависимость социально-экономического развития Арктики от мировых цен на энергоресурсы. Добавим, что часть запасов уникальных месторождений на Аляске и в Западной Сибири в арктической зоне прошла стадию пиковой добычи, а другая часть запасов относится к категории потенциальных, их роль может возрасти позже.

3. Состояние технологий и обладание ими ограниченного числа стран. Этот фактор в среднесрочной перспективе не позволит организовать и развивать в Арктике рентабельную и экологически безопасную добычу нефти и природного газа. Высокая себестоимость добычи и переработки, технологическая неподготовленность участков, низкое качество сейсмо-

разведки (в России), необходимость корректировки геологических моделей и экологические ограничения стали основными в компаниях «BP», «Shell» и «Газпром» при принятии решений о приостановке разработки месторождений вблизи побережья Гренландии, Аляски и в Карском море. Следует помнить, что часть перспективных месторождений нефти и газа находится в спорных зонах.

4. Состояние международных отношений и роль России. В настоящее время система международных отношений переживает кризис, который с разной степенью остроты проявляется в разных частях планеты и охватывает большое число стран и регионов. Благополучие населения, проживающего в Арктике, зависит от степени договороспособности ведущих приарктических стран, особенно США и России, опоры правительств на нормы международного права, «свободы» от учёта факторов, не имеющих прямого отношения к Арктике (например, исключение из повестки двусторонних отношений России и Канады, России и США, «украинского вопроса» и т.п.), полноты использования потенциала организаций как площадок организации межправительственного диалога. На фоне прогресса, достигнутого во взаимоотношениях между Россией и зарубежными государствами в ходе подготовки к использованию природных ресурсов арктической зоны, в настоящее время североевропейские страны, Канада и США ввели ограничения по сотрудничеству с Россией, тем самым поставив под сомнение выполнение взаимных обязательств по обеспечению безопасности на Крайнем Севере и в Арктике.

Сценарии развития Арктики

Формулируя сценарии развития арктического региона, целесообразно обратиться к статье Янга О.Р. «Будущее Арктики: роль идей» [14], в которой перспективы развития Арктики в неопределённом периоде рассматриваются с двух позиций: геополитической и создания социально-экологических систем.

Янг пишет, что большинство авторов научно-популярных книг описывают происходящие в Арктике перемены с позиций геополитики. Высказывается предположение, что мы наблюдаем новую фазу «большой игры» за ресурсы, очередной виток арктической «золотой лихорадки», которая повлечёт за собой усиление столкновения интересов разных стран, но прежде всего США и России [18, Borgerson S., с. 21; 19, Howard R., с. 57].

Укоренению идей «силового раздела Арктики» способствуют средства массовой информации, формирующие общественное сознание, в которое внедряются визуальные образы таких изменений в Заполярье, как сокращение площади и мощности морского льда, попытки объявить чьей-то собственностью ранее не принадлежавшие никому территории.

Важный признак геополитического сценария, по Янгу, — ожидаемая эскалация территориальных претензий в Арктике между странами. К таким примерам можно отнести Данию и Канаду, которые ведут переговоры о принадлежности острова Ханс между Гренландией и Землей Баффина, представляющего собой несколько необитаемых обледенелых скал пло-

щадью около 1,5 км²; Великобритания, Дания и Исландия спорят о необитаемой скале Роккал площадью 570 м², расположенной в Норвежском море к северу от Шетландских островов¹¹; в Гренландии обсуждается идея об отделении от континентальной Дании. Россия, Канада, США, Дания и Норвегия продолжают изучение дна Северного Ледовитого океана, ведут сбор информации о внешних границах континентального шельфа, готовят заявки в специализированную Комиссию ООН о принадлежности поднятий Ломоносова и Менделеева сухопутным структурам (рис. 3).

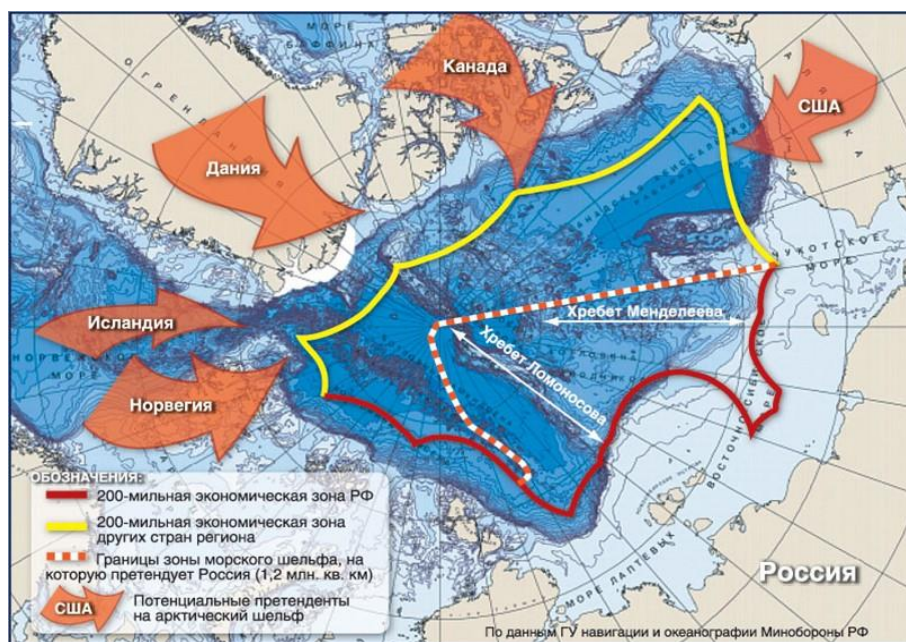

Рис. 3. Претенденты на арктические акватории в Северном Ледовитом океане.

Своеобразная ситуация сохраняется вокруг Шпицбергена. В 1920 г. в Париже 40 государств подписали договор, в соответствии с которым Норвегии был предоставлен суверенитет над этим архипелагом, но с правом доступа к нему всех заинтересованных государств. Советский Союз проводил на Шпицбергене научные исследования (сейчас там функционирует Российской научный центр), в нескольких посёлках была организована добыча каменного угля для нужд СМП. Обеспечение российского присутствия на архипелаге относится к числу приоритетов политики России в Арктике¹². В 1976 г. Норвегия установила рыбоохранную зону вокруг архипелага, проводит задержания рыболовных судов в исключительной экономической зоне (далее — ИЭЗ) архипелага, что противоречит договору 1920 г.

Рассматривая будущее Арктики с позиций силового раздела мира, некоторые авторы предсказывают катастрофу, которая приведёт к «...жестоким кровопролитным столкновениям между великими державами, отчаянно борющимися друг с другом за право обладания сокращающимися мировыми запасами природных ресурсов» [19, Howard R., с. 10]. Действи-

¹¹ Выдвижение Великобританией арктических претензий может побудить к аналогичным действиям Францию. Благодаря расположенным вблизи североатлантического побережья Канады французским островам Сен-Пьер и Микелон Франции, как и Великобритании (благодаря Оркнейским и Шетландским островам) принадлежит значительная североатлантическая акватория, граничащая с Арктикой.

¹² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/> (дата обращения: 10.08.2018).

тельно, причины территориальных претензий обусловлены наличием (или прогнозируемым наличием) в акваториях Северного Ледовитого и Атлантического океанов запасов минеральных и рыбных ресурсов, прохождением стратегических морских коммуникаций.

В разработанных арктических стратегиях, особенно это заметно на примере США, особое место занимает блок военно-стратегических вопросов, которые отражаются с позиций Североатлантического альянса (далее — НАТО). Военные приготовления зарубежных стран в стратегически важном регионе Земли рассматриваются как дестабилизирующий фактор международной обстановки. США не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, декларируют реализацию интересов в Арктике посредством укрепления военных группировок, готовности действовать в одностороннем порядке за пределами национальных арктических зон. В арктических стратегиях зарубежных государств прописана необходимость организации учений флотов и сухопутных мобильных частей, модернизации транспортной инфраструктуры, аэродромов на суше и акватории Северного Ледовитого океана. В Северной Европе прорабатывается возможность создания «мини-НАТО» с опорой на военную инфраструктуру, размещённую за Полярным кругом в Норвегии.

Необходимо отметить важную, если не главную, особенность геополитического подхода к осмыслению процессов, протекающих в арктическом регионе: категоричность мышления сторонников этого сценария и их стремление привлечь внимание к своим работам в малой степени соответствует действительности. Российская позиция состоит в том, что на арктическом пространстве обстановка характеризуется как позитивная, стабильная и предсказуемая, в этом регионе отсутствует необходимость подключать к решению вопросов развития новые военно-политические структуры [20, Васильев А.В., с. 20]. Однако, отвечая на вызовы и действуя в интересах защиты суверенитета, в АЗРФ укрепляется государственная граница, размещаются илы и средства Министерства обороны и Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, на Северном флоте создано Объединённое стратегическое командование, на побережье Северного Ледовитого океана развивается система аварийно-спасательных центров. Актуальные задачи: обеспечение национальной безопасности в российской арктической зоне, повышение эффективности взаимодействия военных и специальных служб с пограничными ведомствами сопредельных государств, охрана биологических ресурсов, помощь терпящим бедствие судам, ликвидация последствий стихийных бедствий.

Анализ арктических стратегий России и зарубежных государств показывает, что все страны подходят к Арктике с позиций развития в этом регионе международной кооперации. Наметившийся в последние десятилетия переход от конфронтационной риторики периода «холодной войны» к отношениям, характеризующимся ростом точек соприкосновения, расширил спектр технологического, научно-образовательного взаимодействия между приарктическими государствами. Характерным примером является их участие в разработке в рамках Арктического Совета соглашений о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и

спасении в Арктике (Нуук, 2011 г.) и о готовности и реагировании на загрязнение моря нефтью в Арктике (Кируна, 2013 г.). В рамках Международной морской организации (ИМО) в соответствии с Конвенцией по охране человеческой жизни на море (SOLAS) и Конвенцией по предотвращению загрязнения с морских судов (MARPOL) разработан Полярный кодекс (Polar Code) — правила судоходства, обязательные для исполнения странами, использующими транспортные пути Северного Ледовитого океана. Несмотря на введённые в отношении России санкции, в арктической зоне функционируют предприятия с иностранным участием. Таков, например, проект «Ямал-СПГ», в котором участвует свыше 40 стран и в рамках которого начато освоение уникальных месторождений углеводородов, параллельно развивается промышленность и инфраструктура в Ямало-Ненецком автономном округе. Вьетнам ведёт добычу углеводородов в Ненецком автономном округе. Китай проявляет интерес к строительству Белкомура от Архангельской области до Пермского края и далее в Азию.

Государства, заинтересованные в устойчивом развитии арктического региона и использовании его ресурсов, признают ведущую роль Арктического Совета, а также Совета Баренцева Евро-Арктического региона, «Северного измерения» Европейского Союза, Университета Арктики как площадок для выработки политики в отношении освоения ресурсов арктической зоны, развития транспортно-логистической инфраструктуры, охраны природы, сбережения коренных народов, развития науки и образования, особенно в сфере изучения погоды (например, феномена полярных циклонов) и климата. В тех немногих районах Арктики, где споры о принадлежности территории и акватории имеют место, стороны либо принимают усилия по урегулированию отношений путём переговоров, как это можно наблюдать на примере процедур, определённых Конвенцией ООН по морскому праву, установлением юрисдикции над участками континентального шельфа (за пределами 200-мильной ИЭЗ, но не далее 350 морских миль). Заключение российско-норвежского договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (2010 г.) — ещё один пример реализации альтернативного варианта «мягкой силы», выражающегося в способности добиваться желаемого от партнеров с помощью невоенных инструментов. Согласно договору, выполнена делимитация российско-норвежской границы в Баренцевом море, т.е. произведено размежевание спорного района площадью 175 тыс. кв. км или около 12% площади моря, образованного западной границей арктического сектора России (российский вариант) и срединной линией (норвежский вариант), проведённой на равном удалении от архипелагов Шпицберген, Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. Вопрос суверенитета над морскими пространствами в западном секторе Арктики актуален для России с точки зрения реализации права свободного выхода в Атлантику, развития рыболовства, поддержания коммерческих, гражданских и военно-морских коммуникаций, разработки минерального топлива, решения прикладных и фундаментальных научных задач.

Почему, несмотря на явные примеры активного межгосударственного диалога в арктической зоне, идеи геополитического противостояния в этом регионе жизнеспособны и до-

минируют на политических форумах? Ответ может заключаться в том, что такие трактовки легко подхватываются СМИ и быстро укореняются в общественном сознании, сформированном событиями Второй мировой войны, последовавшими за этим разделом мира, военным противостоянием СССР и США. Не менее важной причиной притягательности конфронтационной «картинки» может быть сохраняющееся фрагментарное представление об Арктике, слабая проработанность альтернативной парадигмы, которая демонстрировала бы более логичную и научно обоснованную трактовку изменений в Арктике в начале XXI в.

Переходя ко второму направлению развития Арктики, Янг пишет: «Изменения, которые происходят сегодня в Заполярье, системны, нелинейны, стремительны и необратимы» [14, с. 24]. На Земле большую роль играют антропогенные экосистемы, в которых природные биогеофизические процессы накладываются на социально-экономические преобразования окружающей среды. В отдельных регионах это приводит к возникновению сложных динамических систем, в которых традиционные методы и способы управления не действуют. Подходом к описанию будущего Арктики, альтернативного геополитическому, с опорой на который можно было бы разработать новые варианты управления этим регионом, мог бы стать сценарий, опирающийся на социально-экологические системы, понимаемые как взаимосвязанные социальные и экологические факторы развития [14, Янг О.Р., с. 32].

Нигде на Земле антропогенный фактор не проявляется так ярко, как в арктическом регионе: изменение климата и процессы глобализации являются антропогенными по своей природе и взаимно влияют друг на друга. Потепление климата, как считают в Арктическом Совете и Росгидромете, в значительной степени обусловлено деятельностью человека, причём за пределами арктического региона в странах—эмитентах парниковых газов: со своей стороны, потепление приводит к расширению хозяйственной деятельности, её сдвигу в ранее недоступные районы, каким является Арктика. Однако в социально-экологической системе антропогенный фактор оказывает сопоставимое, а иногда и более существенное влияние на систему в целом, чем природный. Поэтому попытки понять, что происходит в Заполярье, должны фокусироваться, прежде всего, на деятельности человека, а разработка мер управления изменениями должна учитывать их влияние на природу и антропогенную деятельность в будущем. Успеха на пути развития Арктики можно достичь путём модернизации системы управления, превращения её в совокупность проблемно-ориентированных блоков (в составе многоаспектного географического положения, геополитического статуса, природно-ресурсного потенциала, социально-экономического развития, транспортно-логистического, социально-культурологического, природоохранного потенциалов), которые могли бы функционировать отдельно, но при этом быть взаимосвязанными, чтобы решать различные задачи и адаптироваться к изменениям в таком нестандартном регионе как Арктика. Эффективного, безопасного и бесконфликтного взаимодействия субъектов социально-экономического развития в субъектах арктической зоны можно достичь в рамках арктических партнёрств, которые создаются на международном, региональном и локальном уров-

нях. Их содержание хорошо известно [21, Пилясов А.Н., с. 15]. Зарубежный опыт освоения Крайнего Севера свидетельствует о пользе партнёрств между федеральной и региональной властью, между правительствами арктических регионов и корпорациями, между гражданскими и военными структурами, между властью и коренными народами, между властью, корпорациями и коренными народами, между университетами (научными центрами) и промышленными предприятиями (корпорациями). Можно констатировать, что потенциал такого взаимодействия в российской Арктике в полной мере не реализован. Сценарий развития Арктики на основе социально-экологических систем, исходящий из идеи ответственного управления, выдвигает на передний план ведомства и организации, контролирующие состояние окружающей среды и ответственные за управление земельными, морскими биологическими ресурсами. Особая задача — обеспечение комплексной безопасности населения, использование знаний аборигенов, согласование с ними направлений развития природопользования в Арктике. Связь социальных и экологических систем в арктическом регионе отчётливо проявляется при анализе арктических стратегий. За рубежом в них заложены принципы рационального природопользования и надёжного закрепления приполярных стран на этих территориях. Эти идеи разделяются и в российской арктической стратегии.

В стратегиях зарубежных государств расставлены акценты не на консервацию природной среды Арктики, как это было характерно, например, ещё 25–30 лет назад, а на неистощительное природопользование при международном участии, развитие альтернативной энергетики, использование передовых стандартов освоения природных ресурсов, экологический менеджмент, безопасное, согласованное с нормами международного права использование энергетических ресурсов с постепенным переходом к освоению месторождений, расположенных в более суровых условиях [21, Пилясов А.Н., с. 15]. В институциональной сфере создаются специальные структуры, которые будут отслеживать признаки глубоких изменений в арктическом регионе и выполнять функцию раннего оповещения, повышая безопасность функционирования предприятий и проживающего в Арктике населения. На базе университетов и исследовательских центров в Арктике получают развитие морские (акваториальные) кластеры. Провозглашается приоритет постепенного перехода к разработке месторождений шельфа, при соблюдении высоких экологических стандартов во имя наработки опыта, чтобы использовать его позднее при перемещении на большие глубины.

В Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., утверждённой президентом России В.В. Путиным в 2013 г., приведены два сценария, описывающие тенденции социально-экономического развития российской арктической зоны¹³. При их построении учитывались Сценарные условия функционирования экономики РФ и параметры прогноза социально-экономического развития, разрабатываемые Министерством экономического развития, а также сценарии, сформиро-

¹³ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://правительство.рф/docs/22846/> (дата обращения: 08.09.2018).

ванные Арктическим советом, в частности, Scenario Narratives Report «The Future of Arctic Marine Navigation in Mid-Century» и другие.

Характерными чертами инновационного сценария станут, с одной стороны, последовательная реализация конкурентных преимуществ российской Арктики на базе использования её природно-ресурсного потенциала, с другой стороны, проявление нового качества экономического роста, основанного на использовании передовых технологий в различных отраслях хозяйства, развитии информационно-коммуникационного комплекса. Реализация этого сценария предполагает обновление институциональной среды, формирование специфических арктических органов государственного управления, опережающее развитие сервисной экономики, модернизацию промышленной, энергетической инфраструктуры, создание производств глубокой переработки ресурсов, нацеленных на получение продукции с высокой добавленной стоимостью, внедрение технологических, организационных инноваций, развитие университетов, которые производят конкурентоспособные на мировом рынке знания. Реализация этих задач одинаково эффективно будет осуществляться как в гражданском, так и в оборонно-промышленном сегментах экономики.

Инновационный сценарий основан на оптимистических оценках развития ключевых отраслей арктической экономики. Он связан с началом реализации мегапроектов (освоение Штокмановского и Бованенковского месторождений, Поморского и Долгинского месторождений, Варандей-море и Медыньское-море участков, развитие трубопроводного транспорта, увеличение грузоперевозок по СМП), развитием моногородов, притоком инвестиций в целях пространственного развития и инфраструктурного обустройства субъектов российской Арктики, сотрудничеством между российскими арктическими регионами для использования потенциала развития друг друга. Начнётся реализация межсубъектных инвестиционных проектов «Урал Промышленный — Урал Полярный» и «Белкомур».

Инновационный сценарий исходит из сотрудничества приполярных стран в освоении месторождений арктического шельфа и потому в значительно более быстрых, чем в инерционном сценарии, темпах его освоения. Пилясов А.Н. называет такой феномен «Арктическим Средиземноморьем», рассматривает арктический регион «...подобно тому, как Средиземноморье было ... центром международного сотрудничества во времена античности» [21, с. 13]. РФ продолжит работу по разграничению морских пространств и обеспечению взаимовыгодного присутствия России на архипелаге Шпицберген, что отвечает политике России Арктике до 2020 г. и на дальнейшую перспективу¹⁴.

Инерционный сценарий отражает пролонгацию действующих тенденций в ключевых отраслях экономики Арктики и основывается на консервативных оценках роста ключевых показателей. Предполагается, что темпы роста валового регионального продукта, входящих в арктическую зону территорий, реальных доходов населения, рост производительности

¹⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/> (дата обращения: 10.08.2018).

труда будут ниже среднероссийских, а структурные сдвиги и прирост частных инвестиций будут происходить медленно. Сырьевая ориентация арктической зоны РФ в системе географического разделения труда сохранится. Конъюнктура мировых цен на природные ресурсы будет благоприятной, но неустойчивой. Продолжится отток населения и снижение качества его жизни. По причинам задержки сроков реализации мегапроекты слабо воздействуют на экономические параметры развития региона. Произойдет падение объемов грузоперевозок по СМП, в кризисе будут пребывать рыбопромысловая деятельность и научно-исследовательский флот. Контрасты между развитием динамичного западного и депрессивного восточного секторов арктической зоны усилятся. В отношении международного сотрудничества в Арктике инерционный сценарий отражает конфликт интересов приполярных стран и усиление борьбы между ними за природные ресурсы, в том числе увеличение давления на РФ на Шпицбергене¹⁵.

Используя авторский подход к разработке сценариев развития Арктики до 2035 г., перспективы её развития можно условно разделить на оптимистичные, пессимистичные и промежуточные. Объектом исследования станут социально-экономические и политические факторы, поскольку развитие арктической зоны возможно при участии нескольких государств, причём расположенных не только в Арктике, но и южнее её, заинтересованных в устойчивом использовании природно-ресурсного потенциала арктического региона и его транспортных возможностей.

Признаками оптимистичного сценария развития Арктики станут:

- поступательное (несмотря на цикличность) развитие мировой экономики, при которой сохраняется спрос на природные ресурсы Арктики и транспортные пути Северного Ледовитого океана (прежде всего, СМП, хотя он и остается малоконкурентоспособным по сравнению с Суэцким каналом). Это позволит при международном участии продолжить геологическую разведку углеводородов в новых районах Арктики;
- сплочение международного сообщества вокруг ценностей арктического региона (территориальная целостность, уважение норм международного права, устойчивый социально-экономический рост, благополучие населения, высокое качество окружающей среды, производство новых знаний и совместные научные исследования — эти постулаты сформулированы в каждой арктической стратегии стран Европы и Северной Америки);
- развитие «народной дипломатии» — сотрудничество между муниципалитетами в Баренцевом Евро-Арктическом регионе и трансляция опыта в другие части арктической зоны;
- увеличение роли Арктического Совета, принимающего обязательные для других стран решения, приглашение к его работе новых государств, заинтересованных в использовании ресурсов и устойчивом развитии арктического региона;

¹⁵ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://правительство.рф/docs/22846/> (дата обращения: 08.09.2018).

- ратификация США Конвенции ООН по морскому праву и, как следствие, подача заявки на увеличение ИЭЗ, активизация деятельности американских корпораций в арктической зоне;
- достижение взаимопонимания РФ с ключевыми странами региона — США, Канадой и Норвегией — в сфере недропользования и использования транспортных путей, что позволит снизить уровень военно-политического напряжения в регионе;
- инициативы России по поиску новых партнёров экологически безопасного и экономически рентабельного освоения природных ресурсов в арктической зоне среди внерегиональных государств, прежде всего, в Азии и Латинской Америке на основе государственно-частных партнёрств.

Иллюстрацией пессимистичного сценария станет в противоположность вышерассмотренного ухудшение дву- и многосторонних отношений между государствами в арктическом регионе. Признаками такого сценария могут стать:

- напряжённый характер межгосударственного сотрудничества, обусловленный территориальными спорами (в т.ч. «шпицбергенской проблемой»), готовностью стран действовать для защиты собственных интересов вне национальной арктической зоны, продвигать тезис об отсутствии в Арктике территориальных разграничений, добиваться от ООН запрета на разведку и добычу полезных ископаемых в Арктике, отстаивать право на свободное судоходство в Северном Ледовитом океане;
- рост военного присутствия в регионе, которое в зарубежных арктических стратегиях отражается с позиций НАТО. Милитаризация не отвечает интересам России в арктическом регионе;
- Арктический Совет превращается в дискуссионный клуб, его роль в решении проблем Арктики снижается;
- циклический умеренный рост мировой экономики сменяется стагнацией, спрос на нефть и природный газ из дорогих арктических месторождений снижается на фоне развития сланцевой энергетики, добыча на разрабатываемых месторождениях в Арктике падает, темпы геологической разведки сокращаются, перевозки по СМП остаются неконкурентоспособными, Северо-Западный проход всё более освобождается ото льда в период навигации;
- на фоне сохранения международной изоляции Россия ведёт поиск новых партнёров по разработке месторождений углеводородов среди азиатских компаний; растёт тревога экологических организаций, связанная с обострением экологической обстановки в Арктике из-за слабой подготовленности месторождений к освоению; активность экологических организаций вблизи мест добычи и маршрутов транспортировки природных ресурсов трактуется как экологический терроризм.

В случае промежуточного сценария развитие Арктики будет балансировать между оптимистичным и пессимистичным сценариями. Территориальные разногласия и стремление контролировать судоходные пути сохранятся, однако эти процессы не будут носить острого характера при выраженном стремлении государств найти решение на основе принципов международного права. Состояние двусторонних отношений с участием РФ и западных государств остается напряжённым. Санкционное давление со стороны европейских и североамериканских государств сохранится, ключевым партнёром в сфере реализации арктических проектов станут азиатские страны. Предположим, что, рискуя утратить контроль над судо-

ходными путями в Индийском океане и имея представительство в научном сообществе на Шпицбергене, Индия в долгосрочной перспективе будет прилагать осторожные усилия по продвижению своих интересов в Арктике, но сохранит к региону устойчивый интерес. Развитие мировой экономики стимулирует экономическую активность в Арктике, что способствует сохранению внимания к региону со стороны международных экологических организаций. Североамериканские нефтегазовые компании, сочетающие владение технологиями и финансовыми ресурсами, будут активно реализовывать свои интересы в разведке и добыче полезных ископаемых на суше и шельфе Северного Ледовитого океана.

Для промежуточного сценария необходимо учитывать неявные и случайные факторы. Под неявными мы понимаем малопредсказуемые аспекты развития, они зависят от событий, прямо не затрагивающих арктический регион. Например, успехи сланцевой революции и в отдаленной перспективе водородной энергетики, хоть и на короткое время, но способны поменять отношение к арктическим ресурсам, что будет иметь разнонаправленное значение для развития региона. Признаками отрицательных последствий будут: консервация арктических проектов по разработке природных ресурсов и их вывозу на внешние рынки, снижение уровня жизни местного населения и, как следствие, обезлюдивание арктических пространств. Положительное значение заключается в сохранении ресурсов для будущих поколений, уменьшении антропогенной нагрузки на экосистемы, сохранении благоприятной окружающей среды. Ни положительные, ни отрицательные аспекты в настоящее время не могут быть приняты однозначно по причине нехватки наших знаний о таких процессах.

Среди случайных факторов, способных оказать влияние на выбор сценариев, назовем возможность стихийных бедствий, техногенных аварий, острых и затяжных финансовых кризисов, гонку вооружений, информационные войны, террористические акты, открытие новых месторождений сырья и топлива, неожиданные технологические инновации, повышение нестабильности рыночной конъюнктуры, увеличение темпа климатических изменений.

Заключение

В начале XXI в. к арктическому региону приковано внимание правительств и научной общественности во многих странах мира. Это связано с тем, что Арктика обладает уникальным и не до конца изученным природно-ресурсным, социально-экономическим, транспортно-логистическим, природоохранным, туристско-рекреационным, социально-культурологическим потенциалом. Это обуславливает её глобальное геополитическое (включая военно-стратегическое) значение [17, Барсегов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевкин И.М., с. 17]. В этом регионе можно найти как успешные примеры развития международного диалога, так и сохраняющихся разногласий. Особенности географического положения Арктики, происходящие в этом регионе перемены, обусловленные изменением климата и на этом фоне — борьбой различных стран за ресурсы и коммуникации, положены в основу сценариев развития арктического региона. Оба основных сценария — геополитический и социально-

экологический — призывают к разработке глобального подхода в управлении арктическим регионом. Они формулируют задачу выбора приоритетов: разрешения территориальных и юридических споров, быстрые ответные (возможно, агрессивные) действия стран при попытке ограничить их суверенитет в Арктике, либо постановка акцента на международном сотрудничестве, укреплении доверия между странами в арктическом пространстве, обеспечении экологического благополучия региона, применении принципов предосторожного подхода и сохранения биоразнообразия, либо объединения этих двух парадигм. Решение задачи по выбору сценариев должно опираться на результаты научных исследований, подготовку и привлечение к работе в экстремальных условиях Арктики специалистов высокой квалификации.

Перспективы устойчивого развития Арктики и приарктических территорий формируют позиционирование государств и их корпораций. Основные задачи и направления их деятельности определяются естественными конкурентными преимуществами региона. Эффективное решение территориальных и экологических проблем Арктики можно обеспечить, используя опыт (но без механического его переноса) и знания, накопленные в ключевых отраслях северной экономики в разных странах. Возникающие при этом спорные вопросы должны решаться на основе принципов международного права. Приоритетом должно стать устойчивое развитие Арктики: сохранение её окружающей среды, использование природных ресурсов без угроз ресурсобеспеченности будущим поколениям. Такой ответственный и в социальном, и в экологическом отношении подход, реализуемый через инновационный сценарий и сценарий социально-экологических систем, представляется нам более реалистичным, чем тезисы о «войне за ресурсы», «кризисе управления», «новом переделе мира», составляющие основу геополитического сценария.

Литература

1. Schlach M., Madlener R. Impacts of an ice-free Northeast Passage on LNG markets and geopolitics // *Energy Policy*. 2018. No. 122. Pp. 433–448.
2. Российская Арктика: современная парадигма развития / Под ред. акад. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор — История, 2014. 844 с.
3. Цатуров Ю.С., Клепиков А.В. Современное изменение климата Арктики: результаты нового оценочного доклада Арктического Совета // *Арктика: экология и экономика*. 2012. № 4(8). С. 68–82.
4. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Specificities of Spatial System Transformation and Strategies of the Russian Arctic Redevelopment under the Conditions of Climate Changes // *Economika regiona — economy of region*. 2017. 13 (3). С. 641–657.
5. Roberts C.D., Senan R., Molteni F., Boussetta S., Mayer M., Keelye S.P.E. Climate model configurations of the ECMWF Integrated Forecasting System (ECMWF-IFS cycle 43r1) for HighResMIP // *Geoscientific model development*. 2018. Vol. 11. No. 9. Pp. 3681–3712.
6. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic river discharge: Prioritizing monitoring of future climate change hot spots // *Earths Future*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 79–92.
7. Kaverin D.A., Melnichuk E.B., Shiklomanov N.I., Kakunov N.B., Pastukhov A.V., Shiklomanov A.N. Long-term changes in the ground thermal regime of an artificially drained thaw-lake basin in the Russian European north // *Permafrost and Periglacial Processes*. Vol. 29. No. 1. Pp. 49–59.
8. Liu Y.Y., Wang W.Q., Kumar A. Multiweek Prediction Skill Assessment of Arctic Sea Ice Variability in

- the CFSv2 // *Weather and Forecasting*. Vol. 33. No. 5. Pp. 1453–1467.
9. Дымников В.П., Лыкосов В.Н., Володин Е.М. Моделирование климата и его изменений: современные проблемы // *Вестник Российской Академии наук*. 2012. Том 82. № 3. С. 227–236.
 10. Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 283 с.
 11. Conley H., Craut J. US Strategic Interests in the Arctic. An assessment of current Challenges and New Opportunities for Cooperation. 2013. 33 p.
 12. Говорова Н.В., Журавель В.П. Многоликая Арктика: горизонты развития // *Арктика и Север*. 2018. № 31. С. 98–104.
 13. Чистобаев А.И., Кондратов Н.А. Экономическое развитие Арктики: приоритеты России и зарубежных государств // *Геополитика и безопасность*. 2013. № 2 (22). С. 84–91.
 14. Янг О.Р. Будущее Арктики: роль идей // *Вестник Московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 22–40.
 15. Zagorski A. Security in the Arctic // *Contemporary Europe — Sovremennaya Evropa*. 2017. No. 4. Pp. 40–49.
 16. Харевский А.А. Арктическая политика Канады: трансформация подхода к управлению северными территориями // *Вестник Коми научного центра Уро РАН*. Выпуск 2 (6). 2011. С. 97–102.
 17. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Под ред. Барсегова Ю.Г., Корзуна В.А., Могилевкина И.М. и др. М.: Наука, 2002. 356 с.
 18. Borgerson S. The Great Game Moves North: As the Arctic Melts, Countries Vie for Control // *Foreign Affairs*. 2013. No. 141. Pp. 14–29.
 19. Howard R. The Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources. L., N.Y.: Continuum, 2009. 318 p.
 20. Васильев А.В. Арктика: новый вектор развития // *Арктика: экология и экономика*. 2011. № 1. С. 20–25.
 21. Пилясов А.Н. Прогнозное развитие российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи, уроки зарубежных стратегий // *Арктика: экология и экономика*. 2011. № 2. С. 10–17.

References

1. Schlach M., Madlener R. Impacts of an ice-free Northeast Passage on LNG markets and geopolitics. *Energy Police*, 2018, no. 122, pp. 433–448.
2. *Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [The Russian Arctic: the modern paradigm of development] / Ed. by A.I. Tatarkin. SPb., Nestor — Istorija Publ., 2014, 844 p. (In Russ.)
3. Caturov Yu.S., Klepikov A.V. Sovremennoe izmenenie klimata Arktiki: rezul'taty novogo otsenochного doklada Arkticheskogo Soveta [Current Arctic climate change: results of the new Arctic Council assessment report]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2012, no. 4 (8), pp. 68–82.
4. Laksin V.N., Porfiriev B.N. Specificities of Spatial System Transformation and Strategies of the Russian Arctic Redevelopment under the Conditions of Climate Changes. *Ekonomika regiona — economy of region*, 2017, 13 (3), pp. 641–657.
5. Roberts C.D., Senan R., Molteni F., Boussetta S., Mayer M., Keelye S.P.E. Climate model configurations of the ECMWF Integrated Forecasting System (ECMWF-IFS cycle 43r1) for HighResMIP. *Geoscientific model development*, 2018, vol. 11, no. 9, pp. 3681–3712.
6. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic river discharge: Prioritizing monitoring of future climate change hot spots. *Earths Future*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 79–92.
7. Kaverin D.A., Melnichuk E.B., Shiklomanov N.I., Kakunov N.B., Pastukhov A.V., Shiklomanov A.N. Long-term changes in the ground thermal regime of an artificially drained thaw-lake basin in the Russian European north. *Permafrost and Periglacial Processes*, vol. 29, no. 1, pp. 49–59.
8. Liu Y.Y., Wang W.Q., Kumar A. Multiweek Prediction Skill Assessment of Arctic Sea Ice Variability in the CFSv2. *Weather and Forecasting*, vol. 33, no. 5, pp. 1453–1467.
9. Dimnikov V.P., Likosov V.P., Volodin E.M. Modelirovanie klimata i ego izmeneniy: sovremennye problemy [Modeling of climate and climate change: current issues]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 82, no. 3, pp. 227–236.
10. Dodin D.A. *Ustoychivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable development of the

- Arctic: problems and prospects]. SPb., Nauka Publ., 2005, 283 p. (In Russ.)
11. Conley H., Craut J. *US Strategic Interests in the Arctic. An assessment of current Challenges and New Opportunities for Cooperation*, 2013, 33 p.
 12. Govorova N.V., Zhuravel' V.P. Mnogolikaya Arktika: gorizonty razvitiya [The many faces of the Arctic: perspectives of development]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 98–104.
 13. Chistobaev A.I., Kondratov N.A. Ekonomicheskoe razvitie Arktiki: priority Rossii i zarubezhnykh gosudarstv [Economic development of the Arctic: priorities of Russia and foreign States]. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2013, no. 2 (22), pp. 84–91.
 14. Jang O.R. Budushchee Arktiki: rol' idey [The future of the Arctic: the role of ideas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnie otnosheniya i mirovaya politika*, 2011, no. 2, pp. 84–91.
 15. Zagorski A. Security in the Arctic. *Contemporary Europe — Sovremennaya Evropa*, 2017, no. 4, pp. 40–49.
 16. Kharevskiy A.A. Arkticheskaya politika Kanady: transformatsiya podkhoda k upravleniyu severnymi territoriyami [Canada's Arctic policy: transforming the approach to Northern territory management]. *Vestnik Komi nauchnogo tsentra Uro RAN* [Vestnik of the Institute of Geology of the Komi Science Centre UB RAS], 2011, no. 26., pp. 97–102.
 17. *Arktika: interesy Rossii i mezhdunarodnye usloviya ikh realizatsii* [The Arctic: Russia's interests and international conditions for their implementation]. Ed by Barsegov Yu.G., Korzun V.A., Mogilevkin I.M. Moscow, Nauka Publ., 2002, 356 p. (In Russ.)
 18. Borgerson S. The Great Game Moves North: As the Arctic Melts, Countries Vie for Control. *Foreign Affairs*, 2009, no. 14, pp. 14–29.
 19. Howard R. *The Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources*. L., N.Y.: Continuum Publ., 2009, 318 p.
 20. Vasil'ev A.V. Arktika: novyy vektor razvitiya [The Arctic: a new vector of development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2011, no. 1, pp. 20–25.
 21. Pilyasov A.N. Prognoznnoe razvitie rossiyskoy Arktiki: transformatsiya prostranstva, vneshnie svyazi, uroki zarubezhnykh strategiy [Forecast development of the Russian Arctic: transformation of space, external relations, lessons of foreign strategies]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2011, no. 2, pp. 10–17.

УДК 338.431.2(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.25

Условия и возможности реализации потенциала сельского хозяйства зоны Севера *

© **ИВАНОВ Валентин Александрович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье показана роль аграрного сектора зоны Севера в обеспечении населения свежими продуктами питания, сохранении коренными этносами исторического уклада жизни, устойчивом развитии северных территорий, обеспечении продовольственного суверенитета страны. Рассмотрена организация сельского хозяйства на северных и арктических территориях Скандинавии, Канады и Аляски и возможность её использования на Российском Севере с учётом собственного богатого исторического опыта. Обобщение практики ведения сельского хозяйства в зарубежных северных странах позволяет рекомендовать для Европейского Севера скандинавский путь развития аграрной сферы и, прежде всего, опыт Финляндии. Установлено, что канадская модель развития сельского хозяйства малоприспособлена для Российского Севера, так как она рассчитана на редконаселённые территории. В работе выявлены возможности и ограничения развития сельского хозяйства зоны Севера. В качестве предпосылок для социально-экономического развития аграрной сферы выступают наличие природных и трудовых ресурсов, возможность организации органического (экологического) производства продукции традиционных отраслей, индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий. В работе выявлены возможности и ограничения развития сельского хозяйства зоны Севера. Установлены сдерживающие факторы развития сельского хозяйства и продовольственного самообеспечения, связанные с экстремальными природными условиями, низкой обеспеченностью биологическими ресурсами, неудовлетворительным состоянием материально-технической базы аграрной сферы, дефицитом и низким профессионально-квалифицированным уровнем и качеством жизни крестьян, неблагоприятной внешней средой, неэффективными механизмами господдержки, недоступностью льготного кредита, неустойчивым сбытом аграрной продукции. Выявлены изменения в сельском хозяйстве северных территорий в результате Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. Результаты исследования послужат основой для обоснования концептуальных подходов к развитию аграрного производства и повышения уровня продовольственного самообеспечения проживающего здесь населения.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, зарубежные северные страны, возможности и ограничения развития аграрной сферы, Всероссийская сельскохозяйственная перепись, формы хозяйствования, ресурсный потенциал, инфраструктура, инновационные технологии, зона Севера.*

Conditions and opportunities to realize the agricultural potential of the North

© **Valentin A. IVANOV**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

Komi Scientific Center, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russia

Abstract. The article shows the role of the agricultural sector of the North in providing the population with fresh food products, preserving the traditional way of life of the indigenous ethnic groups, sustainable de-

* Для цитирования:

Иванов В.А. Условия и возможности реализации потенциала сельского хозяйства зоны Севера // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 25–45. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.25

For citation:

Ivanov V.A. Conditions and opportunities to realize the agricultural potential of the North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 25–45. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.25

velopment of the northern territories, and ensuring the country's food security. The organization of agriculture in the north and Arctic territories of Scandinavia, Canada and Alaska and the possibility of its use in the Russian North, considering its own rich historical experience, is discussed in the article. The generalization of agricultural practices in northern countries allows us to recommend the Scandinavian development of agriculture and, above all, the experience of Finland for the European North of Russia. Canadian model of agricultural development is of little use for the Russian North since it was designed for sparsely populated territories. The study revealed the possibilities and limitations of the development of agriculture in the North. The critical points for the socio-economic development in the agrarian sector are the availability of natural and labor resources, the possibility of organizing organic (ecological) production within the traditional industries, the industrial nature of the economy that directs significant financial resources for the industrial modernization and the integrated development of rural areas. The study also revealed the possibilities and limitations of the agricultural development of the North. The constraints of agricultural development and food self-sufficiency are explicit. They are related to extreme natural conditions, low availability of biological resources, the poor technical support of the agrarian sector, low-qualified employees and hard living conditions of peasants, unfavorable external environment, inefficient state support, unavailability of loans, and unsustainable sales of agricultural products. The changes in the agriculture of the northern territories after the All-Russian Agricultural Censuses 2006 and 2016 revealed. The results of the study serve the ground for substantiating conceptual approaches to the development of agricultural production and increasing the level of food self-sufficiency of the local population.

Keywords: *agriculture, foreign northern countries, opportunities and constraints on the agricultural development, All-Russian Agricultural Census, forms of economic management, resource potential, infrastructure, innovative technologies, the North*

Введение

Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности занимают почти 70% территории Российской Федерации. В её составе 24 субъекта, территории республик Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Тыва, Камчатского края, Архангельской, Магаданской, Мурманской и Сахалинской областей, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономного округов, полностью входят в зону Севера. Северные территории имеют особое значение в социально-экономическом развитии страны. Здесь сконцентрированы значительные запасы нефти, газа, угля, хрома, марганца, золота и алмазов, вермикулита, никеля, меди и других редких металлов. Доля зоны Севера в улове рыбы и добыче морепродуктов составляет более 50%. На северных территориях сконцентрировано около 2/3 от мировой численности домашних оленей.

Сельское и промысловое хозяйство Севера развивалось вместе с освоением территории. Его специализация сформировалась под влиянием природных условий, географического положения, исторических и социально-экономических факторов на производстве малотранспортабельной и скоропортящейся продукции, а также продукции традиционных отраслей.

В начале XX в. возможность северного земледелия доказал основатель сельскохозяйственной науки на Европейском Севере России А.В. Журавский. В 1911 г. распоряжением Департамента земледелия России в Усть-Цильме была открыта Печорская сельскохозяйственная опытная станция. Её основателем и первым директором стал А.В. Журавский. Он убедительно доказал, что «не климат удерживал Печорское сельскохозяйственное развитие, а условия, ничего общего с климатом не имеющие. И не далеко, надеемся, то время, когда приполярное изобилие света будет использовано на благополучие России...» [1, Журавский

А.В., с. 64]. Возможность «осеверения» земледелия рассматривали также Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников и другие учёные.

В период 1950–1980-х гг. созданием многолетних агросистем из трав местной популяции в Арктической зоне Республики Коми занимались биологи Коми филиала АН СССР [2, Арчегова И.Б., Панюков В.А., Андрианов В.А.; 3, Хантимер И.С.]. Для сельхозпроизводителей заполярной Воркуты было создано 2 тыс. га посевов многолетних трав, урожайность зелёной массы которых составила более 100 ц с 1 га [4, Котелина Н.С., Арчегова И.Б., Иванов В.А.]. Метод «залужения» тундры нашёл применение в Якутии.

Производимая аграрная продукция на Севере (за исключением продукции традиционных отраслей) оказывается более дорогой, не способной конкурировать с аналогичной продукцией, завозимой из-за рубежа и с южных регионов России. На первый взгляд здесь нужно проводить курс на сворачивание сельскохозяйственного производства. Однако неправомерно подходить к развитию местного агропроизводства с позиции: «Хорошо всё, что приносит прибыль, а от всего, что её не приносит, следует избавляться». Предположения о неконкурентоспособности и сворачивании северного сельского хозяйства обернутся колоссальными государственными расходами для занятости коренных народов несельскохозяйственными видами деятельности. Ликвидация северного села — процесс не только болезненный и затратный, но и ослабляющий национальную безопасность.

Целью статьи является выявление факторов и условий, способствующих развитию потенциала сельского хозяйства северных территорий Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования: раскрыть роль агропромышленного хозяйства в обеспечении населения свежими продуктами питания и выполнения им социальной функции: обобщить опыт организации сельского хозяйства в зарубежных северных странах и возможность его использования в зоне Севера России; выявить условия и возможности развития аграрного сектора; по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 и 2016 гг. рассмотреть изменения в аграрной сфере.

Социально-экономическое значение агропромышленного хозяйства

Доля зоны Севера в численности населения Российской Федерации составляет 6,8%, площади сельхозугодий — 2,5, поголовье крупного рогатого скота — 4,5%. На северных и арктических территориях насчитывается 1906 тыс. гол. домашних оленей.

От общего производства продукции сельского хозяйства России в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2016 г. производилось 3,4% картофеля, 1,9 — овощей, 2,3 — молока, 1,3% мяса (уб. вес). В связи с сокращением производства продукции снижается доля зоны Севера и Арктики в общем производстве продукции сельского хозяйства страны (рис.1).

Сельское и промышленное хозяйство Севера и Арктики является образом жизни у ко-

ренных здесь народов. В предреформенный период почти 2/3 представителей малочисленных народов были заняты в сельском и промысловом хозяйстве [5, Селезнев А.И., с. 32]. В целом по Ненецкому автономному округу свыше 60% коренных народов было занято в традиционных отраслях, а в отдельных сельских муниципальных образованиях округа их доля в занятости составляла от 79 до 92% [6, Северный экономический район..., с. 106].

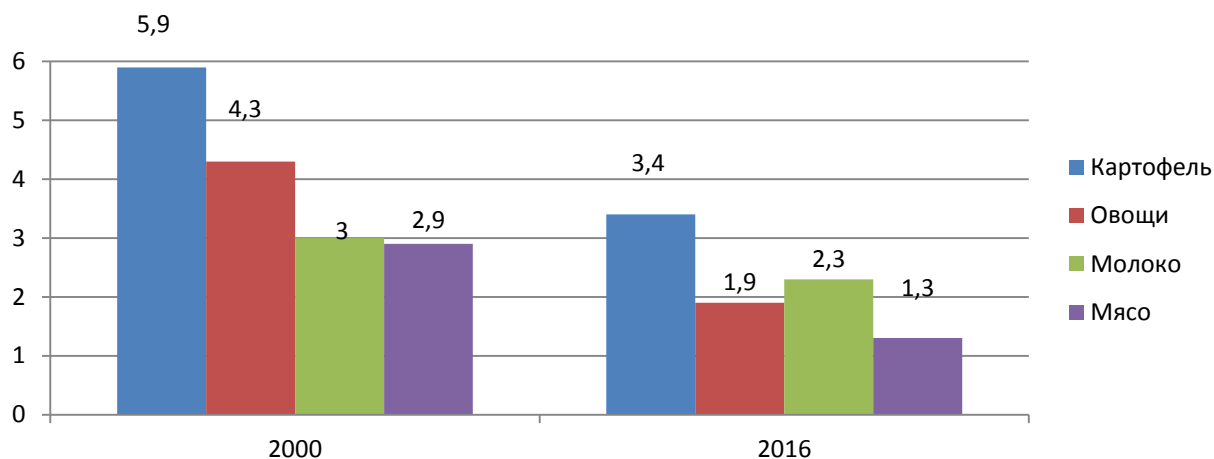

Рис. 1. Доля производства основных продуктов сельского хозяйства зоны Севера в общем производстве продукции России, %.¹

Особое значение сельского хозяйства состоит в том, что эта отрасль с лесным хозяйством является базисом развития сельских территорий. Именно устойчивое развитие сельского и промыслового хозяйств как целостной социо-эколого-экономической системы целесообразно рассматривать с учётом интересов коренных народов.

Сельское хозяйство зоны Севера не только обеспечивает население свежими биологическими полноценными продуктами питания, но и стимулирует развитие пищевой промышленности, стабилизирует занятость, препятствует монополизации локальных продовольственных рынков отдельными поставщиками продукции, сдерживает цены на продовольствие, завозимое из-за пределов региона, выполняет функции традиционного уклада жизни сельского населения, способствует сохранению коренными народами духовности, культуры, традиций, нравственности; улучшению демографической ситуации, системы расселения людей, сохранению окружающей среды и природного ландшафта. Сельское хозяйство — одновременно и отрасль незаменимых материальных благ, и сфера жизнедеятельности людей. Ликвидация сельскохозяйственного производства означает смену места жительства или даже образа жизни.

Сельское хозяйство в силу его специфики и особенностей рыночных отношений в отрасли тяготеет к социальной сфере и может развиваться лишь при государственной поддержке. Социальную роль предпринимательства, ориентированную на противодействие социальной незащищённости в районах с неблагоприятными условиями, отмечают А.Н. Пиля-

¹ Составлено по: 1. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2016 гг. / Росстат. — М., 2017 (http://www.gks.ru/bgdyreg/bl6_22/vain.htm). 2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001, 2017: Стат. сб. / Росстат.

сов и Н.Ю. Замятина [7].

Особенно важно участие бюджета в развитии северного земледелия. Без государственной поддержки сельскохозяйственные предприятия и крестьянские хозяйства вынуждены будут свернуть производство экологической малотранспортабельной и скоропортящейся продукции. Тогда государству для занятости коренных этносов другими видами деятельности потребуется несоизмеримо больше расходов, чем поддержание сформировавшегося в течение длительного исторического периода на Севере аграрного сектора.

Необходимость развития аграрного производства в зоне Севера обусловлена также решением проблемы продовольственного суверенитета страны. Россия по степени обеспечения населения медицинскими нормами питания за счёт собственного производства до недавнего времени относилась к странам, не обеспечивающим продовольственную безопасность государства. В 2016 г. за счёт собственного производства потребление картофеля (126%), мяса птицы (101), свинины (127) и яиц (102%) превысило рациональные нормы потребления. Этот показатель по говядине составляет лишь 55%, молоку — 58%, овощам и бахчевым культурам — 75%².

Опыт организации сельского хозяйства в зарубежных северных странах

Обратимся к опыту ведения сельского хозяйства на северных и арктических территориях Скандинавии, Канады и Аляски, который может быть полезен для организации аграрного производства в условиях Севера и Арктической зоны Российской Федерации. Для нашей страны необходимо, прежде всего, учитывать модели ведения сельского хозяйства Северной Европы [8, Lotte Hedeager, Kristian Kristiansen, Erland Porsmose; 10, Jonas Smitt; 11, Kauppala P.; 12, Soumen maatalouden historia]. Отличительной особенностью развития сельского хозяйства в северных европейских странах является диверсификация аграрного производства, основанная на сочетании растениеводства и животноводства, что обеспечило устойчивость сельского хозяйства. Здесь в агропродовольственных системах сформировался принцип паритетной важности сельскохозяйственного производства и сельского социума, согласно которому любое сельскохозяйственное производство может считаться эффективным только при условии его позитивного воздействия на развитие сельских территорий [13, Полбицин С.Н., с. 132]. Именно принцип сочетания аграрного производства, северного сельского уклада, развития сельских территорий может быть положен в основу способов и форм ведения сельского хозяйства на Российском Севере.

По мнению Пекка Кауппала, для Европейского Севера и Коми республики в частности наиболее приемлем путь развития сельского хозяйства Финляндии. В отличие от Канады, где аграрное производство никогда не функционировало в зоне хвойных лесов, именно сель-

² Рассчитано по: 1. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Ростат. М., 2017. 2. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: утверждены приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614.

ское хозяйство Финляндии расположено в этой зоне, а также в районах тундры [14, Кауппала П.].

Финляндия — самая северная из всех стран Скандинавии, по уровню распространения населения по территории она сходна с Российским Севером, ближе расположена к нашей стране, имеет более чем вековой опыт пребывания в Российской Империи (с 1809 по 1917 г.). В Финляндии соединено сельское и лесное хозяйство, за крестьянами законодательно закреплено пользование лесами, от реализации древесины они получают значительные доходы, которые используются для модернизации сельского хозяйства. Интеграция сельского хозяйства, лесоводства и лесного хозяйства особенно актуальна для северной тайги России ввиду получения дополнительных доходов и повышения занятости крестьян.

Финские крестьяне успешно используют преимущества северного хозяйства для производства экологических продуктов питания. Финляндия объявила сельское хозяйство всей страны экологической отраслью, производящей только экологическую продукцию по стандартам Европейского Союза (ЕС). На её производство Централизованный Фонд ЕС выделяет повышенные субсидии [15, Пошкус Б.И., с. 198].

У нашей страны в зоне Севера есть намного больше возможностей увеличить производство экологически безопасной продукции, отработать технологии органического земледелия, чем у Скандинавских стран. Производство экологически безопасной продукции на огромных северных территориях становится главным конкурентным преимуществом. Здесь можно рассчитывать на получение добавочного дохода от реализации экологической продукции. В перспективе по мере насыщения внутреннего рынка отечественным продовольствием Россия с её огромными северными территориями вполне может стать крупным экспортёром экологических продуктов питания.

Использование скандинавского пути развития для России может служить хорошим примером ещё и потому, что в Скандинавии незначительная концентрация собственности и доходов в одних руках. Слишком большая концентрация доходов у незначительной части населения является ограничителем развития внутреннего рынка в результате низкой покупательной способности населения.

В северных регионах Канады, которые остаются редкозаселёнными, уже достаточно длительное время действует точка зрения на коммерческую непригодность сельского хозяйства. Благодаря упрощению и ускорению логистических связей, стоимость производства продовольствия в южных районах и транспортировки к потребителям в северные территории обходится дешевле, чем непосредственно производство [13, Полбицин С.Н., с. 135]. В Канаде фермерские хозяйства по производству сельскохозяйственной продукции не создаются в неблагоприятных условиях. Прибыль от производства продукции в южных районах (с учётом её доставки) выше, чем производство продуктов питания в северных территориях. Канадская модель развития сельского хозяйства вряд ли применима для Российского Севера, так как она рассчитана на редконаселённые территории, а эти регионы заселены значительно более

плотно. Если взять эту модель за основу, то это, возможно, могло бы привести к колоссальному сокращению числа жителей этих территорий в России [14, Кауппала П., с. 250].

В настоящее время в зоне Севера России постоянно проживает 10 млн чел. (в 2000 г. численность населения составляла 11,1 млн чел.). Население Арктической зоны составляет более 2,5 млн чел., что превышает половину общей численности населения Арктики [16, Синица А.Л.]. В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей доля городского населения составляет 79%, в Арктической зоне — 88%. На арктических и северных территориях расположены такие крупные города, как Мурманск, Архангельск, Воркута, Норильск, Якутск, Магадан и другие.

Вместе с тем для зоны Севера России весьма ценен канадский опыт управления устойчивым развитием северных территорий. В Канаде осуществляется комплекс мероприятий по устойчивому развитию экономики, защиты окружающей среды и повышению благосостояния населения, предусмотренных федеральной стратегией устойчивого развития (FSDS) на 2016–2019 гг.³ Особое внимание в рамках стратегии уделяется инновационной деятельности в сельском хозяйстве, рыболовстве, аквакультуре, учёту интересов коренных народов.

На наш взгляд, практический интерес для районов Севера представляет модель арктической микроэкономики, разработанная для сёл Аляски американскими учёными, основанная на чётком разграничении трёх секторов — традиционного, государственного, рыночного, осознании их специфичности и тесной связи друг с другом [17, Пилясов А.Н., с. 126].

Обобщая сказанное, отметим, что в силу особенностей отечественного северного сельского хозяйства, неразвитости транспортной инфраструктуры, многоукладности аграрной экономики, исторически сложившегося менталитета крестьян, выраженного в склонности к коллективному труду, невозможно полностью копировать модели развития сельского хозяйства северных стран. России в развитии аграрного производства и продовольственного обеспечения населения северных, субарктических и арктических территорий предстоит опираться на собственный богатый исторический опыт. Из зарубежного северного опыта интерес представляет путь развития сельского хозяйства Скандинавских стран и, прежде всего, Финляндии. Модель продовольственного обеспечения населения малонаселённых северных территорий Канады, основанная на полном завозе продуктов питания из южных районов, малоприспособлена для Севера и Арктической зоны России.

Возможности и ограничения развития сельского хозяйства

Географическое расположение и большая протяжённость территории Российского Севера в широтном направлении определяют, с одной стороны, значительную суровость, а с другой, — существенные различия в биоклиматических и экономических условиях развития

³ Planning for a sustainable future. Federal sustainable development strategy for Canada 2016-2019. Consultation draft. <http://www.fsdssfd.dcf/downloads/3130%20%20Federal%20SUSTAINABLE%20Development%20Strategy%202016-2019.pdf> (дата обращения: 21.06.2019).

сельскохозяйственного производства. Значительная часть территории размещена за Полярным кругом, в пределах вечной мерзлоты, захватывает тундру и лесотундру, а центральная и южная части расположены в зоне северной и средней тайги. Природные условия и, прежде всего, климат, качество почв, вегетационный период сдерживают эффективное развитие сельскохозяйственного производства. Особенно неблагоприятны условия для земледелия на Крайнем Севере, где преобладают тундровые почвы и крайне ограничены тепловые ресурсы.

В качестве благоприятных условий и конкурентных возможностей сельского хозяйства зоны Севера отметим следующие. В составе сельхозугодий преобладают естественные сенокосы и пастбища. Для улучшения продовольственного обеспечения населения имеются значительные рыбные ресурсы и потенциальные возможности для увеличения сбора и переработки дикоросов.

Почти круглосуточное естественное освещение в субарктической зоне и достаточная увлажненность в период вегетации обеспечивают быстрый рост и способность растений в короткое время накапливать большой запас органических веществ. Благодаря длительному световому дню, травы здесь растут с повышенной интенсивностью, что позволяет за 70–80 вегетационных дней накапливать такое количество зеленой массы, какое в южных районах образуется в течение 180 дней. Среднесуточный прирост трав в начале весны в благоприятные дни составляет от 3 до 9 см [18, Гагиев Г.И., с. 24].

Районы Севера располагают хорошими возможностями для производства кормовых дрожжей, минеральной и витаминной подкормки для скота и птицы. Исключительно благоприятные условия создаются для развития овощеводства защищенного грунта на индустриальной основе при использовании тепловых отходов газокompрессорных станций. Тепло таких станций может быть использовано также для искусственной сушки и брикетирования трав.

Север имеет перспективные возможности для производства органической (экологической) продукции. Помимо органической сельхозпродукции, на обширных экологических территориях можно собирать дикоросы (грибы, ягоды, березовый сок, дикий мед, лекарственные травы). Производство экологической продукции — стратегическая цель развития сельского хозяйства.

Продукция традиционных отраслей (оленоводства, рыболовства, охотничьих промыслов, сбор дикорастущих грибов и ягод) конкурентоспособна не только на региональном, но и национальном и международном рынках. Помимо мяса оленей и продуктов его переработки огромным спросом за рубежом, прежде всего в странах Азии, пользуются панты, эндокрино-ферментное сырье и кровь оленей.

В качестве предпосылки для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы выступает индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий.

Благоприятные факторы и условия развития аграрной сферы представлены на рис. 2.

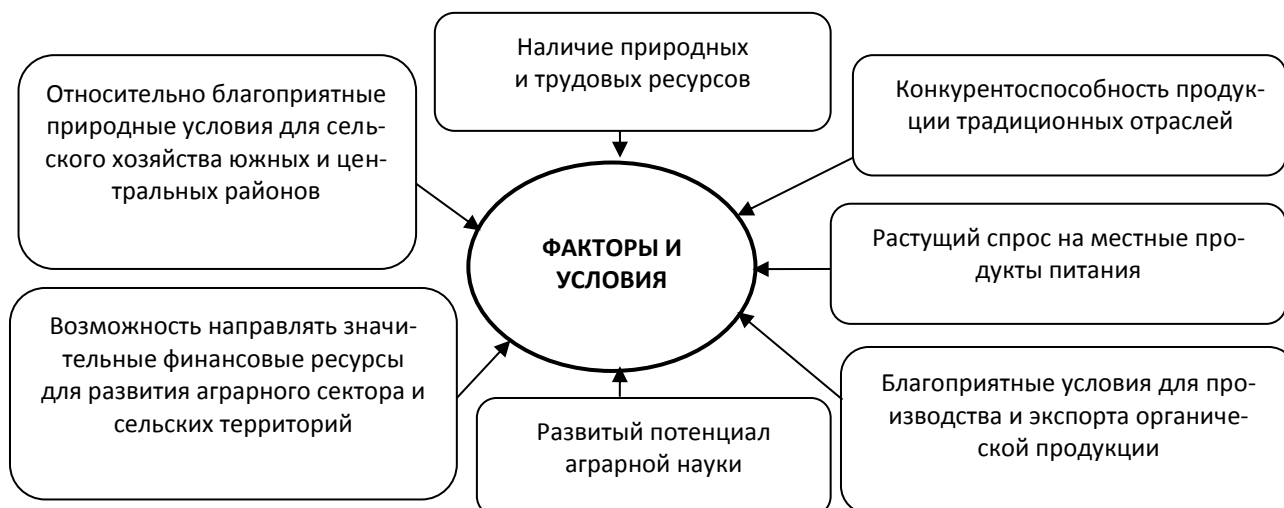

Рис. 2. Факторы и условия, способствующие развитию сельского хозяйства зоны Севера⁴.

Основные барьеры технико-технологического и социально-экономического развития сельского хозяйства северных и арктических территорий связаны с низкой обеспеченностью биологическими ресурсами, неудовлетворительным состоянием материально-технической базы аграрной сферы, дефицитом и низким профессионально-квалифицированным уровнем и качеством жизни крестьян, неблагоприятной внешней средой, неэффективными механизмами господдержки, недоступностью льготного кредита, неустойчивым сбытом аграрной продукции (рис. 3).

Рис. 3. Ограничения развития сельского хозяйства зоны Севера⁵.

В силу особенностей ведения сельского хозяйства в зоне Севера и Арктики бесперспективна теория либерализма. Здесь также не могут быть использованы формы организации сельского хозяйства южных регионов нашей страны. Яркий пример игнорирования ведения земледелия в экстремальных природных условиях — посевы кукурузы в начале 1960-х

⁴ Разработано автором.

⁵ Разработано автором.

гг. В 1962 г. в совхозах Коми этой теплолюбивой культурой было занято 2,9 тыс. га пашни, что составило 31% общей площади силосных культур и 14% от всех посевов кормовых культур. Урожайность зелёной массы кукурузы составила лишь 44 ц/га, а себестоимость 1 ц — 3,70 руб.; эти показатели по многолетним травам — соответственно 71 ц/га и 1,11 руб. Развитие сельского хозяйства в северных и арктических территориях должно основываться на многовековых сельскохозяйственных традициях, учитывающих экстремальные суровые природные условия и аграрные особенности.

Изменения в аграрной сфере по результатам сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.

История сельскохозяйственных переписей в России началась в начале XX в. Первая такая перепись была проведена в период I мировой войны (в 1916 г.), вторая — в 1920 г.⁶

В соответствии с законодательством Российской Федерации⁷ и Программой Всемирной сельскохозяйственной переписи ФАО ООН, с 1 июля по 15 августа 2016 г. была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись; на отдалённых и труднодоступных территориях — с 15 сентября по 15 ноября 2016 г. Перепись показала, какие трудовые и земельные ресурсы имеются в отрасли, как они используются, а также дала возможность получить данные о поголовье сельскохозяйственных животных, технических средствах, производственной инфраструктуре и инновационных технологиях, используемых сельхозтоваропроизводителям⁸.

Аграрные формы хозяйствования. По данным переписи 2016 г., в зоне Севера насчитывалось 1 757 сельхозорганизаций, 6 192 крестьянско-фермерских хозяйства, 1 419 индивидуальных предпринимателей, 782,4 тыс. личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан. За 10 лет произошло сокращение сельхозорганизаций на 36%, фермерских хозяйств на — 24%. Наиболее значительно уменьшилось количество крупных и средних организаций в Северо-Западном и Сибирском федеральных округах (в 3 раза), крестьянско-фермерских хозяйств в Северо-Западном (в 2,1 раза) и Дальневосточном (в 1,5 раза) округах. Произошло увеличение числа индивидуальных предпринимателей на 18%, личных подсоб-

⁶ Сельскохозяйственные переписи в России / Росстат. М.: ИИН «Статистика России», 2007. 304 с.; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. — Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Российской Федерации / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 430 с.; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 2.: Основные итоги Всероссийской переписи по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 687 с.; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. — Т.7.: Сельское хозяйство районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 392 с.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года» от 10 апреля 2013 г. №316. Федеральный закон «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи» от 21 июля 2005 г. №108. М., 2005.

⁸ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. — Т.1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. 711 с.

ных и других индивидуальных хозяйств на 0,5%.

Анализ структуры организаций показал, что доля крупных и средних аграрных предприятий снизилась с 36% в 2006 г. до 22% в 2016 г. Доля малых предприятий увеличилась с 38 до 48%, подсобных сельхозпредприятий несельскохозяйственных организаций — с 26 до 29%.

В 2016 г. сельскохозяйственную деятельность осуществляло 79% организаций, 72% крестьянско-фермерских хозяйств и 70% личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан. По сравнению с 2006 г. увеличилась доля сельхозорганизаций и фермерских хозяйств, осуществлявших аграрное производство. Доля хозяйств населения уменьшилось с 88% в 2006 г. до 70% в 2016 г. (рис. 4).

Кадровый потенциал. По данным переписи, на 1 июля 2016 г. в общей численности занятых в аграрном производстве зоны Севера доля работников сельхозорганизаций составляла 64%, в том числе крупных и средних предприятий — 44%, крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей — 36%. В крупных и средних сельхозорганизациях в Чукотском АО занято 100% трудовых ресурсов, в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО — 71%, в Камчатском крае — 70%. В Ханты-Мансийском АО — Югра на долю крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей приходилось 73% численности занятых, в Республике Тыва — 65%, в Республике Саха (Якутия) — 54%.

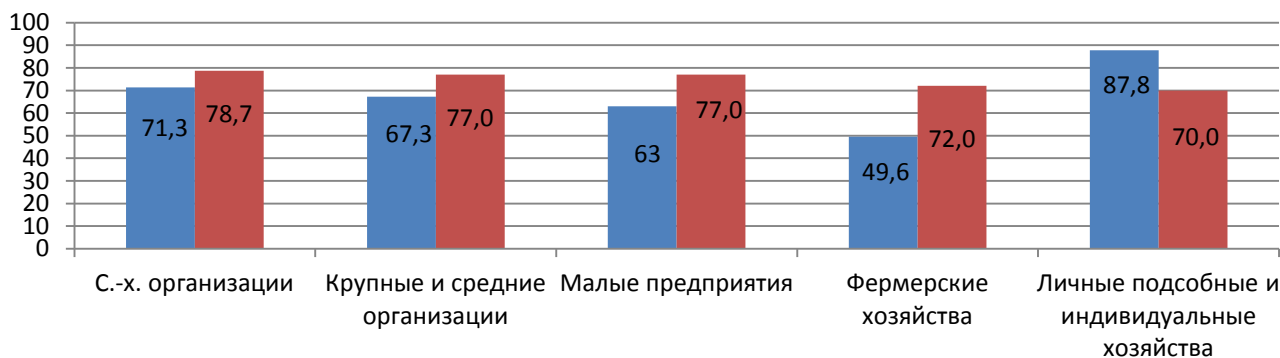

Рис. 4. Доля аграрных структур зоны Севера, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность в 2006 и 2016 гг., в % от общего числа соответствующей категории хозяйств.

За десятилетие численность работников в крупных и средних организациях снизилась в 2,7 раза, в фермерских хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей — в 1,5 раза, а в малых предприятиях возросла на 17%.

Как показала перепись, за 10 лет в среднем на одну крупную и среднюю организацию численность работников уменьшилась на 9%, на одно фермерское хозяйство и индивидуальное хозяйство — на 19%. Средняя численность в малых предприятиях увеличилась на 57%.

В 2016 г. доля домохозяйств с 1 чел., занятым выполнением сельскохозяйственных работ, составляла 28,9%, с 2 чел. — 50%, с 3–4 чел. — 24,1%, свыше 4 чел. — 3%. Таким образом, в составе хозяйств населения по числу занятых преобладают семьи с одним и двумя ли-

цами (79%).

Результаты переписи показали, что в сельхозорганизациях на долю руководителей мужчин приходится 75%, женщин — 25%. Руководители мужчины в возрасте до 29 лет составили 2,5%, 29–49 лет — 48,2%, 50 лет и более — 49,3%, соответственно руководители женщины — 3,4; 32,2 и 64,4%. В общей численности руководителей женщин почти 2/3 составляют лица пенсионного возраста.

Перепись показала, что доля руководителей с высшим образованием в крупных и средних сельхозорганизациях составляет 62,7% (по России 87%), со средним профессиональным — 24,8%, в малых предприятиях — соответственно 65,4% и 22,2%. Особенно низкий уровень высшего профессионального образования у руководителей крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей (24,9%). 34,6% руководителей этой формы хозяйствования не имеют высшего или среднего профессионального образования (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования руководителей и хозяйств зоны Севера на 1 июля 2016 г.,
в % от общей численности руководителей

Образование	Крупные и средние организации	Малые предприятия	Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели
Высшее	62,7	65,4	24,9
В том числе сельскохозяйственное	33,1	36,6	9,3
Среднее профессиональное	24,8	22,2	40,5
В том числе сельскохозяйственное	10,6	13,0	11,4
Не имеют высшего или среднего профессионального образования	12,6	12,4	34,6

Земельные ресурсы. Общая земельная площадь территории региона составляет 182,6 млн га, на долю оленьих пастбищ приходится более половины (57%). Почти 2/3 площади оленьих пастбищ расположены в Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах и Республике Саха (Якутия). Лишь небольшая часть земельного фонда используется для сельскохозяйственных целей — 1,2%, а доля пашни составляет только 0,2% земельной площади. Низкая освоенность зоны Севера объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, огромными площадями, занятыми лесом, и малой её населённостью.

В площади сельхозугодий преобладают естественные сенокосы и пастбища. Так, на гектар пахотных земель в районах Севера приходилось 5,3 га лугов. Площади и структура земельного фонда показаны в табл. 2.

Результаты переписи показали, что в сельхозорганизациях не использовалось 11% сельхозугодий, в том числе крупных и средних организациях — 6%, в крестьянско-фермерских хозяйствах — 10%, в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах граждан — 5%.

Таблица 2

Площадь земель по категориям хозяйств зоны Севера на 1 июля 2016 г., тыс. га

Земельные ресурсы	Хозяйства всех категорий	В том числе			
		Сельхозорганизации	Из них крупные и средние	Фермерские хозяйства	Хозяйства населения
Общая земельная площадь	182 593,5	143 651,0	142 394,4	2 235,8	720,1
Сельскохозяйственные угодья	2 170,1	1 181,8	739,7	330,9	636,2
В том числе Пашня	322,6	224,4	113,0	60,7	33,8
Сенокосы	601,6	222,8	100,7	115,1	252,4
Пастбища	1 110,5	689,5	509,6	146,5	3,0
Из общей площади с.-х. угодий фактически используется	1 934,6	1 053,6	692,3	299,1	605,6
Осушаемые с.-х. угодья	45,2	53,3	37,4	2,3	-
Из них с фактически действующей осушительной системой	37,8	37,2	27,0	0,6	-

По сравнению с предыдущей переписью (2006 г.), в хозяйствах всех категорий произошло сокращение общей земельной площади на 18%, в том числе сельхозугодий — на 27%, сокращение площади сельхозугодий произошло за счёт аграрных предприятий. Рост сельхозугодий в крестьянско-фермерских хозяйствах составил 51%.

Анализ распределения площади сельхозугодий среди аграрных форм хозяйствования показал, что в 2016 г. доля сельхозорганизаций составляла 54%, крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей — 17%, хозяйств населения — 29%. В 2006 г. эти показатели составляли — соответственно 67%; 9%; 24%. По данным переписи на 1 июля 2016 г. в целом по России доля сельхозорганизаций в площади сельхозугодий составляла 63%, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей — 28%, хозяйств населения — 9%.

За 10 лет посевы сельхозкультур в хозяйствах всех категорий сократились на 19%, в том числе в сельхозорганизациях на 27%. Основная часть посевных площадей в 2016 г. находилась у сельхозорганизаций — 67%, в том числе 53% — у крупных и средних организаций; на долю крестьянских (фермерских) хозяйств — приходилось 19%, хозяйств населения — 12%.

В общей посевной площади в хозяйствах всех категорий преобладали кормовые культуры (75,9%), на долю зерновых и зернобобовых культур приходилось 8,5%, картофеля — 13,0%, овощей — 2,6%.

Данные переписи позволили получить информацию о площадях защищённого грунта. В 2016 г. на долю сельхозорганизаций приходилось 44,2%, крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей — 55,8% общей площади теплиц и парников. В сельхозорганизациях в общей площади защищённого грунта преобладают зимние теплицы (54%), в фермерских хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей — весенние теплицы (76%).

Основные площади защищённого грунта у сельхозорганизаций были сосредоточены в Сахалинской обл. (36%), Коми (18), Республика Саха (13) и Архангельской области (9%). 91%

площади теплиц и парников у крестьянских (фермерских) хозяйств располагался в Дальневосточном федеральном округе.

По сравнению с предыдущей переписью (2006 г.) площадь теплиц и парников в сельхозорганизациях уменьшилась в 2,1 раза; в крестьянско-фермерских хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей увеличилась в 3,6 раза.

Поголовье сельскохозяйственных животных. Изменение поголовья животных за 2006–2016 гг. в различных аграрных формах хозяйствования показало, что произошло снижение численности крупного рогатого скота и свиней в сельхозорганизациях и хозяйствах населения. Особенно значительно сократилось в сельхозорганизациях поголовье птицы (в 1,5 раза). Рост поголовья животных наблюдался в фермерских хозяйствах.

В 2016 г. на долю сельхозорганизаций из общей численности животных приходилось: крупного рогатого скота — 27%, в том числе 31% коров, свиней — 48%, птицы — 81%, оленей — 58%, лисиц и норок — 100%, голубых песцов — 80%.

В хозяйствах населения из общей численности животных содержался 51% крупного рогатого скота, 47% овец и коз, 39% лошадей, 40% оленей. В крестьянско-фермерских хозяйствах сконцентрировано 20% общего поголовья крупного рогатого скота, свиней — 28%, овец и коз — 23%, птицы — 5%, лошадей — 32%, оленей — 1%.

За десятилетие во всех категориях хозяйств произошло увеличение численности домашних оленей: в сельхозорганизациях — на 12%, в крестьянско-фермерских хозяйствах — в 4 раза, в хозяйствах населения — на 5%. Оленеводство — отрасль, наиболее соответствующая природе Севера и Арктики, трудовым навыкам коренного населения и отличающаяся высокой эффективностью. Вследствие отсутствия затрат на заготовку кормов и строительство помещений, производство оленины является высокодоходным: себестоимость её центнера в хозяйствах более чем в 2 раза ниже по сравнению с производством говядины. Помимо укрепления продовольственной безопасности населения региона огромным спросом на внутреннем и международном рынках пользуется пантовое и ферментно-эндокринное сырье.

На долю территорий, которые целиком входят в зону Севера, приходится 91% всего поголовья оленей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Среди северных и арктических субъектов первое место занимает Ямало-Ненецкий АО (47% всего поголовья оленей страны), второе — Ненецкий АО (11), третье — Чукотский АО (10), четвертое — Республика Саха (Якутия) (9), шестое место — Республика Коми (6%) (рис. 5). На долю Уральского федерального округа приходилось 49% всего поголовья оленей страны, Дальневосточного округа — 23%, Северо-Западного федерального округа — 20%.

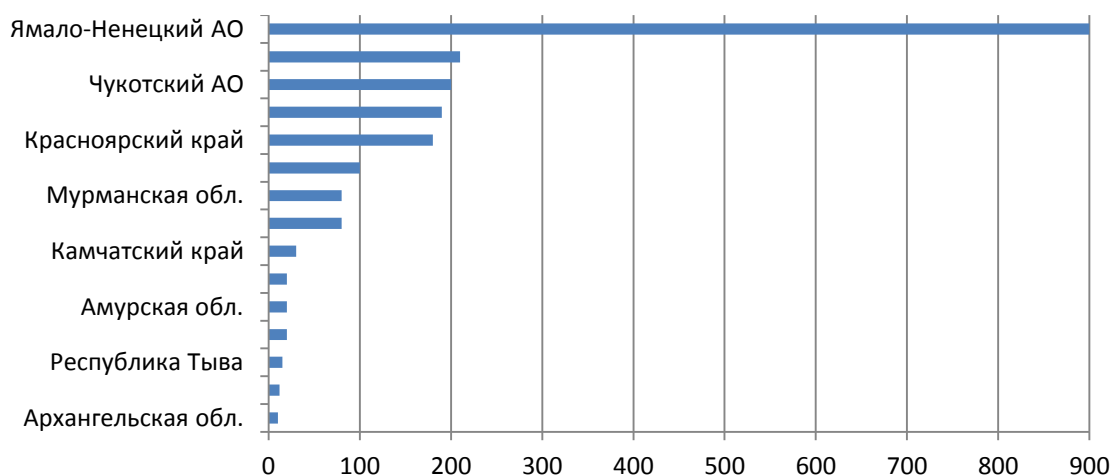

Рис. 5. Поголовье оленей в субъектах Севера и Арктики во всех категориях хозяйств на 1 июля 2016 г., тыс. гол.⁹

В результате быстрого роста поголовья оленей на Ямале произошла деградация растительного покрова тундры. По мнению экологов, чтобы привести его в соответствие с доступными нормами экологической нагрузки, на полуострове придётся уменьшить численность оленей в три раза¹⁰.

Технические средства и инфраструктура. Сельхозперепись позволила получить информацию о наличии сельскохозяйственной техники, машин, оборудования, об обеспеченности объектами инфраструктуры по категориям сельхозпроизводителей. За 10 лет в среднем на одну сельхозорганизацию произошло сокращение тракторов, автомобилей, а также некоторых видов сельскохозяйственных машин. Повысилась обеспеченность машинами для заготовки сена, оборудованием для раздачи кормов крупному рогатому скоту, доения, очистки и охлаждения молока. Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели улучшили оснащённость некоторыми видами техники, машин и оборудования. В личных подсобных и других хозяйствах граждан повысилась обеспеченность тракторами, мотоблоками — мотокультиваторами и легковыми автомобилями.

За десятилетие у сельхозтоваропроизводителей улучшилась структура тракторов. Если в 2006 г. в сельхозорганизациях их доля в возрасте до 4 лет составляла 5,6%, в возрасте 4-8 лет — 12,7%, в возрасте 9 лет и более — 81,7%, то в 2016 г. соответственно — 13,2%; 23,5; 63,3%. Улучшилась также возрастная структура тракторного парка у фермеров и у индивидуальных предпринимателей (табл. 3).

Таблица 3

Возрастная структура тракторов сельхозорганизаций (хозяйств) зоны Севера на 1 июля 2006 и 2016 гг., %.

Возраст техники	Сельскохозяйственные организации		Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели	
	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.
До 4 лет	5,6	13,2	7,9	22,4
4-8 лет	12,7	23,5	18,1	29,8
9 лет и более	81,7	63,3	74,0	47,8

⁹ Примечание. В Иркутской, Сахалинской обл. и Республике Бурятия поголовье животных меньше 1 тыс. гол.

¹⁰ Тундра против коммерции // Рос. газета. Экономика УРФО, №7069(201). 2016. 9 июля.

Результаты переписи показали, что самая низкая обеспеченность объектами инфраструктуры остаётся у крестьянско-фермерских хозяйств и у индивидуальных предпринимателей. Особенно низкая обеспеченность инфраструктурой в Сибирском федеральном округе. Здесь лишь 9,5% сельхозорганизаций имеют внутрихозяйственные дороги с твёрдым покрытием, подключение к сетям теплоснабжения составляет 1,1%, водоснабжения — 1,7%. Ни одно аграрное предприятие и личное подсобное хозяйство не подключено к сетям газоснабжения (табл. 4).

Таблица 4

Обеспеченность сельхозорганизаций и хозяйств зоны Севера объектами инфраструктуры на 1 июля 2016 г., в % от общего числа субъектов хозяйствования.

Федеральный округ	Сельхозорганизации	Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели	Личные подсобные хозяйства
<i>Связь по автомобильным дорогам с твёрдым покрытием с райцентром или с сетью магистральных сообщений</i>			
Северо-Западный	61,7	51,7	62,0
Уральский	40,8	41,6	44,4
Сибирский	84,4	68,3	85,5
Дальневосточный	33,6	46,7	51,3
<i>Внутрихозяйственные дороги с твёрдым покрытием</i>			
Северо-Западный	31,8	-	-
Уральский	35,3	-	-
Сибирский	9,5	-	-
Дальневосточный	14,9	-	-
<i>Подключение к сетям электроснабжения</i>			
Северо-Западный	72,3	53,2	66,9
Уральский	63,9	46,8	91,7
Сибирский	44,7	21,9	86,7
Дальневосточный	48,6	46,3	72,4
<i>Подключение к сетям теплоснабжения</i>			
Северо-Западный	72,1	1,9	3,8
Уральский	42,2	12,6	5,7
Сибирский	1,1	0,3	2,7
Дальневосточный	12,5	5,2	13,5
<i>Подключение к сетям водоснабжения</i>			
Северо-Западный	31,2	9,9	8,3
Уральский	39,5	16,4	40,1
Сибирский	1,7	0,4	4,9
Дальневосточный	18,3	4,6	10,4
<i>Подключение к сетям газоснабжения</i>			
Северо-Западный	4,6	1,2	2,2
Уральский	10,1	6,5	16,4
Сибирский	-	0,1	-
Дальневосточный	5,6	5,2	14,3
<i>Выход в Интернет</i>			
Северо-Западный	56,1	16,3	15,1
Уральский	36,3	26,2	37,8
Сибирский	34,1	10,9	20,1
Дальневосточный	27,8	11,5	16,7

Использование инновационных технологий в сельском хозяйстве. Результаты переписи 2016 г. позволили получить информацию о применении инновационных технологий в сель-

хозорганизациях, фермерских хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей (табл. 5).

Приведённые данные свидетельствуют о крайне незначительной доле сельхозпроизводителей, применявших инновации. Капельную систему орошения использовали лишь 0,4% сельхозорганизаций и 1,3% фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, биологические методы защиты растений от вредителей и болезней — соответственно 1,8 и 1,2%, систему индивидуального кормления скота — 3,6 и 4,2%, метод бесклеточного содержания птицы — 0,5 и 1,9%, очистные сооружения на фермах имелись у 2,2% аграрных предприятий и 1,4% крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, система водоотведения и очистки производственных стоков — у 4,2 и 3,2%. В Республике Бурятия доля сельхозорганизаций, применявших солнечные батареи, составляла 27%, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей — 63%.

Таблица 5

Доля сельхозорганизаций и хозяйств зоны Севера, применявших инновационные технологии на 1 июля 2016 г., в % от общего числа субъектов хозяйствования.

Виды инноваций	Сельхозорганизации	Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели
Капельная система орошения	0,4	1,3
Биологические методы защиты растений от вредителей и болезней	1,8	1,2
Система индивидуального кормления скота	3,6	4,2
Метод бесклеточного содержания птицы	0,5	1,9
Очистные сооружения на животноводческих фермах	2,2	1,4
Система водоотведения и очистки производственных стоков	4,2	3,4
Возобновляемые источники энергоснабжения:		
биоэнергетические установки	-	0,0
ветряные энергоустановки	0,1	0,1
солнечные батареи	6,6	8,8

Основными факторами, сдерживающими применения инновационных технологий, являются: недостаточный уровень и неэффективные механизмы финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей, недоступность льготных кредитных ресурсов. В 2015 г. менее половины (46%) фермерских хозяйств получали бюджетную поддержку. Лишь 12% сельхозорганизациям и 8% крестьянско-фермерским хозяйствам были доступны кредиты.

Ускорение модернизации сельского хозяйства на инновационной основе в районах Севера связано с усилением роли государства. Для скорейшего перевода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается увеличить субсидии не только из регионального, но и из федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объёмов производства говядины, оленины и молока; компенсировать часть стоимости приобретаемой современной техники и высокопроизводительного оборудования, минераль-

ных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов, а также тарифы в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; субсидировать процентные ставки по кредитам; выделять субсидии на ликвидацию бедности среди сельского населения и возмещение районных коэффициентов и северных надбавок к зарплате.

Заключение

Изучение роли агропромышленного хозяйства, опыта организации сельского хозяйства Скандинавских стран, Канады и Аляски, изменений в аграрной сфере зоны Севера России позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

1. Выявлены объективные предпосылки развития сельского и промышленного хозяйства в зоне Севера, обусловленные обеспечением проживающего здесь населения свежими полноценными продуктами питания, выполнением социальной функции аграрной сферы. В силу экстремальных природных условий и особенностей рыночных отношений в сельском хозяйстве отрасль может развиваться лишь при государственной поддержке. Без финансовой поддержки сельскохозяйственные предприятия и крестьянско-фермерские хозяйства вынуждены будут свернуть производство биологически полноценной продукции. Тогда государству для занятости коренных этносов другими видами деятельности потребуется несоизмеримо больше расходов, чем на поддержку сформировавшегося здесь в течение длительного исторического периода аграрного сектора.

2. На основе изучения опыта организации аграрной сферы зарубежных северных стран можно заключить, что для России оптимальным представляется путь развития сельского хозяйства на примере Скандинавии и, прежде всего, Финляндии, ориентированный на сочетание растениеводства и животноводства, на позитивное воздействие аграрного производства на сельский социум. В силу значительной плотности населения, неразвитости транспортной инфраструктуры на Российском Севере, для отечественного развития сельского хозяйства малопригодна канадская модель, основанная на завозе продовольствия из южных районов в малонаселённые северные территории страны.

3. Автором выявлены условия и возможности развития сельского хозяйства в экстремальных условиях. Природные условия, особенно в Арктической зоне, сдерживают развитие аграрного производства. Благоприятными условиями и конкурентными возможностями сельского хозяйства являются: длинный световой день в период вегетации, хорошая обеспеченность растений влагой; значительные массивы кормовых угодий, в том числе пойменных лугов, трудовые ресурсы: хорошие возможности производства органической продукции на экологически чистых территориях; индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельской местности; наличие значительного потенциала аграрной науки. Продукция традиционных отраслей конкурентоспособна не только региональном, но и национальном и международном продовольственных рынках.

4. Собранная в ходе ВСХП 2006 и 2016 гг., не содержащая в текущей статистике информация, позволила выявить произошедшие за десятилетие структурные изменения в сельском хозяйстве, тенденции развития отрасли, роль каждой категории сельхозтоваропроизводителей в формировании продовольственных ресурсов. Обширная информация даст возможность агроэкономической науке выработать обоснованные предложения по совершенствованию государственной аграрной политики, динамичному развитию сельских территорий. Итоги переписи имеют большое значение для разработки субъектами зоны Севера Государственной программы развития агропродовольственного сектора на среднесрочную перспективу. Данная информация будет также использована в учебном процессе.

5. Результаты переписи показали, что за десятилетие снизилось количество сельхозорганизаций и фермерских хозяйств, уменьшилась численность занятых в сельскохозяйственном производстве. В хозяйствах всех категорий наблюдалось сокращение общей земельной площади и сельхозугодий, поголовья крупного рогатого скота, свиней, птицы и пушных зверей. В сельхозорганизациях произошло сокращение оснащённости тракторами, автомобилями и сельскохозяйственными машинами. Перепись показала весьма существенную долю организаций и хозяйств, которые не вели сельскохозяйственное производство. Полученная информация свидетельствует о недостаточном уровне инновационной активности сельхозтоваропроизводителей при значительном научном потенциале в зоне Севера и Арктики.

Литература

1. Журавский А.В. Избранные работы по вопросам сельскохозяйственного освоения Печорского Севера. Сыктывкар, 2007. 107 с.
2. Арчегова И.Б., Панюков В.А., Андрианов В.А. Эколого-экономическая система устойчивого развития промышленного освоения Арктики // Арктика: академическая наука и университеты. Роль университетов в реализации арктической стратегии России (экологические, технические, социокультурные аспекты) / Сборник статей по итогам межрег. науч.-практ. конф. (Ухта, 10–12 октября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. С. 96–98.
3. Хантимер И.С. Сельскохозяйственное освоение тундры. Ленинград: Наука, 1974. 227 с.
4. Котелина Н.С., Арчегова И.В., Иванов В.А. Производство кормов в условиях Крайнего Севера // Вестник с.-х. науки. 1985. № 7. С. 37–44.
5. Селезнев А.И. Агропромышленный комплекс Крайнего Севера России (организационно-экономические основы развития). Москва: ФГНУ «Росинформагротех», 2002. 232 с.
6. Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития. СПб: Наука, 1992. 256 с.
7. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4 (24). С. 4–15.
8. Det danske jandbrings-historiev Bd. 1-4. Ed. by Lotte Hedeager, Kristian Kristiansen, Erland Porsmose, Claus Bjorn, Erik Heimer Pedersen, Troels dahlrup, S.P. Jensen, 1998. 504 p.
9. Det svenska jordbrukets historia. Stockholm: Natur oeh kultur. LTs forlag, 1998. 504 p.
10. Jonas Smitt. Norges landbrug I dene aarhundrede. Krisdana: P.T. Mailing, 2003. 298 p.
11. Kauppala P. The Russian North. The Risee, Evolution and Current Condition of Stat Settlemen Policy. Helsinki, 1998.
12. Soumen maatalouden historia / Ed. by Jutikkaia Eino. Helsinki, 2003. 630 p.
13. Полбицин С.Н. Теоретико-методологические подходы к формированию агроинновационной

- системы: дисс. док. экон. наук. Екатеринбург, 2015. 368 с.
14. Кауппала П. Историческая роль финно-угров в освоении Европейского Севера. Современное состояние и перспективы развития // Горизонты экономического и культурного развития: материалы пленарного заседания Второго Северного социально-экологического конгресса / Под ред. В.А. Черешнева. М.: Наука, 2007. С. 246–254.
 15. Пошкус Б.И. Что нового в системе поддержки сельского хозяйства в странах Европейского Союза // Глобализация и аграрная экономика России: тенденции, возможные стратегии и риски. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия Российских деревень», 2011. С. 197–200.
 16. Саница А.Л. Демографическое развитие арктической зоны РФ в 2010–2014 гг. // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 (21). С. 18–27.
 17. Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроперспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 145 с.
 18. Гагиев Г.И. Пути интенсификации кормопроизводства на севере Коми АССР // Кормопроизводство на Крайнем Севере. Москва, 1981. С. 23–32.
 19. Сельскохозяйственные переписи в России / Росстат. — М.: ИИН «Статистика России», 2007. 304 с.

References

1. Zhuravskiy A.V. *Izbrannye raboty po voprosam sel'skokhozyaystvennogo osvoeniya Pechorskogo Severa* [Selected works on the agricultural development of the Pechora North]. Syktyvkar, 2007, 107 p. (In Russ.)
2. Archegova I.B., Panyukov V.A., Andrianov V.A. *Ekologo-ekonomicheskaya sistema ustoychivogo razvitiya promyshlennogo osvoeniya Arktiki* [Ecological and economic system of sustainable development of industrial development of the Arctic]. *Arktika: akademicheskaya nauka i universite-ty. Rol' universitetov v realizatsii arkticheskoy strategii Rossii (ekologicheskie, tekhnicheskie, sotsiokul'turnye aspekty)* [Arctic: academic science and universities. The role of universities in the implementation of Russia's Arctic strategy (environmental, technical, socio-cultural aspects)]. Syktyvkar, 2014, pp. 96–98. (In Russ.)
3. Khantimer I.S. *Sel'skokhozyaystvennoe osvoenie tundry* [Agricultural development of the tundra]. Leningrad: Nauka Publ., 1974, 227 p. (In Russ.)
4. Kotelina N.S., Archegova I.V., Ivanov V.A. *Proizvodstvo kormov v usloviyakh Kraynego Severa* [Feed production in the Far North]. *Vestnik s.-kh. nauki*, 1985, no. 7, pp. 37–44.
5. Seleznev A.I. *Agropromyshlennyy kompleks Kraynego Severa Rossii (organizatsionno-ekonomicheskie osnovy razvitiya)* [The agro-industrial complex of the Far North of Russia (organizational and economic bases of development)]. Moscow, FGNU "Rosinformagrotekh" Publ., 2002, 232 p. (In Russ.)
6. *Severnyy ekonomicheskiy rayon: problemy, tendentsii, perspektivy razvitiya* [Northern economic region: problems, trends, development prospects]. SPb, Nauka Publ., 1992, 256 p. (In Russ.)
7. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. *Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya* [Arctic entrepreneurship: the conditions and opportunities for development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 4 (24), pp. 4–15.
8. *Det danske jandbrings-historiev Bd. 1–4*. Ed. by Lotte Hedeager, Kristian Kristiansen, Erland Porsmose, Claus Bjorn, Erik Heimer Pedersen, Troels dahlerup, S.P. Jensen, 1998, 504 p.
9. *Det svenska jordbrukets historia*. Stockholm: Natur oeh kultur. LTs forlag, 1998, 504 p.
10. Jonas Smitt. *Norges landbrug I dene aarhundrede*. Krisdana, P.T. Mailing, 2003, 298 p.
11. Kauppala P. *The Russian North. The Risee, Evolution and Current Condition of Stat Settlemen Poli-cy*. Helsinki, 1998.
12. *Soumen maatalouden historia*. Ed. by Jutikkaia Eino. Helsinki, 2003, 630 p.
13. Polbitsin S.N. *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k formirovaniyu agroinnovatsionnoy sistemy: diss. dok. ekon. nauk* [Theoretical and methodological approaches to the formation of agro-innovative system]. Ekaterinburg, 2015, 368 p. (In Russ.)
14. Kauppala P. *Istoricheskaya rol' finno-ugrov v osvoenii Evropeyskogo Severa. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [The historical role of the Finno-Ugrians in the development of the European

- North. The current state and development prospects]. *Gorizonty ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya: materialy plenarnogo zasedaniya Vtorogo Severnogo sotsial'no-ekologicheskogo kongressa* [Horizons of economic and cultural development: materials of the plenary session of the Second Northern Social and Ecological Congress]. Ed. by V.A. Chereshev. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 246–254. (In Russ.)
15. Poshkus B.I. Chto novogo v sisteme podderzhki sel'skogo khozyaystva v stranakh Evropeyskogo Soyuza [What's new in the agricultural support system in the European Union]. *Globalizatsiya i agrarnaya ekonomika Rossii: tendentsii, vozmozhnye strategii i riski* [Globalization and agrarian economy of Russia: trends, possible strategies and risks]. Moscow, VIAP named after A.A. Nikonov Publ., 2011, pp. 197–200. (In Russ.)
 16. Sinitsa A.L. Demograficheskoe razvitie arkticheskoy zony RF v 2010–2014 gg. [Demographic development of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation in 2010–2014]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 1 (21), pp. 18–27.
 17. Pilyasov A.N. *Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii (retroperspektiva i prognoz)* [Regularities and features of the development of the North-East of Russia (retro perspective and forecast)]. Magadan, North Eastern Branch of RAS Publ., 1996, 145 p.
 18. Gagiev G.I. Puti intensivatsii kormoproizvodstva na severe Komi ASSR [Ways to intensify fodder production in the north of the Komi ASSR]. *Kormoproizvodstvo na Kraynem Severe*, 1981, pp. 23–32.
 19. *Sel'skokhozyaystvennye perepisi v Rossii* [Agricultural censuses in Russia]. Rosstat — Moscow, "Statistika Rossii" Publ., 2007, 304 p. (In Russ.)

УДК 334.7.01(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.46

Развитие регионального бизнес-сотрудничества: опыт Северной Норвегии и возможности его применения в России *

© МИНЕЕВ Андрей Анатольевич, PhD (Business Economics), научный сотрудник

E-mail: andrey.mineev@nord.no

Бизнес-школа Университета Норд, Будё, Норвегия

Аннотация. Северные регионы Норвегии и России имеют схожую проблематику: новые мега-проекты по развитию нефтегазовых месторождений и объектов инфраструктуры представляют собой не только возможность, но и проблему для развития средних и малых предприятий местной промышленности. Чтобы подключиться к проектам, региональным предприятиям необходимо повышать свои компетенции и находить возможности группового взаимодействия. В статье представлены результаты исследования процесса формирования регионального бизнес-альянса в Северной Норвегии, проведён анализ возможности применения северо-норвежского опыта в России. Показано, что хотя с теоретической точки зрения это представляется затруднительным, предпосылки для удачного применения изученного опыта существуют в Архангельской и Мурманской областях. В этих регионах успешно функционируют бизнес-ассоциации, которые были построены с учётом Норвежского опыта, но с активным участием местной промышленности и органов власти, а также принимая во внимание региональную специфику, ценности и традиции. Это представляет собой мощный фундамент для дальнейшего формирования кооперационных форм бизнес-сотрудничества. В статье сформулированы практические рекомендации для формирования таких форм сотрудничества. В частности, предлагается принимать во внимание следующее: квалификация координатора, государственно-частная схема финансирования, открытость и интегрированность проекта, первичность технологической и вторичность юридической идеи построения сотрудничества.

Ключевые слова: кооперация, бизнес-сотрудничество, региональные предприятия, Северные регионы, Норвегия, Россия.

Development of regional business cooperation: the experience of Northern Norway and how it can be applied to Russia

© Andrey A. MINEEV, PhD in Business Economics, Researcher

E-mail: andrey.mineev@nord.no

Nord University Business School, Bodø, Norway

Abstract. The northern regions of Norway and Russia have similar issues: new mega-projects for the development of oil and gas fields and infrastructure are not only an opportunity but also a challenge for the development of regional small and medium-size enterprises. To connect to projects, regional enterprises need to increase their competencies and find opportunities for cooperation with each other. The article presents the results of a study of the formation of a regional business alliance in Northern Norway. Further, it offers an analysis of the possibility of applying the North Norwegian experience to Russia. It is concluded that, although from a theoretical point of view, this is difficult, the prerequisites for the successful application of the studied experience exist in the Arkhangelsk Oblast and the Murmansk Oblast. Two business associations are successfully operating there. They were built considering the Norwegian experience, but with the active participation of local industry and authorities, as well as accounting regional specifics, values, and

* Для цитирования:

Минеев А.А. Развитие регионального бизнес-сотрудничества: опыт Северной Норвегии и возможности его применения в России // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 46–59. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.46

For citation:

Mineev A.A. Development of regional business cooperation: the experience of Northern Norway and how it can be applied to Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 46–59. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.46

traditions. It is a powerful foundation for the further development of business cooperation. The article contains several recommendations for such forms of collaboration. It is proposed to pay attention to the following: qualification of the coordinator, public-private financing scheme, openness and integration of the project, primary importance of technological cooperation idea and secondary significance of the legal form to be chosen.

Keywords: *Business cooperation, regional businesses, High North, Norway, Russia.*

Введение

Северные регионы Норвегии и России имеют схожую проблематику: новые мегапроекты по развитию нефтегазовых месторождений на шельфе и объектов береговой инфраструктуры представляют собой не только возможность, но и опасность по отношению к средним и малым предприятиям региональной промышленности. Для того чтобы подключиться к этим проектам, региональным предприятиям-поставщикам необходимо повышать свои компетенции и находить возможности группового взаимодействия. В противном случае они оказываются неконкурентноспособными по отношению к более крупным или технологически развитым предприятиям из других регионов, включая зарубежные предприятия. Таким образом, существует проблема реализации местного участия предприятий Северных регионов. При этом раскрытие потенциала и развитие местной промышленности является одним из необходимых аспектов повышения социально-экономической безопасности регионов и государств. Опыт Южной Норвегии показал, что сбалансированная политика, направленная на взаимодействие интересов государства, национальных нефтегазовых компаний и региональной промышленности, способна принести удивительные результаты. В течение 1970–1990 гг. в этом регионе был сформирован кластер компаний-поставщиков, компетенции которых сегодня востребованы во всём мире.

В настоящее время проблема развития регионального участия в Северной Норвегии решается в контексте реализации Государственной Политики по Развитию Севера¹: выстроены схемы взаимодействия органов власти, нефтяных компаний, их подрядчиков (контракторов), представителей малого и среднего бизнеса. Одной из площадок для совместного развития является ассоциация «Петро-Арктик», с помощью которой нефтегазовые компании и их подрядчики (контракторы) содействуют вовлечению местной промышленности в развитие месторождений Баренцрегиона. Также реализуются государственные программы поддержки кооперационных проектов предприятий малого и среднего бизнеса, развита сеть содействующих организаций — бизнес-инкубаторов. Одной из последних совместных инициатив национальной нефтегазовой компании Statoil и Норвежского фонда поддержки инноваций Innovation Norway является программа по развитию бизнес-альянсов среди региональных компаний — потенциальных поставщиков для нефтегазовой отрасли. Это уже

¹ Общие сведения о Норвежской политике развития Севера представлены на сайте МИД Норвегии: <https://www.regjeringen.no/en/topics/foreign-affairs/high-north/id1154/> (дата обращения: 11.06.2019).

3-я фаза проекта LUNN («Развитие поставщиков Северной Норвегии»), инициированного в 2008 г.

В данной статье представлены результаты научного исследования процесса формирования регионального бизнес-альянса в одной из провинций Северной Норвегии в период 2010–2015 гг. Кроме мощной политической и методической поддержки важную роль в этом процессе играла культура взаимоотношений, характерная для Норвежской деловой среды. В статье рассмотрены основные этапы и характеристики процесса, а также дана критическая оценка возможности применения «северо-норвежской модели» сотрудничества в Северных Регионах Российской Федерации, сформулированы некоторые рекомендации по применению модели в Архангельской и Мурманской областях.

Контекст исследования — проект «Норднет»

Изучаемый бизнес-альянс был сформирован в результате кооперационного проекта «Норднет» (псевдоним)² при поддержке национального инновационного фонда Innovation Norway в рамках программы «Сетевое бизнес-взаимодействие» (Bedriftsnettverk). Участники проекта — региональные предприятия малого и среднего бизнеса, заинтересованные в участии в сервисных проектах нефтегазовой отрасли, связанных с техническим обслуживанием и модификацией объектов добычной, разведывательной и транспортной инфраструктуры. Ещё до начала проекта эти компании имели опыт совместной работы на региональном рынке, но никогда не работали вместе (а большинство из них и по-отдельности) в нефтегазовых проектах, отличающихся особой сложностью, высокими требованиями к качеству, продолжительностью и масштабностью работ. Проект «Норднет» был инициирован в 2010 г. группой из нескольких человек — руководителей местных компаний. К началу 2015 г. число участников насчитывало около 29 компаний, специализирующихся в таких областях, как электромонтаж, автоматизация, монтаж и ремонт металлоконструкций, ремонт судов, обработка отходов, логистика, изоляция, вулканизация и др. Целью данного сотрудничества было сформировать оперативную группу компаний, способную предложить заказчику³ широкий спектр услуг. Основные акценты были расставлены на повышение компетенций компаний (сертификация) и персонала (тренинговые программы), внутренние согласования методов коммерциализации сотрудничества, построение отношений с основными игроками (потенциальными заказчиками, финансовыми, экспертными организациями, нефтегазовыми компаниями, органами власти). Этапы реализации кооперационного проекта «Норднет» от идеи до выхода на рынок описаны в табл. 1.

² Псевдоним, фиктивное название проекта, используется с целью защиты персональных данных в соответствии с требованиями Норвежского Совета по Исследованиям.

³ Потенциальными заказчиками «Норднет» являются подрядчики (основные подрядчики) нефтегазовых компаний или владельцев буровых платформ.

Таблица 1

Этапы реализации кооперационного проекта «НОРДНЕТ»

Этап	2010: Обсуждение идеи проекта, разработка ТЭО	2011–2012: Пилотный проект Анализ рынка, оценка уровня и недостатка компетенций компа- ний-участников, по- строение отношений с ключевыми игроками	2013–2015: Основной проект Совместная работа по повышению компе- тенций, маркетинг, поиск путей коммер- циализации сотрудни- чества	Осень 2015: Выход на рынок Участие в конкурсе на проведение сервисно- технических работ на заводе СПГ «Мелкёя» (Хаммерфест)
Компаний- участники	От 2 до 7	около 14	от 20 до 29	29
Организация совместной работы	Неформальное взаимодей- ствие участни- ков инициа- тивной группы	Совет директоров сформирован из ини- циативной группы; Назначен координатор проекта; Неформальное член- ство компаний- участников	Зарегистрирована Ас- социация; Формальное членство компаний-участников; Выборный совет ди- ректоров	Ассоциация сохранена, несколько её членов становятся со- инвесторами в ново- образованной проект- ной компании. Плани- руется приобретение исполнительной ком- пании

Методология исследования

Объектом исследования являлся организационный процесс, или процесс формирования *организации* регионального бизнес-альянса (на примере «Норднет») в период 2010–2015 гг. Согласно [1, Ahrne G. and Brunsson N., с. 2], использовано следующее определение *организации*: социальный порядок, установившийся в результате принятых решений и включающий в себя один или несколько элементов, таких как членство, иерархия, правила, мониторинг и санкции. Данное определение снимает дуалистическое противоречие, возникающее при традиционном понимании организации как обособленной формально-юридической системы, существующей в некой среде (рынок, регион, сегмент промышленности и т.д.), и тем самым отделённой от среды воображаемыми границами. Таким образом, в работе принято допущение, что формируемый бизнес-альянс являлся продолжением уже существующего социального миропорядка (среды), но в результате своего формирования приобрёл особые качества, позволяющие этот миропорядок разнообразить.

В качестве стратегии исследования применялся продолжительный кейсовый анализ (longitudinal case study). Роберт К. Юин (Yin) определяет кейсовый анализ как «эмпирическое исследование, направленное на глубокое изучение современного феномена (кейса) в контексте реального мира» [2, с. 16]. Согласно Юину, границы феномена и реального мира, в котором он существует, могут быть размыты. При этом эмпирические данные собираются одновременно из нескольких источников. В данной работе применялись качественные методы сбора данных из нескольких источников (табл. 2). Продолжительность наблюдений и сбора данных составила три с половиной года (2012–2015 гг.).

Таблица 2

Методы и источники сбора данных

Методы	Источники
Интервью	Менеджер проекта Норднет, члены совета директоров, ординарные члены Эксперты нефтегазового сектора, окружающие организации (42 интервью с 26 респондентами)
Наблюдения	Собрания членов Норднет (8 собраний) Официальная групповая рассылка электронной почты (около 100 сообщений) для членов Норднет
Анализ текстов	Презентации Power-point, заявки и отчёты, предоставленные в Инновационный фонд, Устав Норднет, рефераты собраний членов, Веб-сайт и Facebook-страницы проекта Норднет

Применение одновременно нескольких методов сбора данных позволило провести многоплановый анализ изучаемого организационного процесса. Были изучены: механизмы управления процессом с позиции руководства (менеджер и совет директоров), действия участников процесса (директора компаний, входящих в проект, другие ассоциированные организации), формирование новых организованных структур. При этом множественность методов и источников позволяет повысить достоверность исследования, так как одни и те же темы изучаются с разных сторон.

Характеристики организационного процесса

В данной секции представлены характеристики процесса формирования альянса, которые, с одной стороны, имели ключевое значение, а с другой стороны, были достаточно нетипичны для Российской деловой практики.

«Яйцо в гнезде»

Формируемый через проект «Норднет» бизнес-альянс можно сравнить с яйцом, помещённым в благоприятную среду — гнездо, тщательно свитое из замыкающихся друг на друга связей различных заинтересованных организаций: проект органично вписался в уже существующую сеть межорганизационных связей (рис. 1), работающих в ключе реализации Национальной Стратегии Развития Севера. В данном случае, основными «участниками» сети были Норвежская национальная нефтегазовая компания Statoil (на рис. 1 — «Компания ТЭК»), Фонд поддержки инноваций Innovation Norway (на рис. 1 — «Инновац. фонд»), Региональное предприятие бизнес-инкубатор (на рис. 1 — «Бизнес инкубатор»), а также транснациональные предприятия — подрядчики (на рис. 1 — «Контрактор»), которые к тому времени уже открыли свои офисы в Северной Норвегии.

Инновационный фонд и Statoil являлись соучредителями тренинговой программы в рамках вышеупомянутого проекта LUNN. Северо-Норвежские компании, включая членов «Норднет», активно участвовали в этой программе. Statoil является промышленным соучредителем Бизнес Инкубатора, который координировал тренинговую программу в LUNN, а также взял на себя функцию проектного менеджмента в Норднет. Контракторы привлека-

лись в программу LUNN как со-ведущие семинаров (например, по основам контрактного взаимодействия в сервисных проектах). Инновационный Фонд финансировал проектный менеджмент и со-финансировал операционную деятельность в Норднет. Частично операционная деятельность финансировалась за счёт средств компаний-участников.

Особого внимания заслуживает роль контракторов. В соответствии с норвежской Государственной политикой развития Севера, национальная «Компания ТЭК» отдаёт предпочтение тем контракторам, которые привлекают местных поставщиков. При этом «Компания ТЭК» обеспечивает информационную поддержку, предоставляя контракторам сведения о местных поставщиках. Конкурируя друг с другом, контракторы обращают внимание на северо-норвежских поставщиков, поддерживают проекты сотрудничества между ними, а также получают информацию о планах развития от участников проектов.

Вовлечённость контрактора

В случае с «Норднет» контракторы активно участвовали в технических консультациях, информировали о своих планах и проектах в Северной Норвегии. Один из них был вовлечён в совместный проект по повышению технологических компетенций. К 2015 г. была достигнута договорённость (закреплённая договором о взаимопонимании) о совместном участии в конкурсе на проведение сервисно-технических работ на заводе СПГ «Мелкёйа» (см. табл. 1). Согласно такому договору, в случае победы в конкурсе контрактор обязуется сотрудничать с поставщиками, представляющими «Норднет» (при условии наличия всех необходимых сертификатов и квалификаций). Также рассматривается возможность участия контрактора в

проектной компании, образованной «Норднет» в 2015 г. (см. табл. 1) как поставщика услуги проектный менеджмент. Такая практика также имеет место в другом, уже несколько лет успешно функционирующем альянсе в Северной Норвегии.

Квалифицированный посредник

Успех сетевых проектов, включающих множество различных участников, во многом зависит от менеджмента. Наличие общей цели требует от участников коллективного принятия решений и внедрения организационных схем. При этом всегда имеют место индивидуальные цели и представления, которые могут конфликтовать с коллективными целями, поставленными на уровне проекта. При этом менеджер проекта не может пользоваться механизмами воздействия, основанными на власти и прямом контроле. Вместо этого он должен уметь договариваться со всеми участниками проекта, выстраивать отношения между ними, находить и продвигать компромиссные решения. Таким образом, менеджер исполняет роль посредника. Эта задача в проекте «Норднет» была поручена человеку, обладающему следующими качествами: широкий *кругозор*, приобретённый через опыт технологической и внешнеэкономической работы за пределами региона, *нейтральность* как отсутствие коммерческого интереса в деятельности отдельных участников проекта и *локальность* как знание местной специфики, авторитет и искреннее желание внести вклад в развитие региона. Этот человек родился, вырос и учился в Северной Норвегии. После многих лет работы в нефтегазовой отрасли (со стороны компании поставщика) в южной Норвегии и в других странах (США, Казахстан, Россия) он вернулся в свой родной город и подключился к работе по развитию региональной промышленности (через проектную деятельность в региональной организации «Бизнес-инкубатор»). В развитии проекта «Норднет» ему очень пригодилась его обширная сеть контактов, способность видеть ситуацию с разных сторон (в региональном и в глобальном аспекте, со стороны заказчика и подрядчика и т.д.), умение выстраивать отношения. Вышеупомянутые качества — кругозор, нейтральность и локальность — легли в основу всестороннего доверия, которым пользовался менеджер-посредник проекта «Норднет».

Эволюционный процесс

Как видно из таблицы 1, процесс формирования бизнес-альянса через проект «Норднет», был достаточно продолжителен — 5 лет. По словам участников, проект «занял больше времени, чем ожидалось». Тем не менее, проведённое исследование показало, что такая скорость исполнения проекта была необходима для его сбалансированного развития. Проект развивался не форсированно, а эволюционным путём, с учётом существующих ограничений. Оказалось, что большинство участников (руководители компаний) испытывали острый дефицит времени — большая часть их внимания была направлена на управление операционной деятельностью их компаний. В то же время, в самом начале проекта трудно было наладить общий язык, договориться о методах совместной работы. Как было отмечено ме-

неджером проекта и некоторыми участниками, очень важно было «много раз говорить друг с другом в течение долгого времени». Равноправие и разнообразие партнёров было важно для развития проекта, но также служило ограничением — нельзя было форсировать проект, развивать его в приказном порядке. Поэтому акцент был сделан на повышении осведомленности участников (например, о требуемых в нефтегазовой отрасли сертификатах и квалификациях, сложностях контрактных режимов). Задачей менеджера была мотивация участников к совместной работе. А для этого нужно было показывать им преимущества сотрудничества и недостатки изоляции, обеспечивать атмосферу взаимного доверия и понимания ситуации.

Другим признаком эволюционности процесса была его открытость. Все компании, которые считали, что проект может быть для них полезен, допускались к участию. Несмотря на то, что на конечном этапе проекта в нём участвовало около 29 компаний, прошло через него намного больше. Те, кто покинул проект (а среди них и несколько основных компаний, начинавших его в составе инициативной группы в 2010–11 гг.), сами принимали решение это сделать. Также они имели возможность вернуться позже. Таким образом, проект протекал относительно бесконфликтно.

Ещё одним важным признаком эволюционности являлась некая неопределённость (точнее её приятие) относительно юридической формализации отношений между участниками. Эти вопросы обсуждались постоянно, но не являлись основными. Во главу угла были поставлены вопросы построения технологических связей, повышение компетенций, выстраивание отношений с потенциальными заказчиками. В то же время ввиду большого количества участников, им было бы сложно организовать — прийти к соглашению, которое устраивало бы всех. Когда финансовая поддержка Иноовационного фонда начала заканчиваться, весной-осенью 2015 г. участникам было предложено выступить соинвесторами в проектной и исполнительской компаниях. При этом руководство проекта (совет и менеджер) хорошо понимали, что не все участники захотят быть инвесторами. Для тех, кто предпочтёт более свободное участие, предусмотрена возможность оставаться членом региональной ассоциации (см. табл. 1), в форме которой был организован «Норднет» до выхода на уровень коммерциализации. В любом случае, проект «Норднет» изначально не создавался «под кого-то», но был открыт для всех, кто был готов внести свой вклад в его развитие.

«Северо-Норвежская модель» в России: сложно, но возможно?

Совокупность рассмотренных выше характеристик процесса условно будем называть «северо-норвежской моделью». Эта модель имеет следующие особенности: «яйцо в гнезде», вовлечённость контрактора, квалифицированный координатор (с качествами: кругозор, нейтральность, локальность) и эволюционность процесса (с признаками: медленность-нефорсированность, открытость, неопределённость). Определив ключевые особенности

«северо-норвежской модели» аналитически, рассмотрим вопрос возможности её применения в северных регионах РФ.

Принимая во внимание научные исследования Российской бизнес-среды, проводимые западными учёными в течение последних 20 лет [3, Puffer S., McCarthy D.], можно полагать, что применение такой модели в России представляется затруднительным. В частности, одна из основных характеристик, данная для России Паффер и МакКарти — сильный дисбаланс неформальных (межличностных) и формальных (регулируемых законодательством, межорганизационных) механизмов взаимоотношений. К похожим выводам приходят Роуз [4] и Леденёва, [5]. С одной стороны, утверждается, что отношения (включая экономические) чаще всего строятся на межличностном уровне. С другой стороны, имеет место институциональный вакуум — недоразвитость официальных механизмов регулирования отношений между экономическими контрагентами или различными организациями. Это является причиной слабости межорганизационных связей. Таким образом, сложно-реализуемым представляется условие северо-норвежской модели «яйцо в гнезде». Низкая эффективность межорганизационного взаимодействия в России также не раз отмечалась представителями Норвежского бизнеса, имевшими здесь личный опыт работы с проектами. Также избыточное использование межличностных связей приводит к тому, что выстроенные межорганизационные схемы не успевают институционализироваться и легко разрушаются при (частой) смене политической или рыночной конъюнктуры (например, при назначении новых людей). Таким образом, условие эволюционного внедрения северо-норвежской модели также является сложновыполнимым. В самом деле, при частой смене обстановки медленные и нефорсированные процессы налаживания бизнес-связей могут просто не успеть завершиться.

Ещё одна характеристика России (а также стран бывшего Советского Союза) — низкий уровень минимального доверия между экономическими контрагентами. Согласно анализу экономистов из Института Исследований в Области Развития Суссекского Университета [6, Humphrey J. and Schmitz H.], это приводит к невозможности построения долгосрочных взаимозависимых отношений между различными организациями. А именно такие отношения являются залогом развития высокотехнологичных цепочек поставок и промышленных кластеров. Таким образом, считается, что российские менеджеры имеют тенденцию использовать «старые» проверенные связи для решения новых проблем. В то время как новые проблемы (а развитие региональной промышленной конкурентоспособности — одна из таких проблем) требуют построения новых связей. Последнее представляется маловероятным из-за отсутствия доверия к «незнакомым». Всё это может привести к построению «закрытых» организационных структур или ограниченному привлечению внешних ресурсов. Это значит, что условия открытости и принятия неопределённости в северо-норвежской модели также труднодостижимы.

Рассмотренные сложности имеют теоретическое основание⁴. С одной стороны, это основание выстроено с использованием научных подходов, разработанных в отличном от России «западном» контексте. Это значит, что применение этих подходов автоматически противопоставляет российскую и западную действительность. В самом деле, научные исследования Российской бизнес-среды, реализованные западными учёными, рассматривали Россию как страну с «переходной экономикой» — догоняющую или стремящуюся к соответствию с экономическими, социальными и политическими моделями стран Западной Европы и США. Таким образом, Россия изначально рассматривалась как страна, в которой чего-то «пока не хватает» или что-то делается ещё «не так, как надо». При этом уникальные особенности России редко принимались во внимание. Возможно, ограниченность данного подхода послужила результатом того, что несколько лет назад наблюдался спад активности исследований Российской бизнес-среды западными учёными — понять Россию глубоко так и не получилось, а желания учиться у неё не оказалось⁵.

В то же время представленные теоретические аргументы нельзя сбрасывать со счетов, если поставлен вопрос о применении западных моделей и технологий сотрудничества в России. В случае прямого поверхностного копирования западных моделей в России они не будут работать эффективно именно в силу указанных выше причин: неравномерность доверия, дисбаланс между формальными и неформальными механизмами управления, неприятие неопределённости. Таким образом, необходимо учитывать специфику России и её регионов, искать творческий подход к применению опыта, полученного за рубежом, делать это с осторожностью.

По мнению автора, предпосылки удачного применения северо-норвежской модели существуют в Мурманской и Архангельской областях. Дело в том, что в этих регионах уже с 2006 г. успешно функционируют региональные промышленные ассоциации («Созвездие» — в Архангельске, «Мурманшельф» в Мурманске)⁶. Эти ассоциации были созданы при поддержке Норвежской компании Statoil в рамках договора о сотрудничестве с правительствами Мурманской и Архангельской областей. В качестве прототипа Statoil использовал упомянутую во введении ассоциацию «Петроарктик», созданную в Северной Норвегии. Методы работы компании Statoil по развитию поставщиков в Северной Норвегии описаны в статье [7, Andvik T.C.]. Методы работы и мотивы компании на Северо-Западе РФ кратко представлены в статье [8, Mineev A.].

⁴ В данной статье опущен теоретический анализ возможностей выполнения таких условий северо-норвежской модели в России, как «вовлечённость контрактора» и «квалифицированный посредник». Кратко можно упомянуть, что, согласно эмпирическим наблюдениям и личному опыту автора, эти условия также трудновыполнимы. Во-первых, большим компаниям несвойственно сотрудничать с маленькими. Во-вторых, налицо кадровая проблема.

⁵ Данное утверждение носит гипотетический характер. Оно основано на личных наблюдениях и опыте автора. Исследования, подтверждающие данную гипотезу с помощью научного метода, не проводились.

⁶ Созвездие — www.sozvezdye.org (дата обращения: 21.06.2019), Мурманшельф — www.murmanshelf.ru (дата обращения: 21.06.2019).

Несмотря на то что на начальном этапе методическая и финансовая поддержка исходила из Норвегии, Российские ассоциации были организованы с учётом местной специфики, ценностей и традиций — большой вклад в развитие ассоциаций внесли представители региональных властей и бизнеса. Пожалуй, именно это послужило залогом жизнеспособности и дальнейшего развития ассоциаций в России. Положительный опыт Российского участия в этом проекте в Мурманской области изучен в работе [9, Mineev A., Bourmistrov A.]. Сегодня обе ассоциации существуют независимо от иностранной поддержки. Каждая из них насчитывает около 200 членов, среди которых есть и российские и зарубежные, и региональные и внешние, и большие и маленькие компании. Ассоциации учитывают интересы и способствуют взаимодействию местных компаний, представителей власти и крупного бизнеса. Таким образом, эти ассоциации могут сыграть роль питающей среды для формирования инновационных бизнес-альянсов в различных секторах российской промышленности. Также положительную роль должна сыграть специфика северных регионов — культура взаимовыручки и прозрачность внутри общества (в силу компактности городов), способствующая высокому уровню взаимной информированности и доверия между людьми.

Рекомендации по реализации кооперационного проекта

Учитывая изученный опыт Северной Норвегии, формирование бизнес-альянсов на Северо-Западе России (в Мурманской и Архангельской областях) рекомендуется реализовывать в виде кооперационных проектов. В результате такого проекта, группа заинтересованных компаний должна прийти к совместной технолого-экономической и коммерческой схеме взаимодействия, позволяющей осуществлять высококачественные сервисные или производственные проекты по обслуживанию отрасли ТЭК, объектов инфраструктуры или смежных отраслей. Ниже изложены некоторые критические моменты, на которые предлагается обратить внимание.

1. ***«Квалифицированный» координатор*** должен играть ключевую роль в реализации кооперационного проекта. В данном случае квалифицированность включает в себя вышеуказанные характеристики: широкий кругозор и деловые контакты, полученные за пределами региона; нейтральность как независимость от интересов отдельных участников проекта; локальность как знание местной специфики, авторитет и искренне желание внести свой вклад в развитие региона. Важно, чтобы проект был значительной частью основной работы координатора (около 50% рабочего времени). При этом для сохранения кругозора важно, чтобы координатор был также вовлечён и в другие, смежные проекты. Участвуя в нескольких проектах одновременно, он сможет влиять на формирование взаимовыгодных связей между различными организациями.
2. ***Государственно-частная схема финансирования*** необходима для сбалансированной реализации проекта. С одной стороны, поддержка государства может быть сти-

мулятором для участия региональных предприятий малого и среднего бизнеса. С другой стороны, посильный финансовый вклад со стороны предприятий будет гарантом их вовлечённости, активного участия в проекте. Например, оплата труда координатора и часть операционной деятельности проекта может быть профинансирована через федеральную или региональную программу или фонд развития инноваций, а другая часть операционной деятельности — за счёт членских взносов компаний-участников. Также можно использовать опыт Innovation Norway: для получения доступа к средствам фонда участники должны предоставить отчёт по количеству часов, потраченных в проекте. Каждый час работы отдельного участника «размораживает» соответствующую сумму из фонда. Затем сумма перечисляется в общий бюджет проекта.

3. **Открытость и интегрированность** — важные аспекты организации проекта. С одной стороны, проект должен быть открыт для всех желающих компаний, которые считают, что могут получить от него пользу. При этом должны быть созданы условия для того, чтобы повысить их мотивацию привнести что-то в развитие проекта. С другой стороны, проект должен быть интегрирован в сферу взаимоотношений между органами власти, потенциальными заказчиками (в первую очередь подрядчиками), научно-исследовательскими и образовательными учреждениями. Открытость и интегрированность проекта во многом будут зависеть от деятельности координатора. Для этого важно будет организовать процесс эффективной коммуникации: обмен знаниями и информацией должен быть прозрачным, предусматривать непосредственное взаимодействие как между предприятиями-членами проекта, так и между подрядчиками и другими организациями.
4. **Чёткая технологическая идея** важна, чтобы выдержать курс на коммерциализацию проекта. Все предприятия-участники должны понимать свою роль в формировании общего продукта или услуги. Другими словами, каждый должен конкретно представлять с кем он будет работать, будь то повышение объёма производства через сотрудничество похожих предприятий или расширение спектра услуг через сотрудничество технологически смежных предприятий. Также необходимо отслеживать востребованность совместного технологического решения на рынке, поддерживать контакт с предполагаемыми заказчиками. Примеры технологических идей сотрудничества: агрегаты электромеханики и автоматизации, энергоэффективность, утилизация отходов производства, теплоэнергетика, судоремонт и т.д. Выбор будет зависеть от анализа существующих и требующихся технологий в регионе.
5. Вопрос выбора **юридической формы** взаимодействия важен, но должен рассматриваться как вопрос второго плана. Его надо постепенно обсуждать, но не торопиться с его формализацией. Как показывает опыт бизнес-альянса в Северной Норвегии, компании-участники и их руководители должны постепенно «созреть» для решения этого вопроса (пройти совместный процесс обучения), то есть наладить взаимопонимание,

повысить квалификацию компаний и сотрудников, понять требования заказчиков, возможности и амбиции друг друга.

Заключение

В статье представлены результаты исследования процесса формирования регионального бизнес-альянса в Северной Норвегии, проведён анализ возможности применения северо-норвежского опыта в России. Показано, что с теоретической точки зрения это представляется затруднительным в силу таких причин, как дисбаланс между неформальными и формальными механизмами взаимоотношений и низкий уровень минимального доверия между экономическими контрагентами. Однако предпосылки для удачного применения изученного опыта существуют в Мурманской и Архангельской областях. В этих регионах созданы и успешно функционируют две региональные бизнес-ассоциации. Эти ассоциации были построены с учётом норвежского опыта, но с активным участием местной промышленности и органов власти, принимая во внимание региональную специфику, ценности и традиции. В связи с этим сформулированы некоторые практические рекомендации к подходам к реализации кооперационного проекта на Северо-Западе РФ. Предлагается принимать во внимание следующее: квалификацию координатора, государственно-частную схему финансирования, открытость и интегрированность проекта, первичность технологической и вторичность юридической идеи построения сотрудничества.

Благодарности и финансирование

Исследование проводилось Минеевым А.А. в период с 2012 по 2015 г. в рамках проекта «Менеджмент и контроль в развивающихся бизнес-сетях Баренц-региона» при поддержке Норвежского Совета по Исследованиям (индивидуальный грант).

Литература / References

1. Ahrne G., Brunsson N. Organization outside organizations: the significance of partial organization. *Organization*, 2011, 18 (1), pp. 83–104. DOI 10.1177/1350508410376256
2. Yin R.K. *Case study research design and methods (5th ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. 282 p.
3. Puffer S.M., McCarthy D.J. *Two decades of Russian business and management research: an institutional theory perspective*. 2011.
4. Rose R. *Getting things done in an anti-modern society : social capital networks in Russia*. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde. 1998.
5. Ledeneva A. From Russia with blat: can informal networks help modernize Russia? *Social Research: An International Quarterly*, 2009, 76 (1), 257–288.
6. Humphrey J., Schmitz H. Trust and inter-firm relations in developing and transition economies. *The Journal of Development Studies*, 1998, 34 (4), 32–61. DOI 10.1080/00220389808422528
7. Andvik T.C. *Supplier development through industry networks in the oil & gas industry*. Paper presented at the The IV international scientific and practical conference “Dynamics of socio-economic processes in the North. Luzin readings — 2007”, Apatity, Russia.
8. Mineev A. *Norwegian model to Russia? A case of Norsk Hydro and Statoil in the context of international competition*. Paper presented at the 12th International Conference and Exhibition for Oil and Gas Resources Development of the Russian Arctic and CIS Continental Shelf (RAO/CIS Offshore 2015), Saint-Petersburg, Russia.

9. Mineev A., Bourmistrov A. Social Capital at Work: A Case of Adapting a Norwegian Cooperation Model in Russia. *Journal of East-West Business*, 2015, 21 (2), 129–155. DOI 10.1080/10669868.2015.1005326

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК 332.143:338.27:330.322.16(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.60

Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе *

© **ВОРОНЕНКО Александр Леонидович**, заведующий научно-исследовательским сектором

E-mail: voronenko@sco-khv.org

Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия

© **ГРЕЙЗИК Сергей Владимирович**, младший научный сотрудник

E-mail: greizik@sco-khv.org

Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия

Аннотация. В условиях значительного повышения внимания мирового сообщества к Арктике, а также интенсивного развития технологий по её изучению и освоению, всё большую актуальность приобретает сотрудничество в этом регионе между различными странами. В данной статье рассмотрена история и современное состояние взаимодействия на территории Арктического региона между Россией (и её предшественником СССР) со странами Северо-Восточной Азии (СВА) — Китаем, Японией и Республикой Корея. В статье отмечены факты повышающегося научного и практического интереса со стороны стран СВА к изучению Арктики, проанализированы заинтересованность и основные устремления указанных стран к сотрудничеству с Россией. Также рассмотрены основные внутренние законы и нормативные акты, регламентирующие их деятельность в Арктике. В результате делается вывод о высокой перспективности сотрудничества стран Северо-Восточной Азии с Россией, приводятся основные направления возможного взаимодействия в регионе, выделяется особое положение Дальнего Востока РФ как одного из основных связующих звеньев.

Ключевые слова: Арктический регион, Северо-Восточная Азия (СВА), Северный морской путь (СМП), Арктическая зона РФ (АЗРФ), Инициатива «Один Пояс — Один Путь», Дальний Восток РФ, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Prospects of cooperation between Russia and North-East Asian countries in the Arctic region

© **Aleksandr L. VORONENKO**, Head of the Research Sector

E-mail: voronenko@sco-khv.org

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia

© **Sergei V. GREIZIK**, Junior Research Fellow

E-mail: greizik@sco-khv.org

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia

Abstract. Significant increase in global attention to the Arctic, as well as the intensive development of technologies for its study, makes the cooperation between various countries increasingly important. The article discusses the history and current interaction in the Arctic region between Russia (and its predecessor, the USSR) with North-East Asia (NEA) — China, Japan, and the Republic of Korea. The author noted the increasing scientific and practical interest of the NEA countries to study the Arctic, analyzed it and main

* Для цитирования:

Вороненко А.Л., Грейзик С.В. Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 60–78. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.60

For citation:

Voronenko A.L., Greizik S.V. Prospects of cooperation between Russia and North-East Asian countries in the Arctic region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 60–78. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.60

aspirations of these countries to cooperate with Russia. Also, the author reviewed the most significant internal laws and regulations governing their activities in the Arctic. It was concluded that the high prospects for cooperation between the countries of Northeast Asia and Russia occur. Main directions of possible interaction in the region are presented in the article along with the highlighted unique position of the Russian Far East as one of the critical links.

Keywords: *the Arctic region, North-East Asia (NEA), the Northern Sea Route (NSR), the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF), Initiative “One Belt — One Road,” the Far East of the Russian Federation, Territory of Advanced Socio-Economic Development (TASED).*

Введение

В XXI в. Арктический регион становится объектом всё большего внимания и изучения со стороны международного сообщества. По разным оценкам, Арктика располагает значительными мировыми запасами природных ресурсов, которые могут стать ресурсной базой для мировой экономики. Наряду с ресурсами, международное внимание привлекает транспортный и логистический потенциал Арктики. Морские транспортные маршруты северных морей позволяют сократить расстояние, время и стоимость транспортировок между Азией, Европой и Северной Америкой по сравнению с традиционными путями через Суэцкий и Панамский каналы.

Несмотря на растущую экономическую привлекательность, Арктика до сих пор слабо интегрирована в международную экономическую деятельность. Это создаёт возможности для всех (а не только для циркумполярных) стран принимать участие в исследовании Арктики и развитии арктической экономической системы. В последние годы Китай, Япония и Республика Корея продемонстрировали серьёзную озабоченность и приверженность Арктике. Все три государства получили статус наблюдателя в Арктическом совете и опубликовали свою арктическую политику (Республика Корея в 2013 г., Япония в 2013 г. и Китай в 2018 г.).

Прежде всего, интересы указанных стран Северо-Восточной Азии сосредоточены вокруг использования экономического потенциала Арктики. Запасы минеральных ресурсов (особенно углеводородов) и транспортные пути чрезвычайно важны для энергоёмких и ориентированных на экспорт экономик Северо-Восточной Азии. Россия, в свою очередь, имеет определённую юрисдикцию в отношении СМП (Северный морской путь) и может обеспечить навигацию в полярных водах. В совокупности это служит серьёзным основанием для важного и даже неизбежного сотрудничества между Россией и странами Северо-Восточной Азии в Арктике.

Обзор исследований по данной тематике

Идея сотрудничества между Китаем, Японией и Республикой Корея с одной стороны и Россией (или другими странами Северной Европы) с другой — относительно новая. До сих пор комплексные исследования в этой области не проводились в достаточном количестве. Т. Троякова является одним из немногих, кто действительно изучил основные возможные направления такого сотрудничества [1, Троякова Т., с. 7–15]. При этом некоторые эксперты утверждают, что участие неарктических государств, особенно Китая, в развитии и управле-

нии арктическим регионом является неразумным и небезопасным [2, Гудев П., с. 71–78]. Однако сегодня большинство исследователей разделяет мнение о том, что неарктические страны уже участвуют в различных направлениях деятельности в Арктике, а их роль в развитии и управлении регионом растёт [3, Подоплекин А., с. 40–45]. Вот почему так важно изучать эти процессы сотрудничества и определять конкретные механизмы взаимодействия между циркумполярными и неарктическими государствами, в частности между Россией и странами Северо-Восточной Азии.

В рамках данной статьи раскрыта арктическая политика рассматриваемых стран. Основные интересы Японии в Арктике были хорошо освещены М. Акиямой, Д. Тулуповым [4, с. 250–255], А. Тонами [5, с. 47–71], Ф. Охниши [6, с. 171–182]. Также широко изучена стратегия и деятельность Республики Корея в Арктике [5, с. 73–92], [7, Jin D., Seo W., Lee S., с. 84–96], [8, Benett M.].

С ростом активности Китая в Арктике, наряду с изучением проблем так называемого «арктического общества», всё большее внимание уделяется арктической политике этой страны [5, Tonami A., с. 19–45], [9, Xu G., с. 52–62], [10, Nong H.], которая является одним из самых активных участников региона среди неарктических государств. Выпуск «Белой книги» по арктической политике КНР в январе 2018 г. даёт основание для новых исследований в этой области.

Что касается российской стратегии Арктики, существует несколько основных документов для регулирования различных сфер деятельности в арктической зоне России: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года» и «Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Указанные документы были изучены многими авторами. В частности, П. Журавлёв провёл анализ «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» с точки зрения её основных проблем и предложил меры по её совершенствованию [11, 154–156]. Сотрудники Северного (Арктического) федерального университета А. Подоплекин и К. Бестужева подчеркнули преимущества «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» и изложили её основные перспективы [12, с. 35–46]. Первые шаги и перспективные направления реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» были рассмотрены Е. Лабецкой [13, с. 59–71], [14, с. 106–114].

При изучении возможностей и перспектив сотрудничества России и стран Северо-Восточной Азии необходимо учитывать региональные аспекты, связывающие Российскую Арктику, Китай, Японию и Республику Корея. Авторы рассматривают Дальний Восток России как одну из этих связей. Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии уде-

лял большое внимание проблеме экономической интеграции Дальнего Востока России в экономическую систему Азиатско-Тихоокеанского региона [15, Kurokawa Y, с. 46–48]. Взгляд России на региональное сотрудничество между Дальним Востоком, Китаем, Японией и Республикой Корея, а также проблемы и конкретные проекты в рамках такого сотрудничества лучше всего демонстрируют учёные Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, а именно П. Минакир, О. Прокапало и А. Горюнов [16, с. 6–16], [17, с. 486–492]. В данной статье авторы попытались развить идеи указанных выше учёных и включить их в контекст сотрудничества в Арктике, чтобы продемонстрировать, что Дальний Восток России может выступать в качестве связующего звена между странами Северо-Восточной Азии и арктической зоной России.

История сотрудничества СССР и стран Северо-восточной Азии в Арктике

Совместные проекты между Россией и странами Северо-Восточной Азии в арктической зоне России не являются чем-то новым. Соглашения между СССР и Японией о поставках древесины в Японию были подписаны в 1968, 1974 и 1981 гг. В обмен на древесину Япония поставляла СССР машины и оборудование, необходимые для эксплуатации лесных ресурсов на Дальнем Востоке. Часть древесины была доставлена из Якутии в Японию по Северному морскому пути (СМП), использовалась транспортировка по реке Лене в морские порты СМП методом «лесосплава». Во время летней навигации транспортировка осуществлялась баржами в восточные порты СССР и далее в Японию.

В соответствии с Соглашением 1974 г., СССР поставлял коксующийся уголь в Японию в обмен на оборудование, машины, материалы и другие товары, используемые при разработке угольных бассейнов в Якутии. Часть угля также поставлялась с помощью рек и СМП. Кроме того, в 1974 г. японские компании «Tokyo Gas» и «Mitsubishi Corporation» инициировали соглашение о поставке природного газа из Якутии в Японию. В соответствии с соглашением, разведка месторождений природного газа в Якутии осуществлялась совместно СССР, США и Японией. Япония также поставляла СССР трубы, в том числе «трубы большого диаметра», оборудование для сжижения газа и другое оборудование для разведки и разработки газовых месторождений. Однако в 1980 г. реализация соглашения была прекращена из-за введения войск СССР в Афганистан.

С конца 1980-х г. Япония проявляла всё большую заинтересованность в проведении совместного научного исследования Арктики с СССР, особенно в связи с использованием СМП. Японские учёные вместе с коллегами из Норвегии и СССР участвовали в международной программе изучения Севморпути и провели всестороннее исследование маршрута и возможностей его использования международными судоходными компаниями.

Однако в этих проектах не было никакого систематического подхода. Сама Арктика не рассматривалась как особый экономический регион. Вот почему эти первоначальные проекты нельзя рассматривать как примеры полномасштабного сотрудничества между странами.

Однако на сегодняшний день уже сформирован фундамент для развития такого сотрудничества.

Основы сотрудничества России и стран Северо-Восточной Азии в Арктике

Для определения основных направлений сотрудничества между Россией и странами Северо-Восточной Азии в Арктике разумно сравнить арктическую политику стран-участниц, подчеркнуть общие интересы и определить связи между ними.

Основные приоритеты стран Северо-Восточной Азии в Арктике были раскрыты в соответствующих нормативных документах: «Белая книга по арктической политике Китая»; «Арктическая политика Японии» и «План по океанической политике» Японии, «Генеральный план по арктической политике» Республики Корея. В указанных документах содержится чёткий взгляд на подходы трёх стран к развитию Арктики.

Таблица 1

Россия и страны Северо-Восточной Азии: основные подходы к арктической политике¹

Страна	Основные документы, касающиеся арктической политики	Интересы в Арктике и приоритеты арктической политики
Китай	Арктическая политика Китая (2018)	<ul style="list-style-type: none"> • Расширение геологоразведки и углубление понимания Арктики. • Защита окружающей среды Арктики и борьба с изменением климата. • Использование ресурсов Арктики законным и рациональным образом. • Активное участие в международном управлении и сотрудничестве в Арктике. • Поощрение мира и стабильности в Арктике.
Япония	План по океанической политике (2013); Арктическая политика Японии (2015)	<ul style="list-style-type: none"> • Полное использование преимуществ Японии в области науки и техники с глобальной точки зрения. • Рассмотрение арктической среды и экосистемы. • Обеспечение верховенства права и содействие международному сотрудничеству мирным и упорядоченным образом. • Уважение прав коренных народов, традиционных экономических и социальных основ их жизни. • Изучение обстановки в плане безопасности в Арктике. • Усилия по обеспечению экономической и социальной совместимости с изменениями климата и окружающей средой. • Изучение возможностей использования морских транспортных путей и разведки природных ресурсов в Арктике.
Республика Корея	Генеральный план по арктической политике (2013)	<ul style="list-style-type: none"> • Создание арктического партнёрства в рамках международного сообщества для решения современных проблем в регионе. • Расширение исследовательской деятельности с целью лучшего понимания Арктики. • Устойчивое развитие экономической деятельности в Арктике.

¹ Источник: разработка авторов.

Россия	«Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008); «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2020 года» (2013)	<ul style="list-style-type: none"> • Социально-экономическое развитие циркумполярных территорий посредством освоения природных ресурсов и коммерческого использования СМП. • Сохранение экосистемы Арктики. • Сохранение мира и стабильности в регионе. • Обеспечение государственного суверенитета на континентальном шельфе под юрисдикцией России и вдоль СМП.
--------	--	---

Многие приоритеты являются общими для трёх государств Северо-Восточной Азии. В частности, ключевой движущей силой арктической политики трёх азиатских стран и России является экономическая составляющая.

Развитие коммерческой навигации в полярных водах наряду с эксплуатацией полезных ископаемых также имеет первостепенное значение для всех трёх стран Северо-Восточной Азии. Продвижение и поддержка технологических решений, ноу-хау и высокотехнологичного оборудования в Арктике является ещё одним приоритетом для стран Северо-Восточной Азии. Наконец, последним по списку, но не по значимости приоритетом является признание возможности принимать участие в управлении Арктикой.

Сопоставление этих интересов с приоритетами России помогает выявить основные перспективные направления возможного сотрудничества в регионе.

Разработка минеральных ресурсов в Арктике

Ввиду потребности в природных ресурсах страны Северо-Восточной Азии заинтересованы в получении доступа к месторождениям полезных ископаемых в Арктике, включая нефть и газ, неуглеродные минеральные ресурсы и биологические ресурсы Северного Ледовитого океана.

Арктическая зона России богата различными видами ресурсов (табл. 2) [18, Истомин А., Павлов К., Селин В., с. 158–172].

Таблица 2

Минеральные ресурсы российской арктической зоны²

Тип	Регионы	Ресурсы
Энергетические ресурсы	Чукотский автономный округ, Красноярский край, Ненецкий автономный округ	Уголь, уран, горючие сланцы, метановые гидраты
Углеводороды	Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ	Нефть, газ, конденсат, минеральные смолы
Черные металлы	Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Мурманская область	Железо, марганец, титан, хром, ртуть, свинец, цинк, свинец
Редкоземельные металлы	Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Мурманская область	Бериллий, ванадий, лантаноиды, литий, ниобий, тантал

² Источник: разработка авторов.

Цветные металлы	Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Красноярский край	Алюминий, висмут, вольфрамит, медь, молибден, никель, кобальт, олово
Благородные металлы	Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Красноярский край	Золото, серебро, платина
Горно-химическое сырьё	Красноярский край	Фосфатная руда, минеральная соль, графит, блеск, бариты, абразив
Кристаллы	Республика Саха (Якутия), Мурманская область	Необработанные алмазы, драгоценные камни

Однако из-за ограничений промышленного, финансового, технологического и экономического потенциала Россия не может эффективно реализовывать крупные ресурсные проекты самостоятельно. При этом после введения рядом стран экономических санкций против России указанная проблема обострилась. В этом контексте сотрудничество России и стран Северо-Восточной Азии имеет значительную техническую, производственную и финансовую базу.

В условиях обозначенной Президентом РФ В. Путиным в так называемых «майских указах» цели по достижению к 2024 г. ежегодного грузооборота СМП в 80 млн тонн Правительство РФ (как координатор хозяйственной деятельности в Арктике) начало работу по выделению крупных якорных проектов, которые бы способствовали развитию региона и формированию комфортных условий для дальнейшего привлечения частных инвесторов, в том числе иностранных, к его развитию.

При этом российское руководство неоднократно заявляло, что наша страна открыта для любого взаимовыгодного сотрудничества с иностранным бизнесом в Арктике.

Одним из ярких успешных примеров международного сотрудничества на территории российской Арктики является проект «Ямал-СПГ» — интегрированный проект по добыче, сжижению и поставкам природного газа мощностью около 16,5 млн тонн в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения. Первая технологическая линия начала производство в 4 квартале 2017 г., вторая и третья линии — в июле и ноябре 2018 г соответственно. Акционерами ОАО «Ямал СПГ» являются ПАО «НОВАТЭК» (50,1%), Total (20%), CNPC (20%), Фонд Шёлкового Пути (9,9%). Хотя проект вышел на полную мощность только в ноябре 2018 г., к настоящему моменту иностранным потребителям отгружено уже более 10 млн тонн СПГ.

Следующим «якорем» должен стать ещё один проект «Новатэка» — «Арктик СПГ 2» на Гыданском полуострове, предполагающий строительство трёх линий сжижения по 6,6 млн т каждая. Общая стоимость инициативы оценивается в 20–21 млрд долл. США. Запустить первую очередь «Арктик СПГ-2» предполагается в 2022–2023 гг. При этом руководство компании «Новатэк» сообщило о подписании обязывающих соглашений об условиях вхождения в проект «Арктик СПГ-2» с китайскими CNODC (100%-ная «дочка» CNPC) и CNOOC. Оба соглашения предусматривают приобретение 10%-ной доли участия в проекте.

В настоящее время также ведётся подготовка и других проектов, в том числе в угольном секторе. К ним относят проекты на Таймыре Красноярского края по разработке нефтяных и угольных месторождений (ожидаемый грузооборот до 20 млн тонн к 2024 г.), Пайяхская группа нефтяных месторождений в Красноярском крае (компания «Нефтегазхолдинг»), а также проект по добыче каменного угля на полуострове Таймыр (компания «ВостокУголь»).

Кроме того, согласно заявлениям вице-преьера Ю. Трутнева и министра природных ресурсов и экологии России Д. Кобылкина, уже в 2019 г. могут открыть доступ частным компаниям к арктическому шельфу, что также значительно повысит инвестиционную привлекательность региона для иностранного бизнеса.

Нефть, газ и уголь — не единственные направления сотрудничества в регионе. В Арктике имеются стратегические месторождения твёрдых полезных ископаемых. Помимо ресурсов, перечисленных в табл. 1, недооценёнными остаются месторождения марганца и полиметаллической руды на архипелаге Новая Земля, необработанные алмазы в Лаптевом и Белом морях и олово на Новосибирских островах. Томское месторождение — одно из наиболее привлекательных месторождений редких металлов, в том числе ниобия. Мировой ежегодный спрос на него превышает 3 млрд каратов, а основными потребителями ниобия и других редких металлов являются высокотехнологичные отрасли промышленности Китая, Республики Корея и Японии.

Подводя итог вышеизложенному, разумно рассматривать развитие минеральных ресурсов как одно из основных перспективных направлений сотрудничества России и стран Северо-Восточной Азии в Арктике. Несмотря на скептические заявления некоторых участников энергетического рынка о нецелесообразности добычи природных ресурсов Крайнего Севера в нынешней экономической ситуации, Арктика остаётся основным резервуаром минеральных ресурсов для будущих поколений, а также ключевым элементом обеспечения энергетической и ресурсной безопасности для целого ряда мировых государств.

Совместное использование Северного морского пути

Развитие коммерческой навигации по СМП является ещё одной сферой сотрудничества в Арктике. Несмотря на все преимущества маршрута над традиционными южными транзитными путями, главным образом он используется в интересах проектов освоения минеральных ресурсов. При этом Севморпуть — единственный способ доставить ресурсы из арктической зоны России в страны Северо-Восточной Азии. Чтобы сделать маршрут более безопасным и эффективным, необходимо создать соответствующую инфраструктуру, включая портовые сооружения, навигационные службы и спасательные центры. Всё это открывает широкое поле для сотрудничества между Россией, Китаем, Японией и Республикой Корея.

Россия проводит эту работу в рамках Федеральной программы «Развитие транспортной системы России до 2020 года», «Стратегии развития морской транспортной системы

России до 2030 года» и других нормативных документов. Согласно этим директивам, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) планирует установить десять спасательных центров (центры помощи и спасения) в Арктической зоне России.

Активно ведутся строительство и модернизация российских портов (рис. 1).

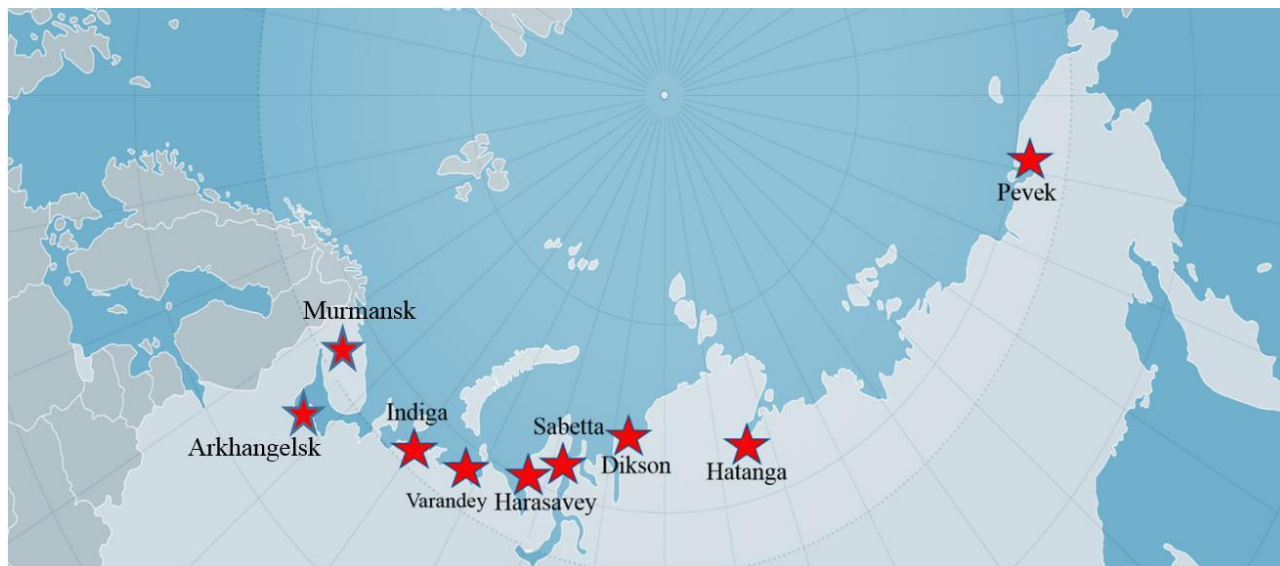

Рисунок 1. Строительство и модернизация морских портов в Арктической зоне России³.

Несколько компаний из Северо-Восточной Азии уже приняли участие в строительстве морских объектов в российской Арктике. Например, японская компания Mitsui O.S.K. Lines и китайская компания China COSCO Shipping участвуют в разработке и эксплуатации морского порта Сабетта, в то время как корейская компания Hyundai Merchant Marine Co. совместно с китайской Poly Group рассматривают возможность участия в проекте по реконструкции Архангельского глубоководного морского порта и разработке Мурманской транспортной системы. Помимо прибыли от конкретных совместных инвестиционных проектов, эти страны могут рассчитывать получить некоторые привилегии от судоходства по СМП.

С улучшением инфраструктуры СМП ожидается увеличение пропускной способности маршрута. Из-за его преимуществ по сравнению с традиционными транспортными коридорами через Суэцкий и Панамский каналы, его можно использовать в качестве альтернативного способа осуществления трансъевразийских перевозок. При этом интерес азиатских стран к транзитному потенциалу СМП проявляется уже сегодня.

По данным Администрации Северного морского пути, в 2018 г. 12 китайских судов подали заявку на проход по акватории СМП (восемь из них принадлежали COSCO Shipping), в 2017 году — 9 (5 — COSCO), в 2016 году — 5 (3 — COSCO), в 2015 г. — 3. Япония подала 2 заявки в 2018 г. и только по одной в 2016 и 2017 г. Корейская судоходная компания Hyundai Merchant планирует протестировать транзитные перевозки контейнерных судов мощностью 2500-3500 TEU (единица, эквивалентная двадцати футам) вдоль СМП в 2020 г.

³ Источник: разработка авторов.

Чтобы снизить транспортные расходы на судоходство вдоль СМП, Китай, Япония и Республика Корея в сотрудничестве с Россией могут начать поставки с помощью караванов грузовых судов. Идея состоит в том, чтобы объединить несколько судов из разных стран в один караван вместо одиночного судоходства. Это уменьшит затраты на обеспечение и страхование ледоколов и сделает навигацию более безопасной. Россия, в свою очередь, может снизить налоги на проход по СМП для международных караванов. Караваны грузовых судов могут формироваться один или несколько раз в год в зависимости от спроса в одном из морских портов Северо-Восточной Азии. В 2015 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил о создании узлового порта (Томакомай (остров Хоккайдо) считается японскими учёными наиболее подходящим), чтобы продвигать коммерческую перевозку по СМП⁴.

СМП также можно рассматривать как один из транзитных маршрутов в рамках Китайской инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), в частности, в форме «Ледяного шёлкового пути», который предусматривает соединение арктических транспортных маршрутов с районом BRI и Центральной Азией. Такое соединение может быть обеспечено по внутренним российским водным путям, например, по системе Обь-Иртыш. Проходя по этим рекам, специальные суда смешанного плавания (речные и морские) могут совершать маршруты из портов СМП в страны Центральной Азии. Альтернативным решением является перегрузка груза с морских судов на речные. В 2016 г. такой маршрут уже протестировали корейская логистическая компания SLK Kukbo и судоходная компания Pan Ocean, которые организовали доставку крупнотоннажных объектов из Ульсана (Республика Корея) и Шанхая (Китай) в Павлодар (Казахстан). После завершения этой операции представители компаний-участников оценили маршрут как очень перспективный.

Определённо, маршруты с использованием российских рек являются экономически эффективными только для негабаритных грузов, которые не могут быть доставлены другими транспортными средствами. Однако с развитием инфраструктуры, включая гидротехнические сооружения и терминалы для перегрузки морских и речных грузов, они могут использоваться как связующее звено между китайской инициативой «Экономический пояс Шёлкового Пути» (ЭПШП) и СМП (рис. 2). В долгосрочной перспективе российские реки также позволят поставлять углеводороды из арктических месторождений в энергодефицитный регион Центральной Азии.

⁴ Kitagawa H., Otsuka N. A New Hub-Port Concept for Tomakomai in Anticipation of the Era of Arctic Shipping // Conference paper: 24th International Ocean and Polar Engineering Conference, June 15-20, 2014, Busan, Korea. Retrieved July 05, 2018. URL: <https://www.onepetro.org/conference-paper/ISOPE-I-14-079/> (дата обращения: 20.03.2016).

Рисунок 2. Водные маршруты, соединяющие ЭПШП и СМП⁵.

Другой проблемой, которая должна быть решена для обеспечения устойчивого судоходства по СМП, является строительство и обслуживание достаточного количества ледоколов и судов ледового класса. Будучи странами с большим опытом судостроения, Китай и Республика Корея могут внести большой вклад в этот процесс. Более того, корейская корпорация Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering строит десять российских СПГ-судов ледового класса для «Совкомфлота». Hyundai Heavy Industries и Samsung Heavy Industries также намерены получать заказы из России. Суда будут использоваться в проекте «Ямал-СПГ».

Принимая это во внимание, совместное развитие СМП даёт хорошее поле для сотрудничества. Для его структурирования страны Северо-Восточной Азии и Россия должны подписать соглашение, обеспечивающее участие Китая, Японии и Республики Корея в развитии СМП в обмен на использование преференций. По идеальному сценарию, страны должны создать два больших контейнерных терминала (в Мурманске и Чукотском автономном округе) и обеспечить постоянное техническое обслуживание ледоколов транспортного коридора между ними наряду с квалифицированным безопасным обслуживанием и оказанием метеорологических, навигационных и спасательных услуг (обеспечение поисково-спасательных операций).

В этой ситуации российская юрисдикция в отношении СМП соответствует интересам азиатских стран. Во-первых, такой статус предполагает, что маршрут фактически принадлежит одной стороне, которая отвечает за его обслуживание и эксплуатацию. Во-вторых, интернационализация СМП приведёт к попыткам США установить контроль над маршрутом, в том числе военный. Даже сегодня США пытаются ввести НАТО в регион, хотя там нет реальных военных угроз. При этом существующий статус маршрута обеспечивает бесплатную навигацию в полярных водах, требующую уведомления российской стороны, и независимость СМП как транзитного маршрута.

⁵ Источник: разработка авторов.

Развитие российской арктической зоны

На первый взгляд, страны Северо-Восточной Азии не должны быть заинтересованы в социально-экономическом развитии арктической зоны России напрямую. Однако эффективное использование экономического потенциала Арктики, включая разведку полезных ископаемых и судоходство по СМП, невозможно без обеспечения устойчивого социально-экономического развития арктической зоны и создания пространственного каркаса, транспортной и инженерной инфраструктуры и линий связи. Устойчивая экономическая система Арктики — одна из основных предпосылок для успешного освоения арктических ресурсов.

Кроме того, сотрудничество в сфере устойчивого развития Арктики, включая реализацию социальных и экологических проектов, поможет странам укрепить свой позитивный общественный имидж и подтвердить обоснованность своей деятельности в регионе, а не просто получить экономическую прибыль в долгосрочной перспективе. Это продемонстрирует серьёзные долгосрочные намерения России и стран Северо-Восточной Азии как ответственных игроков в Арктике перед международным сообществом.

Россия уже предпринимает определённые действия в этом направлении. В апреле 2014 г. была утверждена «Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 г.» (в 2017 г. продлена до 2025 г.), направленная на ускорение социально-экономического развития страны путём освоения арктических ресурсов, основанная на принципах эффективности использования ресурсов и охраны природы. Среди основных целей Программы — реализация ключевых инвестиционных проектов в российской Арктике; развитие транспортной, энергетической и IT-инфраструктуры, а также систем безопасности и контроля окружающей среды в регионе; создание нормативно-правовой, организационной, технологической и научной базы для развития приполярных территорий России и совершенствования управления.

В соответствии с новой редакцией Госпрограммы вводится понятие «опорных зон» развития Арктики: Кольская опорная зона; Архангельская опорная зона; Ненецкая опорная зона; Воркутинская опорная зона; Ямало-Ненецкая опорная зона; Таймыро-Туруханская опорная зона; Северо-Якутская опорная зона; Чукотская опорная зона. Резюмируя перечень основных целей и задач формирования и функционирования опорных зон развития АЗРФ, можно сделать вывод, что указанные опорные зоны должны стать катализаторами как всестороннего развития экономики региона, так и обеспечить его социальную составляющую, ориентированную на повышение качества жизни населения страны, проживающего в северных широтах.

При этом Россия рассчитывает привлечь часть средств на всестороннее развитие российской арктической зоны из зарубежных источников, в том числе стран Северо-Восточной Азии. В свою очередь, российское правительство и региональные власти предлагают административные и налоговые преференции для инвесторов. Об этом, в частности, шла речь на

международном форуме «Арктика — территория диалога» в Санкт-Петербурге в апреле 2019 г.

Среди межрегиональных крупномасштабных проектов в области железнодорожного транспорта, которые, как ожидается, принесут пользу социально-экономическому развитию Севера России и улучшат условия освоения месторождений полезных ископаемых СМП для инвесторов из Северо-Восточной Азии, выделяются: Северная широтная железная дорога (NLR) (первая очередь: Салехард — Надым — Уренгой; вторая: Игарка — Дудинка — Норильск; третья: железная дорога до Якутии); БелКомУр (Белое море — Республика Коми — Урал; Архангельск — Сыктывкар — Гайни — Соликамск); БаренцКомУр (Баренцево море — Республика Коми — Урал) (рис. 3).

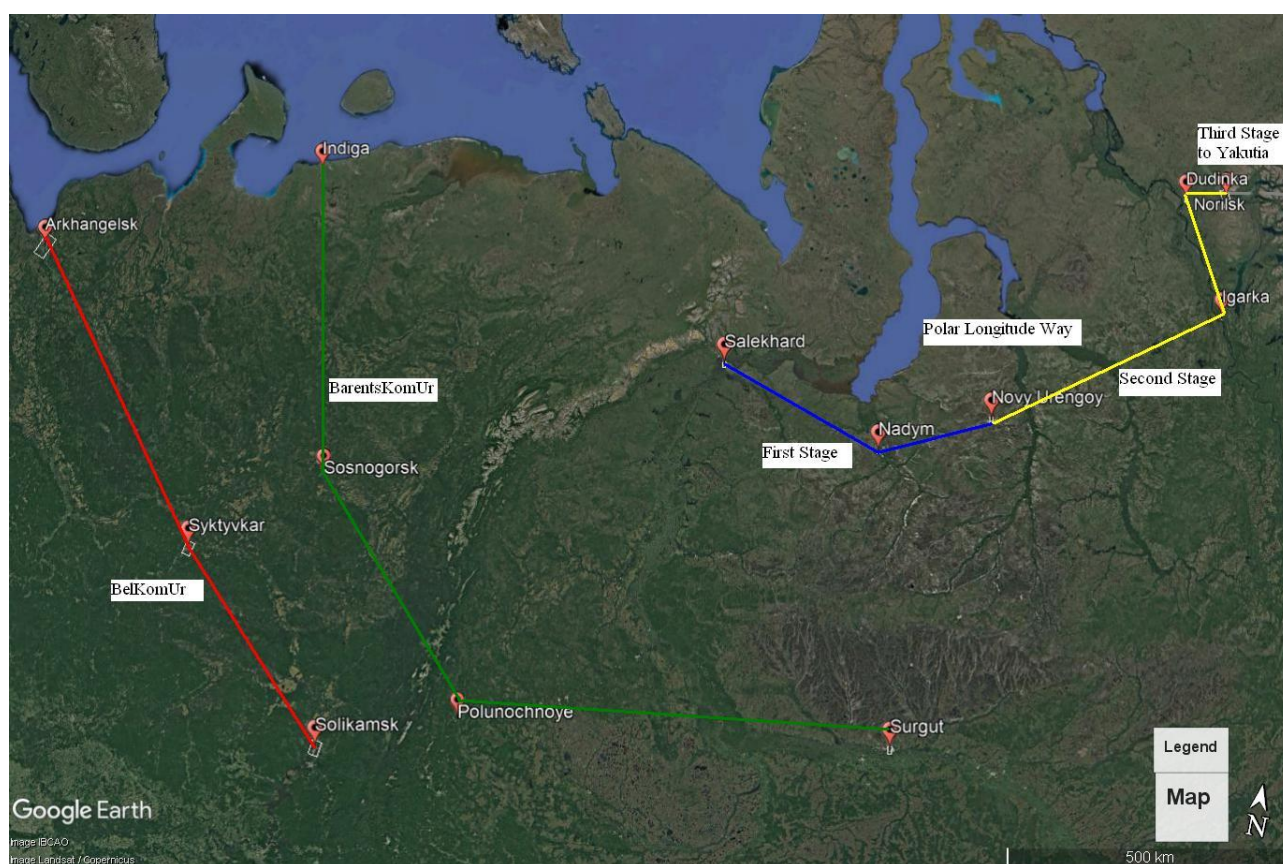

Рисунок 3. Перспективы строительства железной дороги в российской Арктике⁶.

Все ключевые масштабные инфраструктурные проекты включены в Государственную программу социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Государственно-частное партнёрство рассматривается как один из оптимальных способов реализации таких масштабных инфраструктурных инициатив. Для организации такого партнёрства в Арктике может быть использован механизм технологических платформ.

Технологическая платформа — это форум с большим количеством участников из разных сфер (государство, наука, бизнес), целью которого является определение приоритетов развития, разработка исследовательской программы, а также установление и координация

⁶ Источник: авторская разработка.

горизонтальных связей между участниками проекта. Использование технологических платформ предусмотрено Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. Технологическая платформа для разведки минеральных ресурсов Арктики (14 университетов, 27 исследовательских центров, 18 проектных организаций, 17 горнодобывающих предприятий, 5 иностранных компаний) действует с 2011 г. Механизм помогает обеспечить представление интересов бизнеса при разработке проекта, режимы администрирования инвестиционных проектов, внедрение новых технологий в процессы разведки, повышение социальной ответственности инвесторов, расширение сотрудничества между различными заинтересованными сторонами, а также публичность и прозрачность финансовых потоков и результатов проектов.

Также существуют региональные инвестиционные проекты. Так, администрации приполярных регионов России уже предложили партнёрам из Северо-Восточной Азии несколько инвестиционных инициатив, а также разработанные бизнес-планы. В частности, Чукотский автономный округ предложил создать оленеводческие хозяйства и перерабатывающие предприятия, а также проекты по традиционной охоте коренных народов; Республика Саха (Якутия) — разведение полярных животных и производство изделий из кожи и меха на основе традиционных ремёсел; Красноярский край и Архангельская область — туристско-рекреационные центры и горнолыжные курорты. В общей сложности административные районы Крайнего Севера России предлагают более 40 социально-ориентированных инвестиционных проектов.

Сотрудничество в сфере науки, исследований и технологий

Рост экономической активности в Арктике требует новых экологически чистых технологий, адаптированных к суровым климатическим условиям. До недавнего времени не было значительного спроса на «арктические инновации» со стороны бизнес-среды, правительства и других заинтересованных сторон. Однако сегодня ситуация значительно изменилась в связи с реализацией масштабных проектов по разведке и разработке углеводородов на шельфовых территориях, ростом грузопотока по арктическим морским маршрутам, а также необходимостью развития инфраструктуры для поддержки всех этих новых видов деятельности. В то же время международное сообщество осознало необходимость защиты окружающей среды и обеспечения комфортного проживания людей в Арктике.

В регионе возникло множество элементов производственных, энергетических, транспортных, коммунальных и других технических систем. Такие системы были разработаны и освоены в климатических условиях, отличных от северных, а затем частично приспособлены к работе в Арктике. В связи с этим их эффективность в арктических условиях относительно низкая.

Далее в развитии арктических регионов возникнет потребность в следующих перспективных направлениях инноваций: новые строительные технологии, технологии производства

продуктов питания, здравоохранение в Арктике, транспортные технологии, энергетические технологии, инновации в робототехнике и новые технологии разведки нефти и газа (подледниковые, шельфовые технологии, горизонтальное бурение от берега до моря и т.д.). Кроме того, в большинстве стран отсутствуют эффективные технологии освоения шельфовых зон. Именно поэтому экономическая конкуренция в регионе будет по факту являться технологической конкуренцией.

У России давние традиции и большой потенциал в арктических исследованиях. Основными институтами, занимающимися изучением Арктики, являются Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск) и Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург). В российских университетах появляются новые перспективные научные организации в области арктических исследований: Арктическое научное сообщество в Тюменском государственном университете нефти и газа, Научно-исследовательский центр Шанхайской организации сотрудничества и Азиатско-Тихоокеанского региона в Хабаровском государственном университете экономики и права, Дальневосточный арктический инженерный центр в Дальневосточном федеральном университете, кафедра Университета Арктики в Дальневосточном государственном университете путей сообщения и другие.

Россия добилась хороших результатов в геофизических исследованиях на Крайнем Севере. На континентальном шельфе Северного Ледовитого океана российские учёные изучают природные геологические опасности, которые могут привести к катастрофическим последствиям при проведении работ по разведке нефти и газа. Разрабатывается новый комплекс геофизической информационной системы по чрезвычайным ситуациям.

В 2013 г. была разработана база для мониторинга температуры морского дна в Северном Ледовитом океане. Система онлайн-мониторинга подводных трубопроводов находится в стадии разработки. Разработана технология оценки воздействия изменения климата на природу и население Арктики. Также проводятся исследования в сфере предотвращения разливов нефти, изменения климата, сохранения окружающей среды и сокращения выбросов углерода и метана.

В научных целях в России эксплуатируются несколько современных полярных станций и более 30 исследовательских судов, в том числе новейшее научно-экспедиционное судно «Академик Трёшников». Строятся четыре современных исследовательских судна ледового класса категории «Арк-7».

Тем не менее, остаются проблемы с технологиями морского, подледникового и горизонтального бурения. В России отсутствуют буровые комплексы для добычи углеводородов (буровые суда, буровые платформы и т.д.).

Ввиду вышесказанного, Россия и страны Северо-Восточной Азии могут дополнять друг друга в плане научного сотрудничества в Арктике. Россия способна внести свой опыт, фундаментальные знания и значительную научную базу в совместные исследовательские рабо-

ты. Китай, Япония и Республика Корея могут предоставить свой огромный технический и промышленный потенциал для реализации исследовательских проектов в сферах энергетики, робототехники, разведки нефти и газа, транспорта и других.

К настоящему времени в России и странах Северо-Восточной Азии уже создано несколько совместных исследовательских институтов и проектов:

- Институт периферийных морей и арктических исследований (Дальневосточный федеральный университет и Шанхайский университет транспорта) (2014 г.);
- Научно-образовательный проект «Ледовой школы» (Дальневосточный федеральный университет в сотрудничестве с китайскими учёными) (2015 г.);
- Совместные китайско-российские арктические исследовательские экспедиции (2016, 2017);
- Совместный журнал по вопросам Арктики (Дальневосточный федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Шанхайский университет океана и Шанхайский университет транспорта) (2015);
- Российско-Корейский центр морского транспорта и Арктики (Морской государственный университет, Владивосток и Морской университет Республики Корея) (2015);
- Проект по исследованию климата «GAME-Siberia» (Северо-Восточный федеральный университет в сотрудничестве с Университетом Хоккайдо, Япония) (2016).

Отдельные проекты должны быть систематизированы в единый общий план для установления всестороннего научного сотрудничества. Это даст значительный импульс исследовательской деятельности в Арктике. Бизнес-среда, правительство и общество должны принять участие в процессе разработки такого плана, чтобы повысить практическую значимость исследований в Арктике.

Дальний Восток России как арктическое звено для стран Северо-Восточной Азии

Межрегиональные взаимодействия очень важны для развития всестороннего сотрудничества в Арктике. Любое соглашение, заключённое на самом высоком уровне, не будет работать без экономического, инвестиционного, исследовательского и гуманитарного обмена между регионами, участвующими в его реализации. Межрегиональное сотрудничество между Россией и странами Северо-Восточной Азии в Арктике, безусловно, включает в себя сотрудничество с регионами Дальнего Востока России.

Российское руководство ведёт активную работу по формированию максимально комфортных условий для ведения бизнеса на территории ДФО. Так, в 2013 году в России было создано новое Министерство по развитию Дальнего Востока (с января 2019 — Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики), принят ряд законов в сфере благоприятствования ведению бизнеса, а именно «Закон о территориях опережающего социально-экономического развития» и «Закон о свободном порте Владивосток», действие которого распространяется на большинство дальневосточных портов.

Новое законодательство предусматривает ряд преференций для предпринимательской и инвестиционной деятельности, включая, среди прочего, налоговые льготы (освобожд-

дение или снижение налогов на прибыль, имущество и землю), упрощение таможенных и визовых процедур, снижение административных барьеров. Примерами проектов сотрудничества являются Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия) (Кангаласский индустриальный парк (ТОР «Индустриальный парк “Кангалассы”») и Беринговская зона продвинутого социально-экономического развития (ТОР «Беринговский»)). Администрации двух территорий уже предложили перечень инвестиционных проектов для реализации, в том числе в сферах освоения полезных ископаемых (редкоземельные металлы в Якутии), переработки продукции оленеводства, традиционной охоты, туризма и отдыха, разведения полярных животных и другие.

Дальний Восток России может стать своего рода плацдармом для развития и освоения Арктики. Учитывая то, что азиатские страны являются наиболее перспективным потребителем нефтегазовых ресурсов Арктики, в случае существенного расширения экспортного потока с большой долей вероятности создание портов-хабов будет вестись именно на Дальнем Востоке. Кроме того, регион может быть использован в качестве перевалочной базы для доставки по СМП продукции из Северо-Восточной Азии в Европу (рассматриваются как Арктические морские порты, так и порты Камчатского, Приморского и Хабаровского краёв). Также Дальний Восток является перспективным регионом для размещения вспомогательного производства для совместной деятельности в Арктике, в частности, на базе существующих предприятий Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Заключение

В современных условиях ни одна страна не может самостоятельно достичь грандиозной цели устойчивого развития Арктики, только многостороннее сотрудничество могло бы стать эффективным механизмом создания арктической экономической системы. Страны Северо-Восточной Азии и Россия имеют одну из лучших стартовых позиций для установления такого сотрудничества. У стран нет серьёзных геополитических разногласий, они являются соседями и имеют общие интересы в регионе. Кроме того, существуют экономические («Поворот России на Восток», устойчивые торговые отношения между Россией и странами Северо-Восточной Азии) и политические (нестабильность в регионе Суэцкого канала и на Ближнем Востоке, «торговая война» между КНР и США) предпосылки для новой модели устойчивого развития Арктики в формате сотрудничества России, Китая, Японии и Республики Корея.

Страны Северо-Восточной Азии и Россия имеют разные преимущества в плане освоения и развития Арктики, которые могут фактически дополнять друг друга. Россия обладает огромным опытом ведения экономической деятельности в Арктике, традициями научных исследований и значимостью в регионе. Российская Арктика стала ключевой углеводородной провинцией и транспортным маршрутом в приполярной области. В отличие от России, Китай, Япония и Республика Корея обладают значительным технологическим, промышленным и финансовым потенциалом для реализации крупномасштабных проектов, ускорения

освоения Арктики и содействия созданию экономической системы на Крайнем Севере. Поэтому, достигая своих экономических выгод, страны Северо-Восточной Азии могут помочь России в достижении целей, провозглашённых «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» и «Государственной программой социально-экономического развития Арктической зоны РФ».

Литература

1. Троякова Т. Сотрудничество России и стран Северо-Восточной Азии в Арктике: текущая ситуация и перспективы развития // Ойкумена. Региональные исследования. 2013. № 25 (2). С. 7–15.
2. Гудев П. Арктика как поле согласования интересов // Пути к миру и безопасности. 2015. № 2 (49). С. 71–78.
3. Подоплекин А. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 40–45.
4. Тулупов Д. В Арктику через Курильские острова // Под ред. В.И. Иванова. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. М.: Российский совет по международным делам, 2013. С. 250–255.
5. Tonami A. Asian Foreign Policy in a Changing Arctic. London: Palgrave Macmillan, 2016. 140 p.
6. Ohnishi F. Japan's Arctic Policy Development: From Engagement to a Strategy // Asian Countries and the Arctic Future. 2015. Pp. 171–182.
7. Jin D., Seo W., Lee S. Arctic Policy of the Republic of Korea // Ocean and Coastal Law Journal. 2017. No. 22 (1). Pp. 84–96.
8. Benett M. The Maritime Tiger: Exploring South Korea's Interests and Role in the Arctic // Strategic Analysis. 2014. Vol 38. Pp. 886–903.
9. Xu G. China's Arctic Interests and Policy: History, Legal Ground and Implementation // World Economy and International Relations. 2016. No. 60 (2). Pp. 52–62.
10. Nong H. China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges // Examining the implications of China's Arctic. Policy white paper. 26 p.
11. Журавлев П. Арктическая стратегия: оценки, вопросы и проблемы реализации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 154–156.
12. Подоплекин А., Бестужева К. Арктическая стратегия России как новый тип политики: региональный потенциал, проблемы и поддержка исследований // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 35–46.
13. Лабецкая Е. Евразийско-Арктический шанс для России // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 27 (2). С. 59–71.
14. Лабецкая Е. Трансарктика в контексте российских приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 106–114.
15. Kurokawa Y. The Antagonism between the EU and Russia and Its Political and Economic Impact on Northeast Asia // Niigata: The Economic Research Institute for Northeast Asia. 2015. No. 127. Pp. 46–48.
16. Минакир П., Прокапало О. Дальний Восток России: программа ожиданий // Краеведение. 2014. № 2 (1). С. 6–16.
17. Минакир П., Горюнов А. Пространственно-экономические аспекты освоения Арктики // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. № 18 (3). С. 486–492.
18. Истомин А., Павлов К., Селин В. Экономика российской арктической зоны // Общество и экономика. 2008. № 7. С. 158–172.

References

1. Troyakova T. Sotrudnichestvo Rossii i stran Severo-Vostochnoy Azii v Arktike: tekushchaya situatsiya i perspektivy razvitiya [Russia and Northeast Asian countries cooperation in Arctic: current situation and future development]. *Oykumena. Regional'nye issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches], 2013, no. 25 (2), pp. 7–15.
2. Gudev P. Arktika kak pole soglasovaniya interesov [The Arctic as a field for accommodation of interests]. *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security], 2015, no. 2 (49), pp. 71–78.
3. Podoplekin A. Arktika kak ob"ekt geopoliticheskikh interesov nearkticheskikh gosudarstv [The Arctic as an object of geopolitical interests of non-Arctic states]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2011, no. 2, pp. 40–45.
4. Tulupov D. V Arktiku cherez Kuril'skie ostrova [In the Arctic through the Kuril Islands]. Ed. by. V.I. Ivanov. *Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Arctic Region: Problems of International Cooperation]. Moscow, Russian International Affairs Council Publ., 2013, pp. 250–255. (In Russ.)
5. Tonami A. *Asian Foreign Policy in a Changing Arctic*. London: Palgrave Macmillan, 2016, 140 p.
6. Jin D., Seo W., Lee S. Arctic Policy of the Republic of Korea. *Ocean and Coastal Law Journal*, 2017, no. 22 (1), pp. 84–96.
7. Xu G. China's Arctic Interests and Policy: History, Legal Ground and Implementation. *World Economy and International Relations*, 2016, no. 60 (2), pp. 52–62.
8. Benett M. The Maritime Tiger: Exploring South Korea's Interests and Role in the Arctic. *Strategic Analysis*, 2014, vol 38, pp. 886–903.
9. Ohnishi F. Japan's Arctic Policy Development: From Engagement to a Strategy. *Asian Countries and the Arctic Future*, 2015, pp. 171–182.
10. Nong H. China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges. *Examining the implications of China's Arctic. Policy white paper*. 26 p.
11. Zhuravlev P. Arkticheskaya strategiya: otsenki, voprosy i problemy realizatsii [Russia's Arctic Strategy: Estimates, Issues and Problems of Implementation]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2013, no. 3, pp. 154–156.
12. Podoplekin A., Bestuzheva K. Arkticheskaya strategiya Rossii kak novyy tip politiki: regional'nyy potentsial, problemy i podderzhka issledovaniy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2014, no. 6, pp. 35–46.
13. Labetskaya E. Evraziysko-Arkticheskij shans dlya Rossii [Eurasian-Arctic Chance for Russia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia], 2015, no. 27 (2), pp. 59–71.
14. Labetskaya E. Transarktika v kontekste rossiyskikh prioritetov [The Trans-Arctic in the Context of Russian Priorities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 2, pp. 106–114.
15. Kurokawa Y. The Antagonism between the EU and Russia and Its Political and Economic Impact on Northeast Asia. *Niigata: The Economic Research Institute for Northeast Asia*, 2015, no. 127, pp. 46–48.
16. Minakir P., Prokapalo O. Dal'niy Vostok Rossii: programma ozhidaniy [The Far East of Russia: A Waiting Program]. *Kraevedenie*, 2014, no. 2 (1), pp. 6–16.
17. Minakir P., Goryunov A. Prostranstvenno-ekonomicheskie aspekty osvoeniya Arktiki [Spatial and economic aspects of development of the Arctic]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of MSTU], 2015, no. 18 (3), pp. 486–492.
18. Istomin A., Pavlov K., Selin V. Ekonomika rossiyskoy arkticheskoy zony [Russia's Arctic Zone Economics]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2008, no. 7, pp. 158–172.

УДК 332.143:338.27:330.322.16(045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.79

Системные проблемы и направления развития муниципалитетов российской Арктики *

© **ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Евгеньевна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
E-mail: emelya@iep.kolasc.net.ru
Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия

Аннотация. Предметом исследования являются муниципальные образования Арктики, имеющие свою специфику функционирования и развития в сравнении с южными районами арктических государств. Цель работы заключалась в выявлении проблемных точек развития арктических регионов, оказывающих воздействие на социально-экономическое положение муниципалитетов Арктики, перспектив и направлений их развития. Теоретико-методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам регулирования и стимулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов Арктики. Исследование основано на комплексном подходе к изучению вопросов функционирования и развития муниципальных образований в специфических условиях Арктики, а также общих и особенных факторов развития данных процессов в АЗРФ с учётом зарубежных исследований по проблематике. Анализ основных показателей, характеризующих социально-экономическое положение арктических территорий, показал, что для всех арктических территорий характерен ряд общих проблем развития муниципалитетов, а основные силы государственного регулирования должны быть направлены на решение вопросов развития человеческого потенциала, социальной и транспортной инфраструктуры, малого предпринимательства и особой государственной поддержки арктических территорий. Государственная политика по минимизации негативных процессов и факторов функционирования муниципалитетов АЗРФ должна строиться с учётом зарубежного опыта решения подобных вопросов. Результаты исследования могут быть использованы органами власти и управления при разработке бюджетной, налоговой, инвестиционной политики, при формировании программ и планов, направленных на социально-экономическое развитие арктических территорий.

Ключевые слова: Арктическая зона, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, инвестиционная деятельность.

System problems and directions of municipal development of the Russian Arctic

© **Elena E. EMEL'YANOVA**, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
E-mail: emelya@iep.kolasc.net.ru
Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia

Abstract. The subject of the study is the municipalities of the Arctic, their specifics of functioning and development in comparison with the southern regions of the Arctic states. The purpose of the work was to identify problem areas of regional development that affects the socio-economic situation of the Arctic municipalities, prospects, and directions of their development. The theoretical and methodological basis consisted of the works of Russian and foreign scientists on regulating and stimulating the socio-economic development of the territories and municipalities of the Arctic. The study grounds on an integrated approach to the functioning and development of municipalities in the specific conditions of the Arctic, as well as general and specific fac-

* Для цитирования:

Емельянова Е.Е. Системные проблемы и направления развития муниципалитетов российской Арктики // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 79–93. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.79

For citation:

Emelyanova E.E. System problems and directions of municipal development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 79–93. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.79

tors for the growth in the Russian Arctic, considering international research. An analysis of the leading indicators of the socio-economic situation of the Arctic territories showed several common problems for the development of municipalities. The main forces of state regulation should be aimed at solving the issues of human development, social and transport infrastructure and require the approval and state support of the Arctic territories. Government policies to minimize negative processes and factors for the municipalities of the Russian Arctic should base on international experience. Authorities and management can use the results of the study for the development of fiscal, tax, investment policy, programs, and plans for the socio-economic development of the Arctic territories.

Keywords: *the Arctic zone, municipalities, socio-economic development, investment activity.*

Введение

К социально-экономическому развитию муниципальных образований в качестве первичного управленческого звена приковано повышенное внимание со стороны всех арктических государств и во всех сферах деятельности — политической, экономической, социальной, экологической. В исследованиях различных учёных разработана значительная методологическая база, обеспечивающая возможности оценки социально-экономического развития отдельных территорий [1, Skufina T., Varanov S., Samarina V.; 2, Воронина Е.П., с. 60–69], инвестиционного климата, привлекательности для населения и бизнеса [3, Саак А., Колчина О., с. 53–54], уровня и качества жизни населения [4, Вылегжанина А.О., с. 78–88; 5, Корчак Е.А.], развития инфраструктуры как на уровне муниципальных образований [6, Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V., с. 54–69], так и на уровне регионов в целом.

Изучение Арктики в качестве особого объекта законодательного регулирования и управления, а также специфические условия функционирования данного макрорегиона подробно отражены в научных работах А. Пилясова [7, Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E., с. 10–22], А. Чистобаева [8, Чистобаев А.И., Малинин П.Ю., с. 122–128]; М. Блундена [9, Blunden M., с. 127] и др.

Однако вопросы социально-экономического развития муниципальных образований рассматриваются в большинстве случаев в отрыве от территориальной принадлежности, поэтому в данном исследовании проведён анализ факторов и проблем функционирования муниципалитетов в специфических условиях арктических регионов с определением необходимых направлений дальнейшего развития городов российской Арктики.

Для всех стран, часть территорий которых расположена в зоне Арктики — Россия, Канада, Дания (Гренландия), Норвегия, США (Аляска), Швеция, Финляндия и Исландия — характерен ряд общих проблем функционирования муниципалитетов. Это сложные климатические условия и удорожающие факторы; труднодоступность и удалённость городов от экономических центров; монопрофильный характер экономики; повышенный уровень миграции населения; высокая энергоёмкость и стоимость электроэнергии; более низкий уровень обеспеченности населения социальными услугами и неблагоприятная экологическая ситуация [10, Mikhailov K.L., с. 442–446; 11, Greaves W., с. 660–671; 12, Litovskiy V.]. Эти факторы являются основными причинами к снижению привлекательности для инвесторов, трудовых ресурсов, хозяйственной деятельности и предпринимательства.

Факторы становления и развития муниципальных образований России [13, Емельянова Е.Е., с. 79–83; 14, Емельянова Е.Е, с. 103–117], а также общие тенденции международной политики арктических стран по нивелированию негативных процессов, характерных для регионов Арктики, позволяют установить общие и особенные предпосылки для социально-экономического развития муниципалитетов, которые оказывают прямое воздействие на социально-экономическую политику органов власти в регионе и на местах. Это развитие человеческого потенциала; диверсификация экономики и фискальная политика государства.

К Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) относятся все муниципалитеты Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов — субъекты РФ, полностью входящие в зону Арктики, а также некоторые муниципальные образования Архангельской области, Республики Коми, Карелии и Республики Саха (Якутия), Красноярский край — субъекты Российской Федерации, частично вошедшие в Арктическую зону РФ¹.

Практически для всех муниципалитетов АЗРФ, так же как и для зарубежных стран, остро стоит проблема человеческих ресурсов. Показателем заселённости территории, прямо характеризующим её развитость и перспективы развития, является плотность населения [4, Вылегжанина А.О., с. 78–88]. Плотность населения в регионах российской Арктики практически везде самая низкая по стране и колеблется от 0,1 чел./кв. км в Чукотском ОА до 5,2 в Мурманской области при среднем показателе по стране в 8,6. За 15 лет наибольшее «обезлюживание» произошло в Ненецком АО, где показатель плотности населения сократился на 33%, Республике Коми, Мурманской (-25%) и Архангельской области (-17%). При этом средняя плотность населения по стране увеличилась на 2,3%, что указывает на перераспределение численности населения внутри страны. Население арктических территорий России только за последние 15 лет (рис. 1) сократилось на 151 тыс. чел. или на 10,9%, а за последний год на 6,5 тыс. чел.²

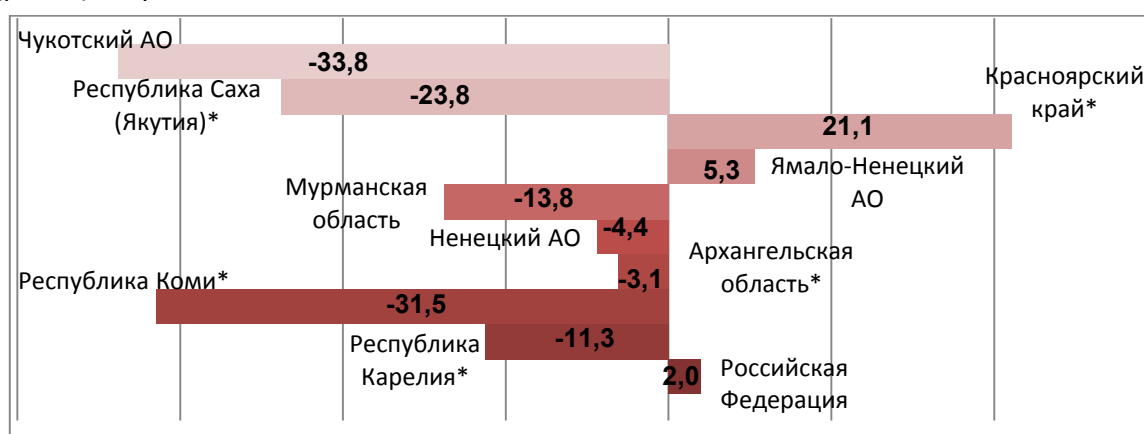

Рисунок 1. Изменение численности населения в муниципалитетах АЗРФ с 2002 по 2017 гг., %³.

¹ Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 18. ст. 2136; Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. №287 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

² Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации // Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. Росстат. М., 2017.

³ Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 397 с.; Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./Росстат. М., 2017; База данных показателей муниципальных образований //

Помимо сложной демографической обстановки в арктических регионах обозначилась проблема половозрастного состава населения. Если раньше наблюдались сниженные по сравнению со средними по стране показатели доли населения старшего трудоспособного возраста, особенно в регионах, полностью отнесенных к АЗРФ (9,9% против 20,5% в среднем по стране)⁴, в связи с действующими программами по переселению, и более высокой долей трудоспособного населения (когда люди ехали на Север за, так называемым, «длинным рублем»), то сейчас, наоборот, усилился отток людей в трудоспособном возрасте, и наблюдается более сглаженная картина в сравнении с общероссийскими показателями.

Это может указывать, с одной стороны, на то, что люди не стремятся переезжать в другие регионы страны после наступления определённого возраста, а с другой, — на отсутствие у старшего населения такой возможности. В любом случае, для данных категорий граждан необходимо создание отвечающей требованиям социальной инфраструктуры и поддержание на необходимом уровне для качественного обеспечения социальными услугами на душу населения (обеспеченность врачами, доступность оказания медицинской помощи и т.п.).

При этом за последние десятилетия в субъектах России, полностью или частично отнесённых к зоне Арктики, снижение доли трудоспособного населения в арктических городах составило в среднем 13%: с 67,2% в 2005 г. до 58,2% в 2017 г.⁵ и практически сравнялось с показателями по стране в целом. Ситуация усугубляется повышенными темпами миграционной убыли населения (табл. 1). Среди субъектов Российской Федерации большинство районов Арктики занимают первые места по уровню оттока населения. Из всех регионов, полностью или частично отнесенных к АЗРФ, только Красноярский край имеет минимальную положительную динамику.

Таблица 1

Коэффициент миграционного прироста населения регионов, полностью или частично отнесенных к АЗРФ (на 10 000 чел.)⁶

Регионы, входящие в АЗРФ	2002 г.	2012 г.	2017 г.
Российская Федерация	5	21	14
<i>Полностью отнесенные к АЗРФ</i>			
Мурманская область	-84	-101	-46
Ненецкий АО	111	12	-53
Ямало-Ненецкий АО	16	-21	-45
Чукотский АО	-205	-66	-132
<i>Частично отнесенные к АЗРФ</i>			
Республика Карелия	25	-15	-31
Республика Коми	-59	-122	-112
Архангельская область	-33	-88	-70
Красноярский край	-16	13	3
Республика Саха (Якутия)	-59	-87	-48

Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 23.07.2018).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Основные причины миграционной убыли населения из российских арктических муниципалитетов связаны с:

- несоответствием уровня комфортности проживания компенсационным затратам населению арктических городов. В настоящее время уровень доходов населения, проживающего в экстремальных климатических условиях, находится практически на тех же уровнях, что и в большинстве регионов центральной России, а затраты на жизнеобеспечение намного превышают общероссийские. Уменьшение разницы в доходах населения между арктическими и неарктическими регионами вызывает отток населения с территории. При этом наибольший отток происходит именно в тех субъектах, в которых разница с неарктическими субъектами Российской Федерации особенно неочевидна (например, Мурманская область) [15, Ларченко, с. 69–75];
- низким уровнем обеспеченности населения социально значимыми услугами здравоохранения и образования. В удалённых небольших арктических поселениях уровень и доступность получения социальных услуг гораздо ниже из-за обширных северных территорий и малочисленности большинства населённых пунктов. А ввиду проводимых государством реформ здравоохранения и образования (особенно высшего) произошло значительное сокращение и укрупнение объектов соцообеспечения, с концентрацией возможности его получения в административных центрах субъектов Российской Федерации;
- истощением природных ресурсов и изменением конъюнктуры рынка, что ведет к экономическому и социальному упадку городов, имеющих монопрофильный характер экономики и ориентированных на добычу полезных ископаемых.

Ещё больше в прогнозируемом периоде уровень оттока населения из районов с неблагоприятными условиями труда и проживания усилится в связи с внесением изменений в пенсионное законодательство и увеличением сроков выхода на пенсию. Имея уровень продолжительности жизни в регионах Севера и Арктики ниже средних показателей по стране, а в некоторых регионах и самый низкий (Чукотский АО — 66,1 лет)⁷ и в совокупности с вышеперечисленными факторами отток населения в более благоприятные для жизни районы страны может значительно усилиться. Несмотря на то что в арктических регионах уровень смертности в трудоспособном возрасте снижается аналогичными темпами, что и в целом по стране, данный показатель превышает общероссийский на 15–20%⁸.

Проблема человеческого капитала признаётся одной из самых важных в вопросах развития зоны Арктики во всех арктических государствах и напрямую влияет на экономическое, инвестиционное, инфраструктурное и социальное развитие городов [16, Petrov A.N., с. 203–220; 17, Markin V.V., с. 75–88]. Поэтому усилия государства должны быть в первую очередь направлены на её решение. Учитывая зарубежный опыт управления арктическими городами, в российской практике необходимо создание комфортной среды проживания на примере наиболее результативного опыта таких стран, как Норвегия и Канада, арктическая

⁷ Демографический прогноз до 2035 года. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.12.2018).

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

политика которых направлена на создание благоприятной среды обитания для местного населения, что позволило этим странам значительно повысить уровень жизни и не только снизить миграционный отток, но и успешно привлекать трудовые ресурсы из других регионов за счёт инвестиционных вливаний в социальную сферу со стороны государства^{9,10}.

В российской Арктике уровень инвестиционных расходов на душу населения в социальной сфере (образование, здравоохранение, культура и спорт) (табл. 2) в четырёх регионах Арктики — Мурманская и Архангельская области, Республики Коми и Карелия — является не то что не компенсированным ввиду удорожающих факторов, а даже ниже средних значений по стране в 1,5 и более раза.

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по ведущим отраслям экономики и в социальную сферу за 2017 год в регионах АЗРФ, тыс. руб./чел.¹¹

Регионы АЗРФ	Всего инвестиций	Добыча полезных ископаемых	Обработ. производство	Социальная сфера
Российская Федерация	108,7	19,9	13,7	4,2
<i>Полностью отнесённые к АЗРФ</i>				
Ненецкий АО	3232,6	2247,8	0,2	16,7
Мурманская область	146,5	30,2	15,1	3,0
Ямало-Ненецкий АО	2014,3	1554,3	100,4	8,8
Чукотский АО	237,3	121,7	0,2	9,8
<i>Частично отнесённые к АЗРФ</i>				
Республика Карелия	66,7	8,0	18,8	2,6
Республика Коми	152,9	83,9	7,9	2,5
Архангельская область	92,7	1,5	18,4	2,7
Красноярский край	147,6	44,6	28,1	7,8
Республика Саха (Якутия)	399,3	168,2	5,5	8,6

Повышенные затраты на социальную сферу в Ненецком, Чукотском и Ямало-Ненецком АО и Республике Саха (Якутия) связаны, во-первых, с наиболее суровыми условиями проживания и значительной протяжённостью территорий, что приводит к необходимости дополнительных расходов на поддержание основных фондов зданий и сооружений, а во-вторых, с действующими на данных территориях программами социальной ответственности крупных корпораций перед местным сообществом на условиях государственно-частного и муниципально-частного партнёрства по средствам инвестиционных вливаний в развитие социальной сферы по аналогии с зарубежными компаниями, действующими на территориях коренных народов [18, Tysiachniouk M.S., с. 29–34].

Стоит отметить, что если нефтедобывающие регионы способны самостоятельно вкладывать значительные инвестиции в развитие отдельных отраслей и городов, то, например, в

⁹ Fedoseev L. Comfortable urban environment in the Arctic opens doors for innovations — experts. URL: <http://tass.com/economy/983475> (дата обращения: 03.05.2019).

¹⁰ Simmins G. Urban and Regional Planning. 2015. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/urban-and-regional-planning> (дата обращения: 03.05.2019).

¹¹ Рассчитано автором. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Мурманской и Архангельской областях, Республике Карелия практически всегда необходимо участие государства в дорогостоящих крупномасштабных инвестиционных проектах, так как уровень инвестиционных потоков в этих субъектах значительно отличается от уровня других арктических регионов (табл. 3). Объём инвестиций здесь сопоставим с общероссийским уровнем (а в части регионов и ниже), что ввиду наличия удорожающих факторов по возведению и эксплуатации инфраструктурных проектов, а также повышенного износа основных фондов в экстремальных условиях Крайнего Севера является явно недостаточным.

Таблица 3

Распределение инвестиций в основной капитал в регионах АЗРФ по формам собственности в 2017 г., тыс. руб./чел.¹²

Регионы АЗРФ	Всего	Российские			Иностран- ные	Совмест- ные
		Государ- ственные	Муници- пальные	Частные		
Российская Федерация	108,7	12,8	2,1	54,9	7,0	9,4
<i>Полностью отнесённые к АЗРФ</i>						
Ненецкий АО	3232,6	68,8	5,9	2116,2	25,8	216,5
Мурманская область	146,5	64,2	2,2	62,8	1,1	3,9
Ямало-Ненецкий АО	2014,3	22,4	5,3	510,2	14,1	932,6
Чукотский АО	237,3	46,3	4,6	46,6	28,0	47,2
<i>Частично отнесённые к АЗРФ</i>						
Республика Карелия	66,7	9,1	1,3	42,0	2,9	3,3
Республика Коми	152,9	5,1	2,0	119,1	2,7	10,2
Архангельская область	92,7	19,9	1,4	42,9	5,3	6,2
Красноярский край	147,6	11,7	1,5	55,1	17,5	23,6
Республика Саха (Якутия)	399,3	14,4	9,6	238,1	6,7	48,3

Инвестиционное участие государства наиболее ощутимо только в тех регионах, где реализуются совместные корпоративные или иностранные проекты, при этом их значительная часть идёт на развитие добывающей промышленности, а социальная сфера и инфраструктура, необходимые для развития человеческого капитала и малого предпринимательства, финансируются в недостаточной степени для решения обозначенных проблем. Это Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. В остальных регионах Арктики уровень участия государства и муниципалитета выше в регионах, полностью отнесённых к АЗРФ. Скорее всего, это вызвано необходимостью компенсации удорожающих факторов как со стороны федерального и регионального уровня, так и со стороны муниципальных органов власти.

Что касается структуры инвестиций, то темпы и объёмы жилищного строительства в регионах Арктики практически везде самые низкие по стране, поэтому и уровень инвестиций в данную сферу чрезвычайно низкий. Сопоставимые объёмы финансирования со среднероссийскими значениями только в Ненецком АО, Красноярском крае и в Республике Саха (Якутия), но в основном это связано с действием приоритетной государственной программы по расселению из ветхого и аварийного жилья, доля которого в указанных регионах наибольшая по стране. Инвестиции в инфраструктурные и транспортные проекты реализуются в ос-

¹² Рассчитано автором. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

новном в нефтегазовых и дальневосточных регионах, а в западных регионах Арктики (Мурманская, Архангельская области, Республики Карелия и Коми) уровень инвестиций в разы ниже. При этом в регионах, полностью отнесённых к Арктике, объём инвестиций в сотни раз больше в нежилые здания и сооружения, а также в модернизацию и оснащение земельных ресурсов и в десятки раз — в основные фонды оборудования и транспортных средств.

Инфраструктура, включая социальную и транспортную, является определяющим фактором как для развития человеческого потенциала, так и для развития экономики в целом, что ведёт к прогрессу предпринимательской деятельности и создаёт благоприятный инвестиционный климат на местах. Несмотря на очевидную значимость АЗРФ для России, социально-экономическая ситуация в этом регионе остаётся достаточно сложной [19, Картамышева Н.С., с. 333–337]. Сформированная инфраструктура и транспортная доступность в зарубежных странах является основным способом увеличения инвестиционных потоков и позволяет широко использовать арктические территории в туристической отрасли, что способствует привлечению значительного количества туристов и развитию сферы малого бизнеса, связанного с оказанием околотуристических услуг [20, Veijola S., с. 63–81].

По сравнению с другими арктическими странами, туристические возможности регионов АЗРФ используются не в полной мере из-за транспортно-логистической неразвитости, а также из-за отсутствия необходимой туристической инфраструктуры. Например, в Норвегии поток туристов на архипелаг Шпицберген составляет около 60 тыс. человек в год, в то время как в национальный парк «Русская Арктика», включающий территории Земли Франца-Иосифа, — всего 1 225 чел.¹³. Это оказывает непосредственное влияние на развитие малого бизнеса в арктических городах и имеет огромное значение для монопрофильных муниципальных образований, что позволяет диверсифицировать экономику и даёт возможность создания новых рабочих мест.

Активные действия в направлении диверсификации экономики посредством создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в городах с монопрофильной структурой экономики и других муниципальных образованиях реализуются Правительством РФ с 2014 г.¹⁴ Для резидентов ТОСЭР предусмотрен ряд мер поддержки и преференций. В настоящее время на территории России действует порядка 100 преференциальных территорий, из них в регионах, полностью или частично отнесённых к Арктике, расположено всего 10, а входящих в Арктическую зону Российской Федерации только 2 ТОСЭР — «Кировск» и «Чукотка»¹⁵. На данный момент в образованных ТОСЭР показатели со-

¹³ Скорый Р.П. Перспективы развития Арктического туризма. URL: <https://rusunion.com/perspektivy-razvitija-arkticheskogo-turizma/> (дата обращения: 28.07.2018).

¹⁴ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

¹⁵ Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территории монопрофильных муниципальных образований. Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/2016160505> (дата обращения: 06.03.2019).

зданных дополнительных рабочих мест и капитальных вложений не велики, что говорит о недостаточной эффективности данного способа стимулирования инвестиционной деятельности, так как сам факт создания ТОСЭР не гарантирует оживления экономики и притока инвестиций. К тому же законодательством установлен ряд ограничительных мер для резидентов ТОСЭР (создание не менее 20 рабочих мест, создание вновь зарегистрированных обособленных подразделений, необходимый объём инвестиционных вливаний и т.д.), которые являются достаточно жесткими для малого и среднего предпринимательства¹⁶.

В зарубежной практике развития малого предпринимательства в условиях Арктики благодаря сформированной транспортной инфраструктуре и льготным условиям ведения бизнеса, предоставляемым государством, удорожающие факторы экстремальных природно-климатических условий не оказывают значительного влияния на их функционирование. В российской же Арктике сложные погодные условия ограничивают возможности развития малого предпринимательства, в том числе из-за слабой транспортной доступности, высоких энергозатрат, удалённости от административных центров, существенных затрат на компенсации и льготы, положенные работникам Крайнего Севера (компенсация проезда к месту отпуска раз в два года, районные коэффициенты и надбавки). Если для бюджетных учреждений и крупных предприятий, функционирующих в условиях Арктики, вопросы компенсации северных издержек не стоят так остро, то для малого предпринимательства — это вопрос «выживания»¹⁷. Поэтому основной акцент в компенсации издержек северного удорожания должен быть смещён на деятельность малого и среднего бизнеса Арктики, а развитие транспортной доступности арктических территорий должно быть приоритетом федеральных и региональных органов власти.

На правительственном уровне и на международных форумах стимулированию развития малого предпринимательства уделяется повышенное внимание за счёт создания благоприятных условий для бизнеса с помощью федеральных и региональных программ поддержки предпринимательства, «налоговых каникул», освобождения от проверок и т.д. Кроме того, в связи с действием контрсанкций на продовольственные товары, на протяжении последних лет правительством субсидируются малые сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства. Данные меры привели к определённому росту малых предприятий, особенно в сельскохозяйственном секторе, в отдельных районах страны, например, в дальневосточных регионах. Однако на графике видно (рис. 2), что в регионах Арктики и количество малых предприятий, и темпы роста малого предпринимательства значительно отстают от среднероссийских показателей, особенно в субъектах РФ, полностью отнесённых к Арктической зоне, а в некоторых (Чукотский и Ненецкий АО), так и остаются на исключительно низком уровне.

¹⁶ Территория опережающего социально-экономического развития «Кировск». URL: <http://invest.welcomekirovsk.ru/> (дата обращения: 14.03.2019).

¹⁷ Пилясов А.Н. Арктическое предпринимательство: нечто исключительное. Go Arctic. URL: <https://goarctic.ru/work/arkticheskoe-predprinimatelstvo-nechto-isklyuchitelnoe/> (дата обращения: 29.07.2018).

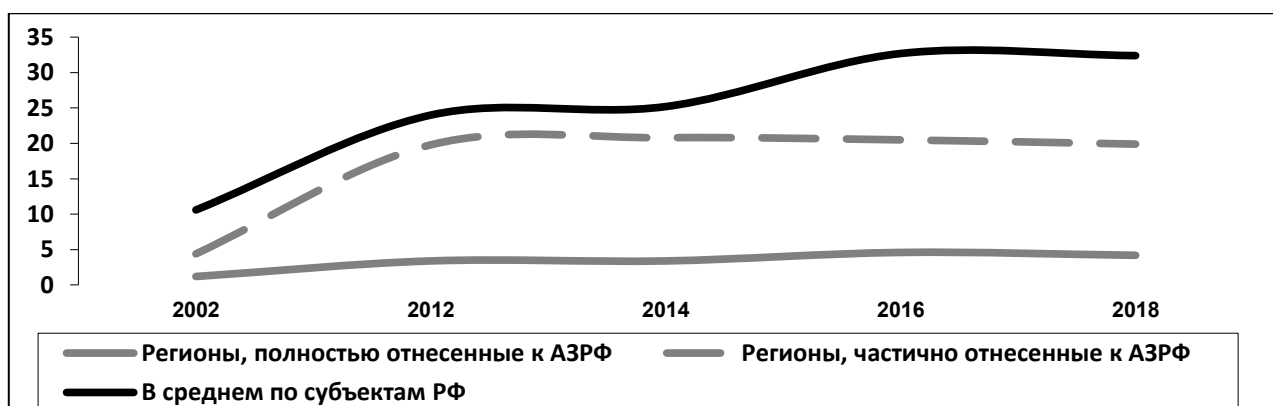

Рисунок 2. Количество малых и средних предприятий в регионах АЗРФ, тыс.¹⁸

Между тем, малые предприятия играют важную роль в инвестиционной составляющей муниципалитетов. В регионах с развитой системой предпринимательства (например, Республика Татарстан, Нижний Новгород) объёмы инвестиций малых предприятий составляют 15–18 млрд руб. в год, в среднем по стране этот показатель в 2016 г находился на уровне 9,4 млрд руб.¹⁹ В арктических же городах малый бизнес является незначительной составляющей в инвестиционной деятельности, так как, во-первых, как уже было сказано, малое предпринимательство в Арктике слабо развито, во-вторых, в большинстве муниципалитетов АЗРФ главными инвесторами выступают крупные добывающие компании, а в-третьих, необходимость компенсации повышенных затрат деятельности сокращает объёмы свободных финансовых ресурсов.

Кроме государственной поддержки для развития предпринимательства в Арктической зоне и территории в целом необходима грамотная бюджетно-налоговая политика. Во всех приарктических государствах практически все муниципалитеты, относящиеся к зоне Арктики, являются дотационными. Однако размер дотаций в расчёте на человека в различных странах существенно отличается (рис. 3). Наибольший размер межбюджетных трансфертов приходится на арктические территории Канады и Исландию (25 и 10 тыс. долларов США на человека соответственно). В России этот показатель в переводе на доллары США самый низкий и в усредненном виде по всем регионам, полностью отнесенным к зоне Арктики, составляет около 350 долларов США на человека. При этом значительный объём трансфертов приходится на Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, в остальных регионах он и того меньше — около 90 долларов на человека.

¹⁸ Малое предпринимательство в России. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. 109 с.; Малое и среднее предпринимательство в России. 2013: Стат.сб./ Росстат. М., 2013. 124 с.; Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 30.04.2019).

¹⁹ Малое и среднее предпринимательство в России. 2017: Стат.сб./ Росстат. М., 2017. 78 с.

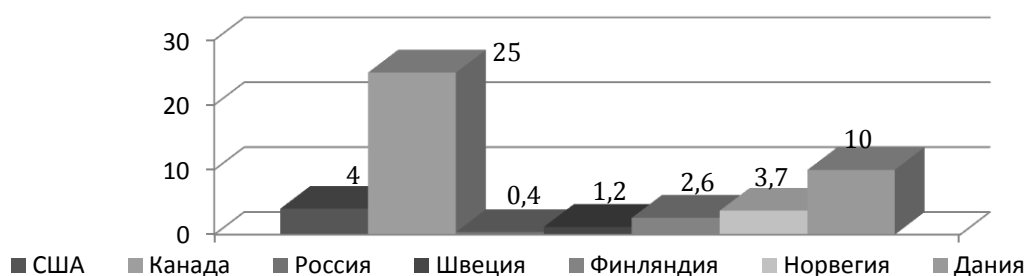

Рисунок 3. Размер межбюджетных трансфертов на душу населения в регионах Арктики в 2016 г., тыс. долл./чел.²⁰

Превышение уровня трансфертов на душу населения в Чукотском АО, а также Ямало-Ненецком АО по сравнению с другими регионами объясняется наиболее суровыми условиями проживания и самой низкой плотностью населения на достаточно обширных территориях. Это приводит к необходимости значительных расходов на поддержание стабильного функционирования таких систем жизнеобеспечения, как жилищно-коммунальная сфера, энергетика, транспорт, «северный завоз». К примеру, в Чукотском ОА это связано как с завышенными затратами на транспортировку в каждый населённый пункт запасов топлива, строительных материалов, техники и продовольствия с использованием авиации, которая, при отсутствии железных дорог и единой системы автомобильного сообщения, является единственным круглогодичным транспортом [21, Копин Р.В., с. 3–7], так и с субсидированием расходов на энерготарифы и социально значимые продовольственные товары [22, Калинова А.А., с. 23–29].

На долю арктических территорий России в 2012–2014 гг. приходилось всего 5% всех межбюджетных трансфертов. При этом в последнее время прослеживается явная тенденция к их сокращению. Так, в 2017 г. объём трансфертов на регионы, полностью входящие в Арктическую зону, в общей сумме межбюджетных трансфертов среди всех регионов РФ снизился до 0,7%, что явно не соответствует уровню финансирования в зарубежных странах и идёт вразрез с общими стратегическими целями и тенденциями развития арктических территорий.

Ранее проведённые исследования бюджетной обеспеченности муниципалитетов АЗРФ также указывают на высокую степень дотационности и снижение налоговых доходов [23, Скуфьина Т.П., с. 214], что ведёт к ограничению возможностей органов муниципальной власти оказывать влияние на их социально-экономическое развитие и приводит к сокращению инвестиционной активности администраций городов. Особенности системы налогообложения в России, централизация власти и аккумуляция средств на федеральном уровне ставят арктические регионы и муниципалитеты в жёсткую зависимость от решений вышестоя-

²⁰ Рассчитано автором. Источник: Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./Росстат. М., 2017; Межбюджетные трансферты субъектам РФ. Федеральное казначейство. URL: <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/mezhbudgetnye-transferty/mezhbudgetnye-transferty-subjektam-rf/?paramPeriod=2016> (дата обращения: 01.08.2018); Вербиненко Е.А., Бадылевич Р.В. Финансовое регулирование развития Арктических территорий в зарубежных странах. Фундаментальные исследования, 2017. № 4-1. С. 126-132. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41447> (дата обращения: 09.07.2018).

ящих уровней власти, а слабая обеспеченность собственными доходными источниками пополнения муниципального бюджета не позволяет решать проблемные вопросы арктических территорий самостоятельно.

Заключение

По итогам проведенного исследования, определяющего проблемы и направления развития российской Арктики, можно констатировать, что социально-экономическое развитие арктических муниципалитетов, обладающих определённой спецификой функционирования, характерной как для России, так и для большинства муниципалитетов зарубежных территорий Арктической зоны, зависит от государственного решения вопросов развития человеческого потенциала, социальной и транспортной инфраструктуры, малого предпринимательства и особой поддержки арктических территорий.

Для нивелирования выявленных угроз демографического характера, привлечения человеческого капитала и снижения миграционного оттока из Арктической зоны РФ необходимо разработать комплекс мер, направленных на формирование качественной городской среды, развитой транспортной и социальной инфраструктуры, включая модернизацию объектов социальной инфраструктуры; обеспечение доступности и повышение качества оказания медицинской помощи; развитие системы образования и профобучения; обеспечение занятости населения (в особенности в монопрофильных поселениях), а также опережающий рост доходов населения арктических территорий и изменение пенсионного законодательства с сохранением ранее существующих льгот по выходу на пенсию.

Стоит учитывать, что развитие социально-производственной инфраструктуры ввиду высокой капиталоемкости в условиях Арктики и удорожающих факторов, возможно только при участии государственных инвестиций и крупного бизнеса, который, по аналогии с зарубежными странами, должен нести определённую социальную ответственность за развитие территорий на принципах государственно-частного и муниципально-частного партнёрства, что даст толчок для формирования сети предпринимательских структур.

Низкие темпы развития предпринимательства и отставание в объёмах инвестиционного участия малого бизнеса в экономике арктических городов в сравнении со среднероссийским уровнем связано, помимо слабо развитой логистической и инфраструктурной составляющей, с декомпенсацией дополнительных расходов на установленные законодательством Российской Федерации дополнительные денежные выплаты и гарантии работникам Крайнего Севера. Поэтому для развития малого и среднего бизнеса в муниципалитетах российской Арктики требуется дополнительная поддержка со стороны государства за счёт совершенствования трудового законодательства в области оплаты труда и различного рода преференций для работников АЗРФ в части компенсации расходов по оплате проезда к месту отпуска, районных надбавок и коэффициентов малому предпринимательству.

Также в налоговом и бюджетном законодательстве необходимо пересмотреть вопросы финансовой обеспеченности и самостоятельности муниципальных органов власти при помощи изменения межбюджетного регулирования и фискальной политики в отношении зоны Арктики. Для этого необходимо разработать и внедрить изменения и дополнения в налоговое законодательство за счёт увеличения доли местных налогов, что позволит укрепить финансово-экономическую базу бюджетов муниципальных образований, тем более в арктических регионах, где действуют удорожающие факторы жизнедеятельности, а также повышенный износ основных фондов, производственной и социальной инфраструктуры, что подтверждает необходимость расширения перечня собственных доходов бюджета.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2019-0027_ИЭП «Комплексное междисциплинарное исследование и экономико-математическое моделирование социально-экономической трансформации и управления регионов и муниципальных образований Северо-Арктических территорий Российской Федерации».

Литература

1. Skufina T., Baranov S., Samarina V. Differentiation of Socio-Economical Environment as Factors of Regional Development (The Case Study of Murmansk Region, Russia) // *Advanced Science Letters*. 2018. Vol. 24. No. 9. Pp. 6329–6331. DOI 10.1166/asl.2018.13045
2. Воронина Е.П. Формирование опорных зон развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение их функционирования: применение GAP-анализа // *Регионалистика*. 2017. Т.4. № 6. С. 60–69.
3. Саак А., Колчина О. Оценка инвестиционной привлекательности муниципального образования // *Муниципальная власть*. 2006. № 4. С. 53–64.
4. Вылегжанина А.О. Некоторые социально-экономические проблемы развития Арктических территорий // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 2 (161). С. 78–88.
5. Корчак Е.А. Арктическая зона России: социальный портрет регионов. Изд-во: Апатиты, 2017. 101 с.
6. Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V. Current issues in the development of municipal entities and in reforming the institution of local self-government // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 132–147.
7. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic policy in an ERA of global Instability: Experience and lessons for Russia // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5. No. 1. Pp. 10–22.
8. Чистобаев А.И., Малинин П.Ю. Арктическая зона Российской Федерации как особый объект государственного управления // *Региональные исследования*. 2016. № 2 (52). С. 122–128.
9. Blunden M. The New Problem of Arctic Stability // *Survival*. 2009. Vol. 51. No. 5.
10. Mikhailov K.L. Social and environmental aspects of development of the stockman field and risks in the local population's perception // *Regional Research of Russia*. 2013. Vol.4. Pp. 442–446.
11. Greaves W. Securing sustainability: the case for critical environmental security in the Arctic // *Polar Record*. 2016. Vol. 52 (6). Pp.660–671. DOI 10.1017/S0032247416000218
12. Litovskiy V. Problem of Development and Development of Polar and Arctic Territories: the Ural Aspect // *The Arctic: Ecology and Economy*. 2012. No. 3 (7).
13. Емельянова Е.Е. Влияние региональных особенностей Севера на цели, задачи и возможности реализации муниципальной инвестиционной политики // *Наука и бизнес: пути развития*. 2014. № 5 (35). С. 79–83.

14. Емельянова Е.Е. Оценка эффективности политики и перспективные направления инвестиционного развития в муниципалитетах Севера и Арктики // «ЭКО». 2018. № 6. С. 103–117. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-103-117
15. Ларченко Л.В., Колесников Р.А. Дифференциация социально-экономического развития арктических регионов России // Инновации. 2017. № 10 (298). С. 69–75.
16. Petrov A.N. Human Capital and Sustainable Development in the Arctic: Towards Intellectual and Empirical Framing // Northern Sustainable Development: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World. 2017. Pp.203–220. DOI 10.1007/978-3-319-46150-2_16
17. Markin V.V., Silin A.N. Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: Sociological analysis, modeling, and regulation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol.10. No. 6. Pp. 75–88.
18. Tysiachniouk M.S., Petrov A.N. Benefit sharing in the Arctic energy sector: Perspectives on corporate policies and practices in Northern Russian and Alaska // Energy Research and Social Science. 2018. Vol. 39. Pp. 29–34.
19. Картамышева Н.С., Биекенова А.С. Арктика и развитие арктической зоны // Молодой учёный. 2015. № 13. С. 333–337.
20. Veijola S., Strauss-Mazzullo H. Tourism at the crossroads of contesting paradigms of Arctic development // The GlobalArctic Handbook. 2018. Pp. 63–81.
21. Копин Р.В. Вступление губернатора – председателя правительства Чукотского Автономного округа // Аналитический вестник: Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Чукотского автономного округа. 2017. № 28 (684). С. 3–7.
22. Калинова А.А. Социально-экономическое развитие Чукотского автономного округа в 2011–2016 годах // Аналитический вестник: Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Чукотского автономного округа. 2017. № 28 (684). С. 23–29.
23. Основные аспекты экономического развития и управления Арктической зоной Российской Федерации / Под науч. ред. д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н. Н.А. Серовой. М.: Издательство «Научный консультант», 2018. 214 с.

References

1. Skufina T., Baranov S., Samarina V. Differentiation of Socio-Economical Environment as Factors of Regional Development (The Case Study of Murmansk Region, Russia). *Advanced Science Letters*, 2018, vol. 24, no. 9, pp. 6329–6331. DOI 10.1166/asl.2018.13045
2. Voronina E.P. Formirovanie opornyh zon razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespechenie ih funkcionirovaniya: primenenie GAP-analiza [Formation of reference zones of development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring their functioning: application of GAP-analysis]. *Regionalistika* [Regionalism], 2017, vol. 4, no.6, pp. 60–69.
3. Saak A., Kolchina O. Ocenka investicionnoj privlekatel'nosti municipal'nogo obrazovanija [Evaluation of the investment attractiveness of the municipality]. *Municipal'naja vlast'*, 2006, no. 4, pp. 53–64.
4. Vylegzhanina A.O. Nekotorye social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya Arkticheskikh territorij [Some socio-economic problems of development of the Arctic territories]. *Problemy prognozirovaniya*, 2017, vol. 161, no. 2, pp. 78–88.
5. Korchak E.A. *Arkticheskaja zona Rossii: social'nyj portret regionov* [Arctic zone of Russia: social portrait of regions], Apatity Publ., 2017, 101 p. (In Russ.)
6. Bukhval'd E.M., Voroshilov N.V. Current issues in the development of municipal entities and in reforming the institution of local self-government. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 132–147.
7. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic policy in an ERA of global Instability: Experience and lessons for Russia. *Regional Research of Russia*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 10–22.
8. Chistobaev A.I., Malinin P.Ju. Arkticheskaja zona Rossijskoj Federacii kak osobyj ob'ekt gosudarstvennogo upravlenija [The Arctic zone of the Russian Federation as a special object of public administration]. *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], 2016, vol. 52, no. 2, pp.122–128.
9. Blunden M. The New Problem of Arctic Stability. *Survival*, 2009, vol. 51, no. 5, pp. 127.

10. Mikhailov K.L. Social and environmental aspects of development of the stockman field and risks in the local population's perception. *Regional Research of Russia*, 2013, vol. 4, pp. 442–446.
11. Greaves W. Securing sustainability: the case for critical environmental security in the Arctic. *Polar Record*, 2016, vol. 52 (6), pp.660–671 DOI 10.1017/S0032247416000218
12. Litovskiy V. Problem of Development and Development of Polar and Arctic Territories: the Ural Aspect. *The Arctic: Ecology and Economy*, 2012, no. 3 (7).
13. Emel'janova E.E. Vliyanie regional'nyh osobennostej Severa na celi, zadachi i vozmozhnosti realizacii municipal'noj investicionnoj politiki [The influence of the regional characteristics of the North on the goals, challenges and opportunities for the implementation of municipal investment policy]. *Nauka i biznes: puti razvitija* [Science and business: ways of development], 2014, vol. 35, no. 5, pp.79–83.
14. Emel'janova E.E. Ocenka effektivnosti politiki i perspektivnye napravlenija investicionnogo razvitija v municipalitetah Severa i Arktiki [Evaluation of policy effectiveness and promising directions of investment development in the municipalities of the North and the Arctic]. *"EKO" ["ECO"]*, 2018, no. 6, pp. 103–117. DOI 10.30680/ESO0131-7652-2018-6-103-117
15. Larchenko L.V., Kolesnikov R.A. Differenciaciya social'no-ekonomicheskogo razvitiya arkticheskikh regionov Rossii [Differentiation of socio-economic development of the Arctic regions of Russia]. *Innovacii* [Innovations], 2017, no. 10 (298), pp. 69–75.
16. Petrov A.N. Human Capital and Sustainable Development in the Arctic: Towards Intellectual and Empirical Framing. *Northern Sustainability: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World*, 2017, pp. 203–220. DOI 10.1007/978-3-319-46150-2_16
17. Markin V.V., Silin A.N. Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: Sociological analysis, modeling, and regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 75–88.
18. Tysiachniouk M.S., Petrov A.N. Benefit sharing in the Arctic energy sector: Perspectives on corporate policies and practices in Northern Russian and Alaska. *Energy Research and Social Science*, 2018, vol. 39, pp. 29–34.
19. Kartamysheva N.S., Biekenova A.S. Arktika i razvitie arkticheskoy zony [Arctic and development of the Arctic zone]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2015, no. 13, pp. 333–337.
20. Veijola S., Strauss-Mazzullo H. Tourism at the crossroads of contesting paradigms of Arctic development. *The GlobalArctic Handbook*, 2018, pp.63–81.
21. Kopin R.V. Vstuplenie gubernatora – predsedatelya pravitel'stva CHukotskogo Avtonomnogo okruga [Introduction of the Governor – Chairman of the government of the Chukotka Autonomous Okrug]. *Analiticheskij vestnik: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy social'no-ekonomicheskogo razvitiya CHukotskogo avtonomnogo okruga*, 2017, no. 28 (684), pp. 3–7.
22. Kalinova A.A. Social'no-ekonomicheskoe razvitie CHukotskogo avtonomnogo okruga v 2011–2016 godah [Socio-economic development of the Chukotka Autonomous Okrug in 2011–2016]. *Analiticheskij vestnik: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy social'no-ekonomicheskogo razvitiya CHukotskogo avtonomnogo okruga*, 2017, no. 28 (684), pp. 23–29.
23. *Osnovnye aspekty ekonomicheskogo razvitiya i upravleniya Arkticheskoy zonoj Rossijskoj Federacii* [Main aspects of economic development and management of the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by T.P. Skuf'ina, N.A. Serova. Moscow: «Nauchnyj konsul'tant» Publ., 2018, 214 p. (In Russ.)

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК 39(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

«Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) *

© **КВАШНИН Юрий Николаевич**, кандидат исторических наук

E-mail: ukwa@yandex.ru

Тюменский научный центр СО РАН, Тобольск, Россия

Аннотация. В статье подробно рассмотрен список «самоедов», составленный в 1832 г. тобольским миссионером иеромонахом Макарием. Родовые названия и фамилии, указанные там, показывают, что они относились к европейским, приуральским и сибирским тундровым ненцам и не случайно оказались в одном списке. Это была небольшая часть «войкарской самоеди», обособленной территориальной группы ненецкого этноса, кочевавшей в XVII–XIX вв. по обеим сторонам Приполярного Урала. На основе сведений из «Списка», обобщения материалов из архивных документов и работ учёных и путешественников XVIII–XX вв. удалось выдвинуть обоснованные предположения и уточнения о происхождении некоторых ненецких родов и патронимий, местах их расселения и брачных связях. Кроме этого, впервые удалось отыскать сведения о составителе «Списка», его жизни и деятельности задолго до миссионерской поездки на север Берёзовского округа.

Ключевые слова: иеромонах Макарий, ненцы, миссия, крещение, войкарская самоедь, роды, патронимии, происхождение.

“This family has been found and is now located in Obdorsk region...” (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832)

© **Yuri N. KVASHNIN**, Cand. Sci. (Hist.)

E-mail: ukwa@yandex.ru

Tyumen Scientific Center of the Siberian branch of the RAS, Tobolsk, Russia

Abstract. The article details the list of “Samoyeds”, compiled in 1832 by Tobolsk missionary Hieromonk Makarii. The generic names and surnames indicated there show that they belonged to the European, Ural and Siberian tundra Nenets, and it was not by chance that they were on the same list. It was a small group from the “Vojkar Samoyeds”, a separate territorial group of the Nenets ethnos, wandering in the 17th–19th centuries on both sides of the Subpolar Urals. On the basis of information from the “List”, generalization of materials from archival documents and works of researchers and travelers of the 18th–19th centuries, it was possible to put forward several reasonable assumptions and clarifications about the origin of some Nenets families and patronyms, places of their settlement and marital relations. In addition, for the first time, it was possible to find information about the compiler of the “List”, its life and activities long before the missionary trip to the north of the Berezovsky department.

Keywords: hieromonk Makarii, Nenets, mission, christening, Voykarsky Samoyeds, clans, patronymy, origin.

* Для цитирования:

Квашнин Ю.Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–118. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

For citation:

Kvashnin Yu.N. “This family has been found and is now located in Obdorsk region...” (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 94–118. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

Введение

Тобольский государственный архив на протяжении многих десятилетий привлекал учёных своими богатейшими материалами по истории и этнографии Сибири. На их основе были написаны сотни научных и научно-популярных статей и книг, десятки кандидатских и докторских диссертаций. Однако архивные фонды хранят ещё немало документов, до сих пор невостребованных специалистами. Сведения, почерпнутые из них, зачастую оказываются недостающими фрагментами в мозаике исторических процессов, происходивших в Западной Сибири.

Один из таких документов — «Список Самоедов Березовского Округа, крещённых в бывшую в Архангельской Губернии миссию 1826-го года», датированный 1832 г., был извлечён нами из «Дела о командировании Калужской епархии Боровского первоклассного Пафнутьева монастыря иеромонаха Макария в Березовское ведомство для проповеди слова Божия кочующим там инородцам». Из заголовка документа следует, что они были крещены миссией архимандрита Вениамина, работавшей на севере Архангельской губернии в 1826–30 гг. Составление Макарием «Списка самоедов», а также написание предваряющего его «Репорта» на имя тобольского митрополита, были обусловлены невозможностью отыскать *«при какой церкви их крещение записано в метрические книги, и к каким христианским обществам они причислены»*¹.

«Список самоедов», который мы помещаем в конце статьи, был впервые опубликован В.Я. Темплингом среди других документов дела. Однако при подготовке его к публикации составителем были допущены ошибки в прочтении нескольких имён и фамилий, а также пропущена запись об одной женщине [1, с. 50–51].

В процессе рассмотрения «Списка» нам пришлось обратиться к целому ряду архивных документов и работ учёных и путешественников XVIII–XX вв., прямо или косвенно затрагивающих вопросы родовой организации ненцев. Обобщая сведения, удалось выдвинуть обоснованные предположения и уточнения о происхождении некоторых ненецких родов и патронимий, местах их расселения и брачных связях. Важным выводом исследования стало то, что «самоеды» европейских, приуральских и сибирских родов не случайно оказались в одном списке. Это была небольшая группа из числа «войкарской самоеди», обособленной территориальной группы ненецкого этноса, кочевавшей в XVII–XIX вв. по обеим сторонам Приполярного Урала. Административно они относились к Куноватской и Ляпинской волостям Берёзовского уезда, а ясак платили «повольно» в Пустозёрске, в Обдорске или в Войкарском городке.

Упоминания о родах, входивших в состав «войкарской самоеди» имеются в трудах В. Иславина [2, с. 132–135], А. Регули [3, с. 164–165], архимандрита Вениамина [4, с. 97], А. Шренка [5, с. 560–562], Г.Д. Вербова [6, с. 52–57], Л.В. Хомич [7, с. 102–111]. В работах этих

¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее ГБУТО ГАТ). Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 74-74об, 75-76.

исследователей приводятся сведения, констатирующие факты существования того или иного рода на локальной территории, но анализ их происхождения практически отсутствует. Архивные документы, касающиеся, в том числе, войкарских ненцев, рассматривают в своих публикациях А.И. Андреев [8, с. 84–103] и Е.И. Колычева [9, с. 76–88]. О куноватских и ляпинских ненцах, связанных брачными контактами с хантами и манси, писали З.П. Соколова [10, с. 33–36] и Е.П. Мартынова [11, с. 88–93]. Обобщение и анализ сведений об этой группе ненцев содержится в работах Б.О. Долгих [12, с. 33–47], Н.А. Миненко [13, с. 136–137], В.И. Васильева [14, с. 12–20; 15, с. 118–130; 16, с. 86–98]. Из недавних работ вызывает интерес статья Э. Руткаи-Миклиан [17], с которой наша статья некоторым образом перекликается.

Исследователи второй половины XX в. использовали разносторонние материалы о «войкарской самоеди», и по-разному их интерпретировали. В результате у них не сложилось единого мнения по истории формирования этой группы. В нашей статье мы попытались прояснить некоторые спорные моменты. Кроме этого, нам удалось отыскать сведения о составителе «Списка самоедов» — иеромонахе Макарии, его жизни и деятельности задолго до миссионерской поездки на север Берёзовского ведомства.

«Смирнейший послушник иеромонах Макарий»

Михаил Остальский, так звали Макария в миру, был родом из Малороссии. О нём как об учителе Волынской семинарии вскользь упоминается в «Сводном обзоре деятельности православных миссионеров среди северных нерусских народностей Сибири в XVIII–XIX вв.» 1869 г.² Сведения, извлечённые из книги историка-краеведа Н.И. Теодоровича «Волынская духовная семинария» показывают, что родился Михаил в 1783 г. в местечке Лабунь Заславского уезда в семье священника Антония Остальского. У Михаила был брат Иаков 1786 года рождения. Оба они учились в Волынской семинарии на богословском курсе. Михаил был принят туда в 1800 г., а Иаков в 1799 г. По окончании семинарии в 1811 г. Иаков был назначен священником в село Збитин Дубенского уезда, а Михаил поступил в мужской заштатный монастырь Иоанна Милостивого в селе Загайцы Кременецкого уезда «с надеждою получить монашество». Далее карьера Михаила развивалась стремительно. В 1812 г. он принял монашеский постриг, 29 июня этого года был возведён во иеродьякона, 30 июня во иеромонаха, а 9 сентября определён в наместники Загаецкого монастыря. По прошествии восьми месяцев, 12 мая 1813 г., иеромонах Макарий был назначен наместником мужского первоклассного Преображенского монастыря в г. Острог и присутствующим в Волынской консистории. В 1814 г. он стал учителем русской школы при Волынской семинарии. В октябре 1818 г. Макарий основал, а в феврале 1819 г. открыл в с. Загайцы приходское духовное училище, смотрителем которого оставался до 1823 г. [18, с. 48, 50–51, 189, 276, 847–848, 916].

² Федеральное казённое учреждение Российский государственный исторический архив (ФКУ РГИА). Ф. 797. Оп. 96. Д. 45. Л. 3об.

Далее следы иеромонаха Макария теряются. Интересно, что в книге Н.И. Теодоровича нет сведений о его переходе в какой-либо другой монастырь. О многих других священниках и монахах такие сведения имеются. Тем не менее, можно с определённой уверенностью утверждать, что 1820-х гг. Макарий был переведён в Боровский первоклассный Пафнутьев монастырь, относившийся к Калужской епархии (отстроенный и обновлённый в 1822 г. после пожара 1812 г.). Каких-либо сведений о его службе в этом монастыре пока отыскать не удалось. Однако именно оттуда Макарий был переведён в 1831 г. в Тобольск для подготовки к миссионерской деятельности на Обском Севере³.

В Тобольске иеромонах Макарий появился под фамилией Боголепов⁴. Здесь нет никакого противоречия. Фамилии, подобные этой, являются искусственными, «поповскими». Они стали распространяться в России с конца XVII в. среди учащихся семинарий и духовенства. Интересно, что искусственные фамилии были типичны для великорусского духовенства, а малорусские и белорусские священники в семинариях сохраняли свои наследственные фамилии [19, с. 169–170]. Соответственно, Макарий, перешедший из малорусской епархии в великорусскую, сменил фамилию по здешнему обыкновению.

Что стало для Макария побуждающим мотивом к изъявлению желания стать миссионером, просто ли приглашение архиепископа Тобольского и Сибирского Евгения? Возможно, его вдохновили успехи крещения самоедов миссией архимандрита Вениамина, и он решил попробовать свои силы на этом поприще. Однако могли быть и другие причины. В послужном списке Макария, представленном Тобольскому епархиальному начальству, значилось, *«что он состоит прикосновенным по секретному делу»*. Хотя *«означенное секретное дело Св. Синодом решено и он, Макарий, признан совершенно невиновным»*, возможно, ему было необходимо на некоторое время уехать из Боровского монастыря⁵.

Поездке Макария в Обдорск (ныне г. Салехард) предшествовал почти целый год согласований с епархиальным начальством. За это время в Тобольске сменилось три митрополита — Евгений, Павел, Афанасий. К весне 1832 г. состав миссии был утверждён. В помощники к Макарию были назначены выпускник Тобольской духовной семинарии Лука Вологодский и послушник Тобольского Знаменского монастыря Никита Соловьёв, приехавший в Тобольск вместе с Макарием из Калуги⁶.

В Обдорск миссия прибыла 20 июня 1832 г. и пробыла там до февраля 1833 г. Столкнувшись с сильным нежеланием местных жителей принимать христианскую веру, миссионеры за восемь месяцев работы крестили всего 17 человек остяков и самоедов [20, с. 21–22; 21, с. 15–16]. В апреле того же года иеромонах Макарий в своём очередном «репорте» архиепископу Афанасию фактически расписался в собственном бессилии крестить обдорских инородцев. По его словам, они *«ведут бродячую жизнь и находятся в далёком расстоянии*

³ ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 36–38об.

от христианских жилищ, в Обдорск являются один только раз в год для положения ясака», «к тому же и язык их весьма недостаточен для объяснения истин христианской религии», «надежды к обращению их в оную не предвижу»⁷.

Наследство, оставленное иеромонахом Макарием в виде «репортов» Тобольскому митрополиту, невелико и доступно пониманию в основном узкому кругу специалистов, которые занимаются историко-этнографическими исследованиями традиционной культуры народов Западной Сибири. Вряд ли Макарий задумывался над тем, «как его слово отзовется» и что именно может в будущем заинтересовать этнографов в составленных им документах.

«...рода Тускды»

Иеромонах Макарий, получивший отличное по тем временам образование, бывший учителем русской школы при Волынской семинарии, а значит хорошо владевший русским языком, в Обдорске оказался совершенно неготовым к восприятию имён и прозваний коренных жителей. Первое, на что обращаешь внимание при чтении составленного им «Списка», это искажённые названия некоторых ненецких родов. В «Репорте» Макарий пишет, что об этих самоедах его уведомил своим отношением Обдорский отдельный заседатель Илья Иванов Рещиков⁸. Значит, Макарий при составлении своего списка использовал сведения из этого документа, в котором, возможно, также не всё было правильно прописано.

Первым в «Списке» стоит Табак Алетов, рода Тускды, другие самоеды — родов Леокойского, Вaleyского, Тысый, Иувейского, Хатачейского, Янгасова, Карачейского, Серадыты, Серудеты. Вышеперечисленные роды действительно существовали в XIX в., а некоторые существуют и поныне. Отдельные из них являются первичными родами, другие — обособившимися патронимиями. Чтобы понять, что они из себя представляют, попытаемся рассмотреть их происхождение.

Род **Тусида** (у Макария — Тускда), по научной классификации относится к фратрии Харючи, а по ненецкому традиционному делению — к хасово тэнз. Название в переводе с ненецкого означает — «без огня», «сирота». Согласно относительно недавно введённому в научный оборот данным, название Тусида встречается в документах Обдорской Петропавловской церкви о крещении самоедов за 1853 г. и за 1880 г., а в форме Тузида в документах 1876 г. и 1886 г. [22, с. 171, 230, 231, 239, 257]. Позже он был отмечен в официальных документах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. среди самоедов Обдорской инородной волости, кочевавших на Каменной (Приуральско-Ямальской) стороне [23, с. 37; 16, с. 170]. В списке, составленном А.А. Дуниным-Горкавичем в 1915 г., отмечено, что род Тусида под предводительством старшины Нанди кочевал «зимой между Полуем и Надымом, летом на Ямале у р. Тамбея и далее на север» [24, с. 44]. У р. Тамбей показаны кочевья хозяйства Нанди Тусида и на карте Б.М. Житкова [25]. Примерно там же изображена вотчина Яркулони

⁷ Там же. Л. 122-122об.

⁸ Там же. Л. 74.

Тусида на схеме В.П. Евладова [26]. Аналогичные сведения о местах кочевания рода Тусида даются в работах Г.И. Артеева, И.Ф. Ного, М.М. Броднева [12, с. 92–94].

Подробное описание расселения рода Тусида в конце 1920-х гг. представлено в «Списке населённых пунктов Уральской области». Всего в то время насчитывалось 19 семей этого рода. Основные места их кочевий в летний период находились в северной части полуострова Ямал. На зиму многие перекочёвывали к югу, поближе к факториям Госторга, некоторые переходили Обскую губу в меридиональном направлении [27, с. 185, 189, 191, 195, 201].

Род **Лэхэ** (у Макария — Леокойский) является одним из трёх основных родов европейских тундровых ненцев (вместе с Тысый и Выуци). Название переводу не поддаётся. Впервые Лэхэ (Лехей) упоминается в «Жалованной грамоте великого князя Василия III самоедам о принятии их в подданство» 1525 г. Там, вместе с родом Карачей, его именуют «югорской самоедью, которая живёт по Оби реке» [28, с. 10–11].

Известно, что летописная Югорская земля в XI–XIII вв. располагалась к западу от Уральских гор. [29, с. 150–151; 30, с. 2005]. Там жили отдельные группы манси и хантов. По нашему мнению, расширение территории, называемой Югорской землёй, до низовий Оби началось в XIV в. Это косвенно подтверждается сведениями из Новгородской четвёртой летописи 1364 г., где написано: «*приеха с Югры новгородцы дети боярские и люди молодые воеваша по Оби реки до моря, другая половина рати на верх Оби воеваша*» [31, с. 64–65; 32, с. 219–220]. Именно в XIV столетии часть угорского населения была вытеснена из европейской части страны за Урал, продвигавшимися на север коми и русскими [10, с. 18]. Всё это даёт основания полагать, что род Лэхэ вместе с Карачей издавна кочевал по северным тундрам по обеим сторонам Уральских гор.

В XVI–XVIII вв. род Лэхэ был отмечен в ясачных документах Европейского Севера в составе двух ведомств — Пустозерского и Ижемского. Первое собирало ясак с тундровых канинских, тиманских и большеземельских ненцев, а второе — с ненцев, кочевавших в лесной зоне. В то время часть рода Лэхэ вместе с частью рода Вэли проживала в Канинской тундре [16, с. 13], а большеземельские Лэхэ продолжали кочевать, как и в прежние столетия, в Северном Приуралье. В материалах городских книг по Новгороду Великому за 1704 г. написано, что роды Лохей и Тысыня живут «круг Камени (Урала — Ю.К.), на край моря, на чистых степях, а не в лесах». В это же время они были отмечены в обдорских ясачных книгах как «пустозерские Лохей и Тысыня» [9, с. 77].

Лэхэ, как и все крупные по численности роды, стал постепенно делиться на больше-семейные родственные коллективы-патронимии. Когда это деление началось, с точностью сказать невозможно, но с XVIII в. канинские ненцы в ясачных книгах стали записываться не по родовой принадлежности, а по фамилиям с русскими формантами *-ов*, *-ев*, *-ин*, а многие с русскими именами [33, с. 30–37]. Это было связано с постепенной, занявшей несколько веков христианизацией ненцев западных тундр. У большеземельских Лэхэ процесс дробления проходил иначе. Сюда христианские миссионеры добрались только в первой четверти XIX в.

и застали здесь уже обособившиеся патронимии, которые назывались по-ненецки — Сядэй-Лэхэ, Вэнокан-Лэхэ, Вылка-Лэхэ, Пырека-Лэхэ. Основной род Лэхэ продолжал существовать параллельно с ними [2, с. 134; 4, с. 97].

Род **Ты́сий**, так же как и Лэхэ, скорее всего существовал уже в XVI в. и, как говорилось выше, кочевал вместе с ним в Северном Приуралье. Название рода происходит от ненецкого слова «тысья» — «небольшая птичка, живущая в зарослях тальника». В различных документах и научных трудах эти роды постоянно упоминаются вместе, в том числе и в ошибочном написании Тусса-Илогаи или Тысья-Илогей [34, с. 4; 35, с. 222]. Начиная с 1703 г. в книгах ясачного сбора Пустозёрского ведомства кроме собственно рода Тысья (Тысьня) фигурируют его патронимии Явтысьня и Ногатысьня. Спустя столетие исследователи отметили появление ещё трёх подразделений — Лаптандер-Тысии, Паганседа-Тысии и Сиуседа-Тысии [2, с. 132–133; 4, с. 97].

Небольшая часть рода Тысья в XVIII в. кочевала в Канинской тундре, где от неё стали постепенно отделяться семьи, получавшие, как и в случае с семьями из рода Лэхэ, русифицированные фамилии [16, с. 84].

Род **Ны́вай** (у Макария — Иувейский) относится к родам ляпинских ненцев, которые наряду с куноватскими, составляли основное ядро войкарских «самоедов», проживавших в Берёзовском уезде Тобольской губернии [12, с. 34]. Первым письменным упоминанием этого рода являются три записи в материалах IV ревизской переписи некрещённых «самоядцов» Обдорской волости 1783 г. Здесь у ненцев рода Муртюки Каменной стороны зафиксированы жёны из рода Нынвай⁹ [16, с. 97]. В форме Гыйвай этот род был записан в 1837 г. А. Шренком [5, с. 562]. О племени Гнивай писал, среди прочего, в письме академику П.И. Кёппену в 1847 г. венгерский учёный А. Регули [3, с. 165]. В метрических книгах Колвинской церкви Мезенского, а позднее Печорского уезда Архангельской губернии за 1870—90-х гг. отмечены ляпинские самоеды Йивэ, Иовэй, а в Усть-Кожвинском приходе Печорского уезда Архангельской губернии в 1897 г. записан самоед рода Иовицкого [16, с. 97; 36, с. 68—69].

О некоем вымершем племени Ныевай, проживавшем когда-то в низовьях р. Пур и о мысе со священным местом, принадлежавшем ему, упоминал в своих записях 1911 г. Т. Лехтисало [37, с. 52, 54]. Перекликаясь с данными финского учёного, Г.Д. Вербов написал, что род Нывай «обитает на восточном склоне Северного Урала», а «прежде распространялся далеко к востоку» и «в устье р. Пур до сего времени один из мысов называется Нывай-Салэ» [6, с. 54]. В этих работах речь идёт о мысе Ивай-Сале, который находится в 16 километрах от устья протоки Малый Пур. В книге И.Н. Шухова «Общий обзор бассейна реки Таза» в описании зимовий и промыслов русских в Тазовской губе имеются сведения о «зимовье известной Сибирской фирмы Плотниковых», располагавшемся «на высоком мысу Гыйвай-Салэ», безотносительно к какому-либо роду [38, с. 41]. В одной из работ Б.Н. Городкова мыс назван Ивай-сале [39, с. 53].

⁹ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 169, 170об.

Название Џывай происходит, скорее всего, от ненецкого «ңэва» — голова или «ңэвэй» — головной мозг. В связи с этим интересным кажется предположение Б.О. Долгих о том, что род Џывай представляет собой «группу сибирских лесных ненцев из рода Пяк, а именно из его подразделения Нгаэвахэй» (от нен. ңэвахы — передовой, головной; предводитель, вожак) [12, с. 39]. Однако род Нгаэвахэй, как и другие подразделения рода Пяк (Сэпа, Панхэй), не упоминается в списках лесных ненцев ни в архивных документах XVII–XVIII вв., ни в работах исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. На этом основании можно сказать, что вопрос о кочевании рода Џывай в низовьях Пура остаётся открытым.

Род **Хэтанзи** (у Макария — Хатачейский) вместе с Ванюта и Вэли относится к лесным европейским родам. Среди них он был самым большим по числу людей. В переводе с ненецкого название означает «паук светлой окраски с длинными ногами». В XVII в. представители этого рода платили ясак сразу в трёх ведомствах — Пустозёрском, Ижемском и Усть-Цилемском, а начиная с XVIII в. — только в двух последних. Основными местами летнего кочевания Хэтанзи была Печора и её правые притоки южнее северной границы леса. На зиму они уходили в бассейны Цыльмы, Пижмы и Ижмы. Отдельные семьи совершали перекочёвки через Урал и вносили ясак в Обдорском и Войкарском городках [40, с. 72; 12, с. 34–35; 16, с. 76–78, 86, 204].

Процесс разложения рода Хэтанзи на патронимии начался, по всей видимости, с конца XVIII в. Подтверждением этому служат документы, сохранившиеся в Тобольском архиве. Например, в 1789–1790 гг. Тобольское наместническое правление рассматривало дело самоеда «Мезенской округи ижемских роду Хатанзейского самоедей» Алки Дылдина о переводе его с семьёй в Куноватскую волость Берёзовской округи [13, с. 137].

В XIX–XX вв. появление фамилий у самоедов было напрямую связано с христианизацией. В одной из метрических книг Колвинской церкви за 1867 г. записан Мальгин Осип Тальков «самоедин» Ижемского ведомства рода Хатанзейского, а в книге селения Большая Пысса Яренского уезда Вологодской губернии начала XX в. отмечен крестьянин Колвинского прихода Алексей Николаев Катанзин. Материалы исповедных росписей Колвинской церкви за 1916 г. показывают, что в составе рода Хэтанзи насчитывалось к тому времени 59 фамилий [16, с. 142, 149, 150].

В XVIII–XIX вв. активные деловые и брачные контакты ненцев с коми-ижемцами на Европейском Севере привели к образованию особой группы колвинских ненцев, говоривших на ижемском языке, но сохранявших ненецкое самосознание. Нанимаясь в пастухи к коми-ижемцами колвинцы перекочёвывали вместе с ними за Урал, некоторые оседали в тамошних селениях [41, с. 30, 45; 42, с. 121]. Самоеды Колвинской волости с фамилиями Хатанзей, Хатанзеев, Хатанзиев встречаются в исповедных росписях Мужевской Михайло-Архангельской церкви в конце XIX — начале XX в.¹⁰

¹⁰ ГБУТО ГАТ. Ф. И700. Оп. 1. Д. 20. Л. 13; Там же. Д. 37. Л. 20об.-21.

Запись о роде **Яңгáсов** в «Списке» иеромонаха Макария — одна из немногих, которые удалось точно соотнести с записью в другом источнике, а именно — в материалах миссии архимандрита Вениамина, крестившей ненцев Архангельской губернии в 1825–1830 гг. [16, с. 203–204]. Название этого рода с лёгкой руки А. Шренка советские этнографы стали истолковывать неверно [6, с. 44; 12, с. 37, 40, 41, 62, 82; 7, с. 111; 16, с. 148, 150, 170, 171, 203]. У Шренка написано «...с Самоедами из рода Гыйвай и **Ягаггасовой (речные люди)**, кочующие на правом берегу реки Оби, ближе к морю». Здесь же читаем о другом роде — «**Падраггасово (лесные самоеды)** кочуют около северного Урала и нижней Оби» [5, с. 562–564]. Становится очевидным, что данный автор провёл простую аналогию между двумя родами и тем, как произносятся их названия. Правильно пишется Пэдараңхасово и Яңхасово. При произношении в обоих случаях слышится носовой звук, обозначаемый на письме сочетанием букв *нг* или буквой *ң*. Название Пэдараңхасово можно перевести как «лесные люди», но, возможно, оно означает — «ненцы с реки Пэдарата (Байдарата)». Яңхасово легко переводится с ненецкого языка и означает «ненцы, живущие отдельно» [43, с. 502–503, 844].

Наши выводы о правильности написания «Яңхасово» подтверждаются даже материалами, которые исследовали советские этнографы. К примеру, В.И. Васильев, анализируя данные метрических книг Мужевской и Градо-Берёзовской церквей за 70–80-е гг. XIX столетия приводит запись «Янг-Хазова», но тут же в скобках пишет «Яхан-Хасова» [16, с. 150], считая правильным перевод Шренка «речные люди». Интересно, что в исповедных росписях той же Мужевской церкви за 1898 г. и за 1911 г. фигурируют фамилии Янгосов и Янхозов¹¹.

Если запись в списке Макария верна, то выходит, что род Янгасов является подразделением европейского лесного рода **Вэли** (у Макария — Вале́йский). Название, возможно, происходит от ненецкого слова «вэль» — «проворный, расторопный». На рубеже XVII–XVIII в. Вэли числились плательщиками ясака в Пустозерском и Ижемском ведомствах. По сравнению с родом Хэтанзи этот род был малочисленным и его семьи кочевали весьма разрозненно — в Канинской тундре, в лесной зоне на правых притоках Печоры, а также на восточных склонах Урала вместе с войкарскими самоедами [12, с. 17, 34, 44].

Как и в случае с родом Лэхэ, Вэли, кочевавшие в Канинской тундре стали делиться на патронимии уже в XVIII в. У представителей ижемских Вэли родовое название в ясачных книгах XVII в. записывали как Волей, а с XVIII в. на русский лад — Валеевы, Вале́йские. Патронимии с русифицированными фамилиями стали выделяться у ижемских Вэли только в начале XX в. [16, с. 77, 78, 80, 148]. Род Янгасов, видимо, является исключением.

В XIX в. ижемские Вэли влились в состав колвинских ненцев. Вместе с Хэтанзи и представителями других родов они периодически ходили за Урал. В материалах уже не раз упомянутой нами Мужевской церкви отмечены самоеды Колвинской волости Валеевы и Валлей¹² [16, с. 150].

¹¹ Там же. Д. 26. Л. 31об.; Там же. Д. 37. Л. 20об.-21.

¹² Там же. Д. 20. Л. 13.

Род **Харючи** (у Макария — Карачейский) на протяжении нескольких столетий был одним из крупнейших, наряду с Вануйто, экзогамным подразделением ненцев. Название рода означает «журавлиные» (от нен. «харё» — журавль). Впервые ненцы Карачей упоминаются в «Жалованной грамоте» Василия III 1525 г., о которой говорилось выше в связи с родом Лэхэ.

В XVI–XVII вв. «карачейские самоеды» кочевали к востоку от Урала, совершая периодические перекочёвки на запад, в Большеземельскую тундру, где у них возникли устойчивые брачные связи с родом Лэхэ. Начиная с XVII в. они совместно стали нападать на ясачных сборщиков, разоряли Пустозёрск, Обдорск, Мангазею [28, с. 10–11, 29–32, 56]. Подразделения у рода Харючи отмечены уже в ясачных документах XVII в. Во второй половине XVIII в., по мере увеличения у Харючи поголовья оленей, процесс разделения рода на патронимии усилился и продолжался весь XIX в. [40, с. 75; 16, с. 84–86, 108; 16, с. 86–87, 92, 164–172; 44, с. 103–104, 151].

Одним из подразделений Харючи является род **Сэротэтто** (у Макария — Серадыта, Серудета). О происхождении названия этого рода у ненцев существует предание: «Жили три брата. Оленей у них было много. Как-то они поссорились. Старший почти всех оленей забрал и стал Нгокотэта (многооленный). Средний взял белых оленей (Сэротэта), а младшему ничего не осталось, он пошёл пешком (Ядня)» [7, с. 110].

Первое упоминание родоначальника Ядня (Ядне) по имени Яур / Явор нам удалось выявить в материалах IV ревизской переписи 1783 г. по Обдорской волости. Мы сопоставили сведения о нём со сведениями из предания о происхождении этого рода, записанного нами в Антипаютинской тундре от информанта Н.Н. Ядне [44, с. 43–45]. Другие патронимии, в том числе Окотэтто и Сэротетто, также начали выделяться из рода Харючи, именно со второй половины XVIII в., что было следствием развития у ненцев крупностадного оленеводства. Однако в ясачных документах на рубеже XVIII–XIX вв. малые роды продолжали записываться в составе материнского рода.

Впервые упоминание рода Сэротэтто встречается в одной из метрических книг миссии Вениамина за 1825 г., где женой канинского самоеда Григория Ельцова значится Агафья Тобокова Сыртыта [16, с. 158]. Род Сарадата упоминается в работе А. Шренка [5, с. 562]. Затем он надолго исчезает из документов и описаний и появляется среди прочих родов в 70–80-е гг. XIX в. в документах Обдорской Петропавловской церкви о крещении «самоедов» [22, с. 220, 221, 224, 228, 230, 234, 240, 242]. В метрических книгах Мужевской церкви за 1870–80-е гг., в записях о крещении, фигурируют «самоедин» Хаттет Сартеттной ватаги и «самоедка» Пирепти-Токолива-Сердата из владения старшины Ямруиной [16, с. 169]. Последняя запись указывает на Ямру Мадарина, старшину шестой ватаги рода Харючи, отмеченного в материалах IX и X ревизий 1850 и 1858 гг. [16, с. 165]. Судя по записям в ревизиях XVIII–XIX в., имя Ямру являлось одним из родовых имён Харючи и передавалось по наследству внуку или правнуку, даже когда род стал делиться на части.

«Ямру Алетов, рода Каррачейского Серадыты, при крещении наречён Иоанн» из «Списка» Макария, в материалах VII ревизской переписи 1816 г. записан как «Емру он же Ялку Юнсин Емруев»¹³. С ним вместе записаны жена, два сына, три дочери, сноха и внук. У Макария отмечено — «семе́йствен он или нет — не показано»¹⁴.

В той же VII ревизии удалось обнаружить и Сабарея Литкова, рода Серудеты, который записан там как Хабка Хупадин, он же Суборин Литов. Его семья состояла из жены, сына и двух дочерей¹⁵.

На рубеже XIX–XX вв. основным местом летних кочевий представителей рода Сэротэтто была северо-восточная часть полуострова Ямал. Зимой они переходили Обскую губу и кочевали в параллельном направлении между р. Полуй и р. Надым [45, с. 106; 24, с. 44]. Отдельные семьи этого рода откочёвывали в Большеземельскую тундру, достигая Печоры. Скорее всего, они ходили туда в поисках невест. В метрических книгах Пустозерского прихода 1890–1900-х гг. неоднократно упоминаются роды «обдорских самоедов», среди которых и род Сэредята [16, с. 169, 203].

Как вас звать-величать?

Следующее, на чём запинаешься взглядом в «Списке» Макария, — имена, а также некоторые отчества и фамилии. Если крестильные православные имена ясны и понятны, то большинство ненецких не поддаются никакому переводу.

Под номером один записан Табак Алетов. Возможно, имя-прозвище этого ненца было «тобак» — «чулок из оленьей шкуры», потому, что для табака в ненецком языке есть своё название — «сяр».

Дальше по списку идёт «Яута Ацыпин Петин, рода Вале́йского». Здесь остановимся на отчестве / фамилии Ацыпин. Несомненно, это искажённая запись часто упоминаемой в различных документах, касающихся Европейского Севера, фамилии ненцев — Апицын [16, с. 84, 136, 147]. Имя самоеда Апицы впервые встречается в «Жалованной несудимой грамоте Канинским и Тиунским самоедам» 1545 г. царя Ивана Грозного, подтверждающей их права на владение исконными охотничьими и рыболовными угодьями [46, с. 182–184]. Его прямые потомки — Тиунские (Тиманские) «самоеды» «Ерофейко да Меншичко Апицыны» били челом о том же в 1631 г. царю Михаилу Фёдоровичу [47, с. 280–281].

По мнению Б.О. Долгих, Апицыны — это патронимия рода Вэра, который в свою очередь является подразделением европейского рода Ванюта, кочевавшего в Тиманской тундре [12, с. 13]. Более точных сведений о роде Вэра не имеется. Что касается Апицыных, то они постоянно фигурируют в качестве плательщиков ясака в ревизских переписях XVIII–XIX вв. как «самоеды Тиманского берега» [16, с. 84, 136]. Вместе с тем, Апицын из «Списка» Макария относится к роду Вэли (Вале́йский), той его части, которая была приписана к Ижемскому

¹³ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 647об.

¹⁴ ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 75об.

¹⁵ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 657об.-658.

ведомству. Для подтверждения этого факта можно привести данные информантов В.И. Васильева, утверждавших, что Апицыны «разные и не все принадлежат к роду Вэра» [16, с. 220].

Далее следуют «Век Соскин Вырцабин, рода Иувейскаго» и его замужняя дочь «Тереля Веккина Вырцабина». Именно в варианте *Вырцабин* эта фамилия записана только в материалах миссии Вениамина и в «Списке» Макария, а в ревизских переписях XVIII–XIX вв. она писалась *Верцепов*. Представители этой фамилии составляли одну из патронимий рода Нгывай (Иувейский).

Родоначальником Вырцабиных / Верцеповых В.И. Васильев считает некоего ляпинского «самоеда» Вырсамея. Если это верно, то «самоеды» Тоя, Синя и Тонгали Верцеповы, зафиксированные в материалах IV ревизии 1783 г., являются его сыновьями¹⁶ [16, с. 97]. Дочь Вырсамея, 50 лет от роду, отмеченная в той же переписи, была замужем за своим одногодком Созеем Хуйпалевым из рода Ванюта Каменной стороны. В пояснении, написанном до перечисления семьи Созея, говорится, что семья Хуйпалевых, в числе 23 человек, переведена «по указу бывшей Тобольской губернской канцелярии ис Пустозерского ведомства... для платежу в казну ясака в 782 году»¹⁷.

Женой Века Вырцабина у Макария записана «Валей Калинина Лотпина, рода Хатачейского». В данном случае, описку в названии рода мы трактуем как *Хатанзейского*, т.е. *Хэтанзи*. Представители этого рода неоднократно фигурируют среди брачных партнёров ляпинских «самоедов» в XVIII–XIX и начале XX в.¹⁸ [16, с. 203–204].

Муж Терели Вырцабиной «Высык Еулин Сейламин, рода Янгасова Валейского, при крещении наречён Матфей». Возможно, его предки платили какое-то время ясак в Куноватской волости. Попробуем обосновать эту гипотезу, оттолкнувшись от фамилии Сейламин.

В одной из легенд, записанных В.И. Васильевым, говорится о трёх братьях, пришедших платить налог в Ляпин. «Братьев звали по кличкам: Варсабий — от него пошли все Варсаповы, Сейлома (?) — от него все потомки за Уралом и Пиналей — прародитель всех Пиналеев. С той поры Пиналей и Варсаповы считаются родственниками, и браки между ними (раньше) были запрещены» [16, с. 97].

Первое, на что стоит обратить внимание — Сейлома в этом рассказе остался в стороне от «братьев». Второе — реакция интервьюера, В.И. Васильев поставил после имени Сейлома вопросительный знак. Это не удивительно потому, как потомки Сейломы (Сейломины), вроде бы, не встречаются ни в ревизских переписях, ни в метрических книгах церквей. Однако в ревизии 1783 г. по Куноватской волости имеется одна интересная запись — «Переведённые из Обдорской волости после переписи (1763 г. — Ю.К.) во оную Куноватскую волость ясашные самоедцы, где они и платёж в казну ясак платят». Далее перечисляются три бра-

¹⁶ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 22об.-23.

¹⁷ Там же. Л. 148-148об.

¹⁸ Там же. Л. 22об.-27об.

та со своими семьями: Тяра, Ляку и Няка Сея Помины. У двух братьев жёны, обе взяты у «самоедов» роду Ванюты Каменной стороны¹⁹.

На наш взгляд, Сея Помины — это и есть Сейломины. Здесь, видимо, произошло совершенно рядовое для XVIII–XIX вв. событие — описка одного из ясачных переписчиков. Скорее всего, это случилось при переводе Тяры и его семьи из одного ведомства в другое. Затем запись стала кочевать из переписи в перепись, почти в неизменном виде. Интересно, что в VI ревизии 1811 г. фамилия Тяры и его братьев записана слитно — Сеяпомины, а в VII ревизии 1816 г. написано — Тяра Сеи Помин, а у братьев приставка Сеи отсутствует²⁰. Предположим, что записи в документах переписи делались не со слов представителя этой семьи, а просто сверялись с записями прежней ревизии. Ясак, при этом, сдавался гуртом старшиной рода или ватаги.

Дальнейшую судьбу семьи Сеяпоминых / Сейломиных проследить нетрудно. Хотя и здесь не обошлось без описок переписчиков. Например, в материалах IX ревизии 1851 г. среди некрещённых куноватских «самоедов» Сынского городка отмечен сын Тяры Сея Помина — Сель Тярин. В X переписи 1858 г. сыновья Селя — Сей, Япта и Няви записаны под фамилией Тояровы, а Япта ещё и крещён под именем Никон. В материалах Мужевской церкви за 1886 г. среди куноватских ненцев встречается Никон Алексеев Тяйра²¹ [16, с. 172–173].

Фамилия Сеяпомин / Сейломин / Сейламин в чистом виде больше нигде не встречается. Зато в документах Обдорской церкви за 1876 г. упоминается сын Высыка-Матфея Сейламина. В одном из них говорится, что по указу Его императорского величества, самодержца всероссийского, Святейший правительствующий Синод преподал «самоедину и старшине» Стефану Матфееву Янгасову благословение, с выдачей ему печатного от консистории свидетельства за передачу в Обдорскую Петропавловскую церковь «13 и в Обдорскую миссию 12 оленей стоимостью более 100 рублей» [22, с. 219]. Был ли сам Стефан Янгасов богатым оленеводом или, пользуясь правами старшины, он собрал оленей у членов своей ватаги, доподлинно не известно.

Последняя фамилия, удостоенная нашего внимания, принадлежит жене Сабарея Литкова, рода Карачейского Серудеты. Звали её «Натя Карачеева Двойникова». Двойниковы — это одна из патронимий рода Тысяя, кочевавшего в Канинской тундре. Об этом свидетельствуют материалы V ревизской переписи 1795 г. по Европейскому Северу и записи миссии Вениамина 1825 г. В том, что канинская ненка Натя Двойникова является женой «самоеда» Каменной (Приуральско-Ямальской) стороны из рода Сэротэтто нет ничего необычного. Свидетельства священников и метрические книги Пустозерского и Куйского приходов второй половины XIX в. содержат сведения об обдорских «самоедах», в том числе из рода Сэротэт-

¹⁹ Там же. Л. 2об.

²⁰ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 289. Л. 1098; Там же. Д. 404. Л. 314об.-315.

²¹ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 756. Л. 224об.; ГБУТО ГАТ. Ф. И700. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

то, достигавших Печоры и Тиманской тундры [16, с. 84, 138, 203]. Вероятно, подобные перекочёвки случались и раньше.

Теперь обратим внимание на самоедов из «Списка» Макария, которые, судя по именам, были крещены дважды. Женой Табака Алетова записана «**Анна** Хойцева, рода Леокойскаго; при крещении наречена **Мария**». Перекрещены были и несколько других ненцев. Например, четверо детей Табака и Анны: «Офонка, при крещении наречён Иоанн; Васка, при крещении наречён Феодор; Ванка, при крещении наречён Михаил, Марина, при крещении наречена Васса. А вот дети из других семей: Анка, при крещении наречена Анна; Луфа (возможно, Луша, Лукерья?), при крещении наречена Марина. И, наконец, упомянутая выше, Ната Карачеева Двойникова, при крещении наречена Анастасия.

Как следует из заглавия, все эти ненцы были крещены миссией Вениамина в 1826 г. Самому младшему из перекрещённых, Ванке-Михаилу было в том году всего 6 лет, а старшей, Анне-Марии — 37 лет. Из этого следует, что первое крещение они приняли не позднее 1820–21 гг. И произошло это, возможно, в Сосвинской Христорождественской церкви Градо-Берёзовского ведомства, священники которой окормляли паству в Сосвинской и Ляпинской волостях. Исключение здесь составляет Ната Двойникова, которая была крещена, скорее всего, в каком-то приходе, расположенном поблизости от Канинской тундры.

«...в Куноватской и в Ляпинской по небольшому числу, а родами не именуется»

Всю группу ненцев, оказавшихся в «Списке» Макария, можно отнести к «войкарской самояди». В научной литературе этим термином обозначают ненцев, постоянно или периодически вносивших ясак в Войкарском городке, стоявшем на р. Ляпин. Основу этой общности, как говорилось выше, составляли ненцы Куноватской и Ляпинской волостей. Эпизодически, для сдачи ясака и выбора невест, сюда прикочёвывали европейские и обдорские ненцы.

Относительно родового состава «войкарской самояди» у исследователей не сложилось единого мнения. Например, Б.О. Долгих обоснованно предполагал, что «европейские лесные ненцы Пустозёрского уезда и войкарские лесные ненцы Берёзовского уезда ещё в XVII в. представляли собой одну этнографическую общность лесных самодийцев, лишь разделённую по местам уплаты ясака и административной принадлежности» [12, с. 33–34]. Н.А. Миненко, опираясь на ряд архивных документов, считает, что «едва ли не основная масса ляпинских и куноватских ненцев сформировалась из европейских переселенцев» [13, с. 137]. Интересная запись имеется в одном из документов 1782 г. — «...в Куноватской и в Ляпинской по небольшому числу, а родами не именуется, потому что из вышеписанных же родов Каменной стороны отделившиеся» [8, с. 94].

В.И. Васильев, критически отнёсшийся к мнениям коллег, высказал свою, на наш взгляд, слабо аргументированную версию, полагая, что «наиболее вероятно рассматривать ляпинских и куноватских «самоедов» как осколок этнической общности, возникшей на склонах Урала в процессе продвижения предков ненцев на север Сибири». При этом он опирался

на работы А. Регули и А. Шренка, не являющиеся полноценными этнографическими исследованиями [16, с. 98].

Скорее соглашаясь с доводами Б.О. Долгих и Н.А. Миненко, мы не можем принять точку зрения В.И. Васильева. По нашему мнению, «Повесть временных лет» прямо указывает, что самодийские предки ненцев уже в XI в. перевалили через Уральские горы и продвинулись к восточному берегу Печоры [29, с. 150–151]. Остановить их движение на запад могли только непреодолимые препятствия — море или непроходимые горы.

Русским маршруты переходов через Урал стали известны примерно с середины XIV в. [31, с. 64–65]. К началу XIX в. жители Западного и Восточного Приуралья знали, как минимум, девять сухопутных переходов и семь водных путей через Уральские горы, которыми пользовались при необходимости в разные сезоны года, переходя с одной стороны на другую и обратно [3, с. 171–175].

Документы XVII в. свидетельствуют, что уже в то время путь «через Камень» не представлял особых затруднений, чем активно пользовались «гулящие люди», контрабандой перевозившие меха из Сибири на Русь. В отписке Тобольских воевод, датируемой 1633 г., повествуется о том, как «воровские люди человек сорок» разгромили на р. Иртыш ниже Самаровских гор (вблизи нынешнего г. Ханты-Мансийск) отряд письменного головы Петра Айгустова, шедшего в Обдорск для сбора государевой десятинной пошлины. Посланный из Берёзова на Собскую заставу для поимки разбойников отряд служилых людей не нашёл их. Беглые объехали заставу выше вотчины остяцкого князя Алачева (вероятно по р. Войкар). Воеводы послали гонцов в Казань и в Соль Камскую с письмами к тамошним боярам и воеводам *«чтоб они о тех беглых людех велели учинить заказ крепкой и на Волгу б их и на Дон не пропустить»*. Настигнуть и побить разбойников удалось Мангазейскому стрелецкому сотнику Алексею Шафрану, шедшему в Сибирь с торговыми промышленными людьми по р. Уса (приток р. Печора) [48, с. 121–122, 124–126].

Другой документ представляет особую важность для нашего исследования, поскольку, среди прочего, показывает один из путей формирования «войкарской самоеди». Это «Грамота в Берёзов воеводе Петру Черкасскому о торговле русских с самоедами в Берёзовском уезде» 1607 г. В ней говорится о поимке в Обдорске торговцев из Пустозёрска, не имевших при себе проезжих грамот от приказных людей. На допросе в Берёзове пустозёрцы рассказали, *«что ездят они из Пустозера х кунной самоеди для своих старых долгов»*. Держать в Берёзове этих торговцев не стали, взяли с их пушного товара десятинную пошлину и отпустили в Пустозёрск [49, с. 234–235].

Далее в грамоте идёт развёрнутый рассказ о проблемах, которые создают перекупщики пушнины сборщикам государева ясака — *«...приезжают пустозёрцы в Берёзовский уезд по вся годы многие люди и ходят Печорою рекой в судех с великими товары, а с Печоры на Усу реку под Камень, в Роговой городок, и тут они осенют; а как дорога станет, и к ним приезжают пустозёрская каменная самоедь, их знакомцы и други, и та пустозёр-*

ская самоедь у тех торговых людей наимаются и товары их возят за Камень по тундрам к ясашной х кунной самоеди, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и Казым; а иные многие свои товары меняют за Каменем, на Усе реке, в Роговом городке; а сами торговые люди пустозёрцы ездят за товары своими с каменною самоедью на оленях и, не допуская кунную самоедь к ясатчиком на Обдор, и в Казым, и в Куноват, с ними торгуют воровством прежде нашего ясаку и сваживают их за Камень, на Усу реку, в Роговой острог; и многая де самоедь, с теми пустозёрцами исторговався и не платя нашего ясаку, отъезжает назад по тундрам, а иная самоедь отъезжают к пустозёрцам за Камень и торгуют на Усе, в Роговом городке; и от тех де пустозёрцев от торговых людей, от их воровства, по вся годы чинится в казне ясаку недобор, а десятинную пошлину многую торговые люди провозят» [49, с. 235–236].

Из этого рассказа видно, что формированию «войкарской самоеди» определённым образом способствовали русские «гулящие люди». В XVII в. (возможно и раньше) они организовали самовольную торговлю с приуральскими «самоедами». Подружившись с ненцами, кочевавшими по притокам Печоры, они доверяли им свои товары, которые те везли через Урал и обменивали на пушнину у ненцев, кочевавших на притоках Оби, Надыма и Пура. Некоторые русские сами ездили на оленях с пустозёрскими ненцами и приводили войкарских и сибирских лесных ненцев с товарами на р. Усу. Можно с уверенностью сказать, что периодические торговые контакты европейских и сибирских ненцев приводили к возникновению устойчивых брачных связей между ними. Некоторые ненцы переходили на оседлый образ жизни в селениях европейской части, а некоторые — в сибирской.

В ясачных книгах конца XVII — начала XVIII в. в составе войкарских ненцев, вместе с Сыневской и Ляпинской «самоедью», отмечены роды европейских ненцев Тыся, Лохей, Вале, Ванюта, группа обдорской и пустозёрской «самоеди» без указания родов, а также отдельные представители сибирских тундровых ненцев родов Лодокуй, Адер, Карачея, Сигуней [15, с. 34]. В «Списке» Макария записаны европейские ненцы родов Вале, Тысь, Лэхэ, Хэтанзи, приуральского Нгывай и сибирских тундровых Тусида и Сэротэтто. Как видно, состав «войкарской самоеди» с конца XVII до начала XIX в. оставался достаточно подвижным, хотя и сформировался её основной костяк.

Подвижность в разные отрезки времени была вызвана разными причинами. В конце XVII — первой половине XVIII в. местные власти старались упорядочить торговлю с «самоедами» и сбор ясака, а некоторые ненцы, в свою очередь, пытались избежать сплошного контроля над ними. Со второй половины XVIII в. тундровые ненцы стали наращивать поголовье оленей, получив возможность совершать перекочёвки на далёкие расстояния, в том числе и за Урал. К этому добавляются и возникавшие периодически эпидемии оспы, последняя из которых, близкая по времени к «Списку» Макария, произошла в Западной Сибири в 1816 г. и частично затронула Европейский Север [16, с. 140–141].

Дальнейшая судьба «войкарской самоеды» тесно переплетается с народами, жившими в непосредственной близости. Постепенно расширявшиеся в XIX в. брачные контакты куноватских ненцев с хантами, коми и русскими привели к ассимиляции и утрате большинством из них ненецкого самосознания. Как одна из территориальных групп ненецкого народа куноватские ненцы перестали существовать уже в первые десятилетия XX в. [15, с. 129]. Ляпинские ненцы забыли родной ненецкий язык, но сохраняли самосознание, ещё во второй половине XX в. отличая себя от соседей — коми и манси [14, с. 20].

О родах и патронимиях

Указанные в «Списке» Макария ненецкие роды и патронимические фамилии позволяют критически взглянуть на выводы некоторых исследователей о процессах формирования родовой системы у ненцев. К примеру, по мнению В.И. Васильева, «процесс осознания ватагами своей социальной значимости или, выражаясь иначе, оформления их в общественном сознании в малые роды» падает на 70–90-е гг. XIX в. [16, с. 158, 169]. Здесь, на наш взгляд, автор опровергает сам себя, некорректно обобщая материалы собственных исследований. Действительно, по ревизским переписям XVIII–XIX вв. можно представить себе, что у ненцев в этот период существовали большие неразделённые роды. Только во второй половине XIX в. в ревизиях показано деление родов на безымянные ватаги.

С другой стороны, сведения из метрических книг и исповедных росписей, известия путешественников, чиновников и исследователей первой половины XIX в., на которые В.И. Васильев неоднократно обращает внимание [16, с. 37, 79, 84, 92, 97, 138, 141, 142, 147–155, 169–175, 184], говорят о другом. Патронимии (или малые роды) у ненцев стали выделяться из больших родов со второй половины XVIII в. по мере развития крупностадного оленеводства на Европейском Севере и в Западной Сибири. В западных тундрах патронимии крещёных ненцев получили русифицированные фамилии. Приуральско-ямальских и надымско-тазовских некрещёных ненцев продолжали записывать в ясачных документах по принадлежности к основному, материнскому роду. Одним из примеров служит упоминавшийся выше самоед из «Списка» Макария «Сабарей Литков, рода Карачейского Серудеты», который записан в VII ревизии 1816 г. и никак не выделяется из состава рода Карачей Каменной стороны. Кроме этого, «Список» подтверждает, что такие роды как Тусида и Янгасов существовали уже в начале XIX в.

Заключение

В нашем исследовании мы попытались подробно рассмотреть «Список самоедов», составленный тобольским миссионером иеромонахом Макарием (Михаилом Остальским-Боголеповым). В итоге удалось установить, что сведения, отражённые в нём, относятся к 1826 г. Здесь записаны ненцы, крещённые миссией архимандрита Вениамина, работавшей в 1825–30 гг. на севере Архангельской губернии. Судя по фамилиям и названиям родов, одни из них относились к куноватским и ляпинским ненцам, другие — к европейским тундровым

и лесным, третьи — к обдорским тундровым. Некоторых ненцев крестили дважды, первый раз, возможно, в Ляпинской волости Берёзовского уезда Тобольской губернии. Результаты анализа особенностей родового и фамильного состава ненцев из «Списка» позволяют отнести их к обособленной территориальной группе «войкарской самоеди». Ясак они платили там, где было удобно — в Пустозёрске, Обдорске или в Войкарском городке. Иеромонаху Макарию не удалось отыскать семьи этих «самоедов» (кроме одной) и узнать, в какой волости они теперь находятся и к какому церковному приходу приписаны. Этому мешала подвижность этих семей. В силу различных обстоятельств они периодически совершали перекочёвки с восточной стороны Уральских гор на западную и обратно.

Выводы о родовой принадлежности «самоедов» из «Списка» Макария позволили сделать важные замечания и уточнения, касающиеся как происхождения отдельных родов и фамилий, так и ненецкой родовой системы в целом. В частности, удалось подтвердить, что деление больших родов на патронимии началось во второй половине XVIII в., а не столетием позже, как предполагали некоторые исследователи.

«Список самоедов» иеромонаха Макария является показателем того, насколько важно исследователям обращать внимание на малозначимые, на первый взгляд, документы для расширения горизонтов исследования и составления как можно более полного представления об изучаемых предметах и объектах.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400143-4.

Таблица 1

Список Самоедов Березовского Округа, крещенных в бывшую в Архангельской Губернии миссию 1826-го года

Число		Кто именно?	Каких от роду лет	Какого округа и какой волости	Где теперь находятся и к какому Христианскому обществу причислены
Мужеска	Женска				
1.	1.	Табак Алетов, рода Тускды, скольких он лет и как ему имя дано при крещении, не показано в его скаске Жена Анна Хойцева, рода Леокойскаго; при крещении наречена Мария, от роду ей Дети ея:	37	Березовского округа Обдорской волости	Сие семейство отыскано; и теперь находится в Обдорской волости, но к обществу Христиан не причислено; а по сему, со времени их крещения Церкви Божией они не знают и живут как бы некрещенные
2.		Офонка; при крещении наречён Иоанн	12		
3.		Васка; при крещении наречён Феодор	8		
4.		Ванка; при крещении наречён Михаил	6		
	2.	Марина; при крещении наречена Васса	11		
5.		Яута Ацыпин Петин, рода Валейскаго; при крещении наречён Александр	26	Березовского округа, но	Где они теперь находятся, не известно;
	3.	Жена его Негей Гымуева, рода Тысьй; при крещении наречена Васса	23	какой волости	но об отыскании их
	4.	Дочь их Тужита; при крещении наречена Анна	1	в скаске их не показано	местное начальство прилагает старание
6.		[Л. 75об.] Век Соскин Вырцабин, рода Иувейскаго; при крещении наречён Авраимий	60	Все сие семейство	Где они теперь находятся, не известно;
	5.	Жена его Валей Калинина Лотпина, рода Хатачейскаго; при крещении наречена Феврония Дети их:	50	Березовского округа, но	но об отыскании их
	7.	Хасов; при крещении наречён Андрей	15	какой волости не известно	местное начальство прилагает старание

8.		Хазовомбой; при крещении наречён Иоанн	5		
9.		Суст; при крещении наречён Петр	1		
6.		Анка; при крещении наречена Анна — сколько от роду лет не показано			
7.		Луфа; при крещении наречена Марина — сколько от роду ей лет не Показано			
10.		Зять его Высык Еулин Сейламин, рода Янгасова Валеяского; при крещении наречён Матфей	25		
8.		Жена его Тереля Веккина Вырцабина, рода Иувейского; при крещении наречена Марфа	20		
9.		Дочь их Кирикта; при крещении наречена Анна	1		
11.		Ямру Алетов, рода Карачейского Серадыты; при крещении наречён Иоанн. Семействен ли он или нет — не показано	55	Березовского округа Обдорской волости	Но где находится не известно
12.		[Л. 76] Сабарей Литков, рода Карачейского Серудеты; при крещении наречён Никита	59	Березовского округа	Но где теперь находятся не известно
10.		Жена его Натя Карачеева Двойникова; при крещении наречена Анастасия	45	Обдорской волости	

Миссионер Иеромонах Макарий

Литература

1. Темплинг В.Я. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.). Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 328 с.
2. Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Тип. Мин. Гос. имуществ, 1847. 142 с.
3. Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского Географического Общества, Академику П.И. Кеппену, от 21 января 1847 г. // Записки РГО. Кн. III. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. Канцелярии, 1849. С. 160–175.
4. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник ИРГО. СПб.: Тип. Э. Праца, 1855. Ч. 14. С. 77–140.
5. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. 665 с.
6. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. № 2. 1939. С. 43–65.
7. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.
8. Андреев А.И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцах» // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–103.
9. Колычева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века // Советская этнография. 1956. № 2. С. 76–88.
10. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.
11. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 236 с.
12. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.
13. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
14. Васильев В.И. Ляпинские ненцы. Этническая судьба одной самодийской группировки (предварительное сообщение) // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972. г. М.: ИЭА АН СССР, 1974. С. 12–20.
15. Васильев В.И. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: ТГУ. 1978. С. 118–130.
16. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
17. Ruttkay-Miklan E. Antal Reguly's Data on the Ural Nenets // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2018. № 2. С. 84–110.
18. Теодорович Н.И. Волынская духовная семинария. История первоначального устройства ея и подведомственных ей духовных училищ. Почаев: Тип. Почаевской Успенской лавры, 1901. 1024 с.
19. Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
20. Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука. 1979. С. 12–28.
21. Шемановский И.С. Избранные труды. Т. 2. М.: Советский спорт, 2011. 328 с.
22. Темплинг В.Я. Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II. Петропавловская церковь (1824–1894). Ч.1. Тюмень, 2007. 304 с.
23. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб.: 1911. 431 с.
24. Дунин-Горкавич А.А. Сведения о ненецких родах и ватагах, численности ясачных душ по Обдорской инородной управе на 1 января 1915 г. // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. документов. Тюмень, 1994. С. 43–45.
25. Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1913. 400 с.
26. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.

27. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 234 с.
28. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2004. 200 с.
29. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
30. Напольских В. Йогра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 240–268.
31. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 4. IV; V: Новгородская и Псковская летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. 360 с.
32. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 томах. Т. 1. М.: Просвещение, 1982. 287 с.
33. Васильев В.И. Ненцы. Энци // Народы Сибири и Севера России в XIX в. (этнографическая характеристика). М.: ИЭА РАН, 1994. С. 29–62.
34. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов и их житейских обычаев, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. III. О народах Самоедских, Манджурских и Восточных Сибирских как и о Шаманском Законе. СПб.: Тип. Имп. АН, 1799. 116 с.
35. Лепёхин И.И. Путешествие академика Ивана Лепёхина. Часть IV. В 1772 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1805. 463 с.
36. Васильев В.И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 48–81.
37. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд. Томского университета, 1998. 136 с.
38. Шухов И.Н. Общий обзор бассейна реки Таза. Ачинск: Тип. К.Ф. Крестникова, 1915. 43 с.
39. Городков Б.Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири. М., 1926. 64 с.
40. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 662 с.
41. Хомич Л.В. Современные этнические процессы на севере Европейской части СССР и Западной Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 28-61.
42. Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука. 1970. С. 103–153.
43. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 942 с.
44. Квашин Ю.Н. Гыданские ненцы: история формирования современной родовой структуры (XVIII-XX вв.). М.-Тюмень, 2003. 186 с.
45. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. 78 с.
46. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.
47. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 3. 1613–1645. 518 с.
48. Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVI-XVIII вв. // Уральский исторический вестник, 1994. № 1. С. 121–132.
49. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 630 с.

References

1. Templing V.Ya. *“I zdes' poyavlyatsya zarya khristianstva...”* (Obdorskaya missiya 30-e — 80-e gg. XIX v.) [“And here comes the dawn of Christianity ...” (Obdorsk mission of the 30 — 80 of the XIXth century)]. Tyumen', Mandr i K^a Publ., 2003, 328 p. (In Russ.)
2. Islavin V. *Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu* [Samoyeds in home and public life]. St. Petersburg: Ministestva Gosudarstvennykh imushchestv Publ., 1847, 142 p. (In Russ.)

3. *Perevod pis'ma vengerskago puteshestvennika g-na Reguli k chлену Russkago Geograficheskago Obshchestva, Akademiku P.I. Keppenu, ot 21 yanvarya 1847 g.* [Translation of the letter of the Hungarian traveler Mr. Reguli to the member of the Russian Geographic Society, Academician P.I. Köppen, dated January 21, 1847]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1849, pp. 160–175 (In Russ.).
4. Veniamin, arhimandrit. *Samoedy mezenskie* [Mezen Samoyeds]. Vestnik IRGO Publ., Part 14. St. Petersburg, 1855, pp. 77–140. (In Russ.)
5. Shrenk A. *Puteshestvie k severo-vostoku Evropeyskoy Rossii chrez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram* [Journey to the northeast of European Russia through the tundras of the Samoyeds to the northern Ural mountains]. St. Petersburg, G. Trusov Publ., 1855, 665 p. (In Russ.)
6. Verbov G.D. *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Remnants of the tribal system of the Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, 1939, no. 2, pp. 43–65.
7. Khomich L.V. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii nentsev*. [Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Nenets]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 190 p. (In Russ.)
8. Andreev A.I. "Opisaniya o zhizni i uprazhnenii obitayushchikh v Turukhanskoy i Berezovskoy okrugakh raznogo roda yasachnykh inovertsakh" ["Descriptions of the life and exercise of yasak people of different faiths living in the Turukhansk and Berezovsky districts"]. *Sovetskaya etnografiya*, 1947, no. 1, pp. 84–103.
9. Kolycheva E.I. *Nentsy Evropeiskoi Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka* [Nenets of European Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century]. *Sovetskaya etnografiya*, 1956, no. 2, pp. 76–88.
10. Sokolova Z.P. *Obskie ugry (khanty i mansi)* [Ob Ugrians (Khanty and Mansi)]. *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 8–47.
11. Martynova E.P. *Ocherki istorii i kultury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: IEA RAS, 1998. 236 p. (In Russ.).
12. Dolgikh B.O. *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 269 p. (In Russ.)
13. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII — pervoy polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 308 p. (In Russ.)
14. Vasil'ev V.I. *Lyapinskie nentsy. Etnicheskaya sud'ba odnoy samodiyskoy gruppirovki (predvaritel'noe soobshchenie)* [Lyapin Nenets. Ethnic fate of one Samoyedic group (preliminary report)]. *Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh* [New in ethnographic and anthropological research]. Moscow, IEA AS USSR, 1974, pp. 12–20. (In Russ.)
15. Vasil'ev V.I. *Kunovatskie nentsy: opyt etnicheskoy rekonstruktsii* [Kunovat Nenets: the experience of ethnic reconstruction]. *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoy Sibiri*. [Ethnocultural phenomena in Western Siberia]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1978, pp. 118–130. (In Russ.)
16. Vasil'ev V.I. *Problemy formirovaniya severo-samodiyskikh narodnostey* [Problems of formation of the North-Samoyed peoples]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 243 p. (In Russ.)
17. Ruttkay-Miklan E. *Antal Reguly's Data on the Ural Nenets*. *ETNOGRAFIYA*, 2018, no. 2, pp. 84–110.
18. Teodorovich N.I. *Volynskaya dukhovnaya seminariya. Istoriya pervonachal'nago ustroystva eya i podvedomstvennykh ey dukhovnykh uchilishch* [Volyn Theological Seminary. The history of the original device of her and subordinate to her spiritual schools]. Pochaev, Pochaevskoi Uspenskoi lavry Publ., 1901, 1024 p. (In Russ.)
19. Unbegaun B. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989, 443 p.
20. Khomich L.V. *Vliyanie khristianizatsii na religioznye predstavleniya i kul'ty nentsev* [Influence of Christianization on religious ideas and cults Nenets]. *Khristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism among the indigenous people of Siberia (the second half of the XIX — early XX centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 12–28. (In Russ.)
21. Shemanovskiy I.S. *Izbrannyye trudy* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 2011, 328 p. (In Russ.)

22. Templing V.Ya. *Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh. Vyp. II. Petropavlovskaya tserkov' (1824–1894). Ch.1. Tyumen'* [Obdorsk Churches: chronicle in the documents. Issue II. Peter and Paul Church (1824–1894). Part 1]. Tyumen', 2007, 304 p. (In Russ.)
23. Patkanov S.K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev. T. 2. Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseyskaya gub.* [Statistical data showing the tribal composition of the Siberian population, language and clans of foreigners. Vol. 2. Tobolsk, Tomsk and Yenisei Province.]. St. Petersburg, 1911, 431 p. (In Russ.)
24. Dunin-Gorkavich A.A. *Svedeniya o nenetskikh rodakh i vatagakh, chislennosti yasachnykh dush po Obdorskoy inorodnoy uprave na 1 yanvarya 1915 g.* [Information on the Nenets clans and trophies, the number of yasak souls in Obdorsk foreign administration as of January 1, 1915]. *Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.)*. [Fates of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of nation-building. 1822–1941)]. Tyumen', 1994, pp. 43–45. (In Russ.)
25. Zhitkov B.M. *Poluostrov Yamal* [Yamal Peninsula]. St. Petersburg: M. Stasiulevich Publ., 1913, 400 p. (In Russ.)
26. Evladov V.P. *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu* [On the tundra of the Yamal to the White Island]. Tyumen', Tyumen Scientific Centre SB RAS, 1992, 281 p. (In Russ.)
27. *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti. T. XII. Tobol'skiy okrug* [The list of settlements of the Ural region. Vol. XII. Tobolsk District]. Sverdlovsk: Izd. orgotdela Uraloblispolkoma, Uralstatupravleniia i okruzhnykh ispolkomov Publ., 1928, 234 p. (In Russ.)
28. Vershinin E.V., Vizgalov G.P. *Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII veke. Sb. dokumentov* [Obdorsk region and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents.]. Ekaterinburg, Tezis Publ., 2004, 200 p. (In Russ.)
29. *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 512 p. (In Russ.)
30. Napol'skikh V. *Yogra. (Rannie obsko-ugorsko-permskie kontakty i etnonimiya)* [Yogra. (Early Ob-Ugrian-Perm contacts and ethnonymy)]. *Antropologicheskii forum*, no. 3, 2005, pp. 240–268. (In Russ.)
31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiiy. T. 4. IV. IV; V: Novgorodskaya i Pskovskaya letopisi* [The complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archeographic Commission. Vol. 4. IV; V: Novgorod and Pskov Chronicles]. St. Petersburg, E. Prats Publ., 1848, 360 p. (In Russ.)
32. Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. V 5 tomakh. Tom 1.* [Essays on the history of geographical discoveries. In 5 volumes. Vol. 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 287 p. (In Russ.)
33. Vasil'ev V.I. *Nentsy. Entsy* [Nenets. Enets]. *Narody Sibiri i Severa Rossii v XIX v. (etnograficheskaya kharakteristika)* [Peoples of Siberia and the North of Russia in the XIX century (ethnographic characteristic)]. Moscow, IEA RAS, 1994, pp. 29–62. (In Russ.)
34. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom Gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, odezhd, zhilishch, veroispovedaniy i prochikh dostopamyatnostey. Ch. III. O narodakh Samoedskikh, Mandzhurskikh i Vostochnykh Sibirskikh kak i o Shamanskom Zakone.* [Description of all the people living in the Russian State and their everyday rituals, clothing, housing, religions and other monuments. Part III. About the Samoyed, Manjur and East Siberian peoples as well as the Shaman Law]. St. Petersburg, Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1799, 116 p. (In Russ.)
35. Lepekhin I.I. *Puteshestvie akademika Ivana Lepekhina. Chast IV. V 1772 g.* [Journey of Academician Ivan Lepekhin. Part IV. In 1772]. St. Petersburg, Imp. AN Publ., 1805, 463 p. (In Russ.)
36. Vasil'ev V.I. *Nentsy i entsy* [Nenets and Enets]. *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 48–81. (In Russ.)
37. Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk, Tomskiyi university Publ., 1998, 136 p. (In Russ.)
38. Shukhov I.N. *Obshchiy obzor basseyna reki Taza* [General overview of the basin of the Taz River]. Achinsk, K.F. Krestnikov Publ., 1915, 43 p. (In Russ.)
39. *Gorodkov B.N. Kratkiy ocherk naseleniya kraynego severo-vostoka Zapadnoy Sibiri* [A brief sketch of the population of the Far northeast of Western Siberia]. Moscow, 1926, 64 p. (In Russ.)

40. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. Moscow, Nauka Publ., 1960, 662 p. (In Russ.)
41. Khomich L.V. *Sovremennye etnicheskie protsessy na severe Evropeyskoy chasti SSSR i Zapadnoy Sibiri* [Modern ethnic processes in the north of the European part of the USSR and Western Siberia]. *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 28–61. (In Russ.)
42. Sokolova Z.P. *Sotsial'naya organizatsiya obskikh ugrov i sel'kupov* [The social organization of the Ob Ugrians and Selkup]. *Obshchestvennyy stroy u narodov Severnoy Sibiri* [Social order among the peoples of Northern Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 103–153. (In Russ.)
43. Tereshchenko N.M. *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1965. 942 p. (In Russ.)
44. Kvashnin Yu.N. *Gydanskie nentsy: istoriya formirovaniya sovremennoy rodovoy struktury (XVIII-XX vv.)* [Gydan Nenets: the history of the formation of the modern clan structure (XVIII-XX centuries)]. Moscow-Tyumen', 2003, 186 p. (In Russ.)
45. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, ee estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobolsk North. General overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population], St. Petersburg, V. Kirshbaum Publ., 1904, 78 p. (In Russ.)
46. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspedi-tsieyu imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1836, vol. 1, 1294–1598, 548 p. (In Russ.)
47. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspedi-tsieyu imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1836, vol. 3, 1613–1645, 518 p. (In Russ.)
48. Akishin M.O. *Novye dokumenty ob otnoshenii aborigenov Severa Zaural'ya k russkim vlastyam. XVI-XVIII v.* [New documents on the attitude of the aborigines of the North of the Urals to the Russian authorities. XVI-XVIII centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 1994, no. 1, pp. 121–132.
49. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, "Vostochnaya literatura" Publ., RAS, 2000, vol. II, 630 p. (In Russ.)

УДК 325.14(481)(470.1/.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ *

© ПАНИКАР Марина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: m.panikar@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© СОКОЛОВА Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© ШАПАРОВ Александр Евгеньевич, доктор политических наук, профессор

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© ЗОЛОТАРЕВ Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина, Сыктывкар, Россия

© КАПИЦЫН Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор

E-mail: kapizin@yandex.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Важным компонентом в структуре иммиграционной политики развитых стран выступает интеграция мигрантов. Политика интеграции мигрантов направлена на решение проблем адаптации, инкультурации, трудовой мобильности, натурализации, политического участия. Интеграция представляет собой реципрокный процесс, который предполагает взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Политика интеграции направлена на формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества страны-реципиента. Провалы политики интеграции неизбежно повышают конфликтный потенциал принимающего общества, ведут к социальной эксклюзии, маргинализации мигрантов и росту ксенофобии. Статья посвящена сравнительному анализу политики интеграции двух северных стран — Норвегии и России. Норвегия имеет большой опыт реализации политики интеграции мигрантов, занимает лидирующие позиции в индексе интеграции мигрантов MIPEX. Россия, хотя и обладает большим опытом инкорпорации различных этносов в состав национального государства, однако решение проблем интеграции и адаптации мигрантов долгое время игнорировались государством. Цель исследования: проанализировать национальные модели и практики интеграции и адаптации мигрантов. Методология исследования основана на использовании методов демографии, социологии, политологии, права, миграционной статистики. Для сравнительного анализа иммиграционных политик Норвегии и России использован комплекс индикаторов, отражающих качество и состояние политики интеграции мигрантов, MIPEX (рынок труда, воссоединение семей, долгосрочное пребывание, политическое участие, защита от дискриминации, натурализация). Сделан вывод, что политика интеграции мигрантов в России должна иметь различные объекты регулирования, быть дифференцирована по целям и задачам.

Ключевые слова: иммиграционная политика, интеграция мигрантов, натурализация, Россия, Норвегия.

* Для цитирования:

Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., Золотарев О.В., Капицын В.М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 119–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

For citation:

Panikar M.M., Sokolova F.Kh., Shaparov A.E., Zolotarev O.V., Kapitsyn V.M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 119–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis

© Marina M. PANIKAR, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: m.panikar@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Flera Kh. SOKOLOVA, Dr. Sci. (Hist.), Professor

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Alexander E. SHAPAROV, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Oleg V. ZOLOTAREV, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Syktyvkar State University named after P. Sorokin, Syktyvkar, Russia

© Vladimir M. KAPITSYN, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: kapizin@yandex.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Abstract. An essential component in the structure of the immigration policy of developed countries is the integration of migrants. The integration policy for migrants is aimed at solving the issues of adaptation, inculturation, labor mobility, naturalization, and political participation. Integration is a reciprocal process which involves the interaction of migrants and the host society. The integration policy goal is the formation of migrants' qualities and competencies that allow them to participate in the economic, social, political, and spiritual spheres of the recipient country. The failure of integration policies inevitably increases the conflict potential of the host society, leads to social exclusion, marginalization of migrants, and an increase in xenophobia. The article is devoted to the comparative analysis of the integration policy of the two Northern states — Norway and Russia. Norway has extensive experience in implementing the integration policy, occupies a leading position in the index of integration of migrants MIPEX. Russia has extensive experience in the incorporation of various ethnic groups into a national state, but the state has long ignored the solution of issues of integration and adaptation of migrants. The study aims to analyze national models and practices of integration and adaptation of migrants. The research methodology is linked to the methods of demography, sociology, political science, law, and statistics. For the comparative analysis of the immigration policies of Norway and Russia, a set of indicators reflecting the quality and status of the integration policy, MIPEX (labor market, family reunification, long-term stay, political participation, protection against discrimination, naturalization) was applied. It is concluded that the policy of integration in Russia should have different objects of regulation, be differentiated by goals and objectives.

Keywords: *immigration policy, integration of migrants, naturalization, Russia, Norway.*

Введение

Интеграция мигрантов в общество страны-реципиента выступает системообразующей основой иммиграционной политики. По нашему мнению, извлекать пользу от приёма иммигрантов способны лишь страны, обладающие работающими механизмами натурализации, аккультурации и адаптации мигрантов, обеспечивающие включение мигрантов в принимающее общество, не нарушая системообразующих основ его идентичности. Следует отметить, что процесс интеграции предполагает взаимодействие как минимум трёх сторон: принимающего общества, мигрантов и государства. Каждая из сторон внутренне дифференцирована, имеет как совпадающие, так и несовпадающие цели, вследствие чего процесс интеграции приобретает рискогенный характер и проблемные точки. В частности, мигранты являются выходцами из разных стран (имеющих общее историческое прошлое и не имеющих), они

подразделяются на временных и постоянных; на трудовых, по линии воссоединения семей, репатриантов и беженцев. Государство как главный актор иммиграционной политики включает политический уровень — национальный, региональный, а в случае Евросоюза и наднациональный, и неполитический — муниципальный. Принимающее общество составляют большие и малые социальные группы и институты — образовательные, религиозные, экономические, работодатели, диаспоры и т.д. Как вывод: политика интеграции мигрантов представляет собой многоуровневый процесс, должна иметь различные объекты регулирования, следовательно, и стратегии, быть дифференцирована по целям и задачам. Провалы политики интеграции неизбежно повышают конфликтогенный потенциал принимающего общества, ведут к социальной эксклюзии, маргинализации мигрантов, росту ксенофобии и эффекту разделённых сообществ.

Интерес исследователей к изучению механизмов интеграции и адаптации мигрантов активизировался в начале XXI в., когда большинство развитых государств столкнулось с провалом политики мультикультурализма, что было признано политическим истеблишментом Великобритании, Германии и Франции. К сложностям адаптации и интеграции мигрантов в развитых странах добавились проблемы утраты национальной идентичности. На сбой имплементации мультикультурных стратегий оказали влияние изменение этнической структуры миграционных потоков, а также секьюритизация миграции. Среди современных исследователей по проблемам интеграции мигрантов следует назвать С. Вертовека, С. Кастлза [1,], А. Фавелла [2], Г. Фримена [3], А.В. Дмитриева [4], В.С. Малахова [5], В.И. Мукомеля [6], И.С. Семененко [7], М.А. Питухину [8] и др. В отличие от населения, которое увязывает проблемы безопасности и иммиграции, исследователи иммиграционной политики указывают на детерминацию проблем безопасности общества и интеграции мигрантов. По мнению М. Розенблюма, просчёты и провалы политики интеграции мигрантов создают угрозы безопасности общества страны-реципиента [9, с. 29].

Исследователями отмечаются существенные различия в политике натурализации между государствами Старого и Нового Света. В послевоенную эпоху экономики развитых стран активно использовали рабочую силу мигрантов. Политика интеграции в США и европейских странах имела существенные различия. Главное отличие американской и европейской иммиграционных политик состояло в сфере натурализации [10]. В США каждый иммигрант рассматривался как потенциальный гражданин. Отсюда и американская стратегия на ассимиляцию мигрантов. Европейские страны поощряли преимущественно трудовую миграцию, затрудняя процедуры натурализации. К сожалению, трудности с получением гражданства для мигрантов из постсоветских государств, имеющих близкие культурно-исторические корни, в полной мере относятся к России. В.С. Малахов отмечает разрыв в стратегиях европейского и российского законодательства о гражданстве: тенденции к либерализации европейского и рестриктивная стратегия российского [11, с. 14]. Например, закон «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.) отменяет институт двойного гражданства

для лиц, вступающих в гражданство России. Кроме того, в законе отсутствует норма *jus soli* («права почвы» — право детей мигрантов на гражданство по достижении совершеннолетия).

Одной из тревожных современных тенденций стало формирование антииммиграционного блока в правительственных структурах развитых стран. По мнению американских учёных У. Корнелиуса, П. Мартина и Д. Холифилда, для противников иммиграции особо актуальны затруднение доступа незаконных иммигрантов к социальным услугам, финансируемым из бюджета, включающим образование и здравоохранение. Кроме того, противодействие программам социально-экономической и культурной интеграции мигрантов [12, с. 5].

Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Скандинавских странах, в частности в Норвегии является тематикой научного интереса и зарубежных исследователей. Так, работы Г. Брокманна и А. Хагелунда [13], а также Э. Упсаля, С. Согнера и К. Щелстадли [14] посвящены изучению исторического развития послевоенной иммиграционной политики в Норвегии, Швеции и Дании. Авторы исследуют, как государства всеобщего благосостояния с инклюзивными схемами социального обеспечения и развитым чувством эгалитаризма справляются с давлением иммиграции и растущим её разнообразием.

Значительный пласт исследований направлен на частные аспекты интеграции и социального самочувствия иммигрантов в Норвегии, позволяющие сделать вывод о том, каким образом индивидуальные, коллективные и институциональные ресурсы оказывают непосредственное влияние на процессы жизнедеятельности мигрантов Норвегии и динамику их социальной интеграции [15, Fladmoe A., Steen-Johnsen K.; 16, Friberg J.H., Midtboen A.H.; 17, Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P.].

Норвежский опыт урегулирования межэтнических отношений и миграционной политики вызывает интерес отечественных учёных. В научной разработке Е.С. Котловой в исторической ретроспективе представлен анализ основных моделей этнополитики Норвегии [18, с. 21]. Механизмы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Норвегии и Дании представлены в статье Н.С. Чукаловой. Исследование, выполненное в сравнительном контексте, позволяет выявить страновые особенности политики интеграции иммигрантов [19, с. 33]. Продолжая начатую практику компаративистских исследований, авторы настоящей статьи ставят перед собой цель осуществления сравнительного анализа современной интеграционной политики Норвегии и России на основе сопоставимых индикаторов, принятых в международном сообществе.

Методологической основой исследования послужили структурно-функциональный, институциональный, исторический и системный подходы. Были использованы методы демографии, социологии, политологии, права и миграционной статистики. Сравнительный анализ интеграционных политик России и Норвегии осуществлён посредством методологии индекса MIPEX как совокупности индикаторов, отражающих качество и состояние иммиграционной политики государства.

Политика интеграции в структуре иммиграционной политики

Миграционная политика в современных условиях призвана решать задачи восполнения демографического и трудового потенциала страны, создавать условия для интеграции мигрантов в российское общество, перераспределения трудовых ресурсов. Т. Хаммар выделяет два компонента в структуре иммиграционной политики: политику иммиграционного контроля (правила и процедуры, осуществляющие селекцию и допуск иностранных граждан и лиц без гражданства); политику по приёму иммигрантов (обеспеченность работой, жильём, социальными благами, возможности получения образования) [20, с. 7]. Подход Т. Хаммара позволяет сегментировать иммиграционную политику по видам и формам политического регулирования. В.И. Мукомель рассматривает иммиграционную, интеграционную политики и политику натурализации как последовательные стадии процесса приёма, обустройства и трансформации мигранта в полноправного члена принимающего общества [21, с. 258].

Таким образом, в иммиграционной политике развитых стран содержатся два структурных компонента. Один включает меры по приёму мигрантов — характеристики, правила, процедуры, системы отбора, квоты. Второй компонент — политику интеграции и социализации. Это решение проблем, связанных с рынком труда, инкультурацией, воссоединения семей и т.д.

Интеграция представляет собой реципрокный процесс, который предполагает взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Политика интеграции направлена на формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах принимающего общества. Адаптация является составной частью процесса интеграции мигрантов и её необходимым условием. Под адаптацией понимается процесс первоначального приспособления мигрантов к нормам и практикам принимающего общества. Частью процесса адаптации выступает инкультурация — процесс усвоения иммигрантами культурных паттернов принимающего общества. В отличие от интеграции, процесс адаптации имеет односторонний характер и предполагает усилия со стороны самих мигрантов, в частности в сфере изучения языка новой страны, культуры поведения, коммуникативных табу. Результатом процесса интеграции мигрантов может быть полная интеграция (ассимиляция) и частичная, которая ограничивается лишь адаптацией мигрантов к новой культурной среде, при этом мигранты не становятся частью общества страны-реципиента.

В практике миграционной политики современных стран реализуются различные инструменты, направленные на адаптацию и интеграцию мигрантов. В.М. Капицын среди инструментов адаптации и интеграции мигрантов называет программы домиграционной подготовки в отправляющих странах, сети и ассоциации мигрантов, интеграционные программы, включающие индивидуальные интеграционные планы, интеграционные тесты, экзамены, индексы, присяги, муниципальных консультантов и межкультурных посредников [22, с.

164]. Эксперты отмечают, что вследствие слабости государственной политики интеграции мигрантов в России, функции по адаптации и интеграции мигрантов берут на себя институты гражданского общества, правозащитные организации, трудовые коллективы, объединения мигрантов, диаспоры¹. В результате миграция в Россию носит в значительной мере нелегальный характер. Прежде всего это касается временной трудовой миграции.

Конфликтогенный потенциал стран-реципиентов является неизбежным следствием социального исключения мигрантов. Нарастающие противоречия на рынках труда развитых стран, скрытые ограничители для социальной мобильности, давление на политический истеблишмент со стороны национального электората будут усиливать введение ограничений на использование труда мигрантов. Конфликты, детерминированные социально-экономическими факторами, будут проявляться в форме этнических, расовых и конфессиональных противоречий. Угроза углубления и расширения конфликтов между коренным населением и мигрантами, объективно будет усиливать рестриктивные тенденции в иммиграционной политике. Конфликтогенный потенциал уже используется для мобилизации своих сторонников праворадикальными партиями, особенно в странах Скандинавии. Если среднее значение электоральной поддержки праворадикальных партий в 2017 г. в Европе составило 12,8%, то для Скандинавских стран оно было значительно выше среднеевропейского уровня — 16,3% [23, Шапаров А.Е., Калачникова М.Ю., с. 74]. Праворадикальные партии стабильно избираются в национальные парламенты Скандинавских стран, занимая там лидирующие позиции: в Дании 2-е место, в Норвегии и Швеции — 3-е место среди парламентских партий. Иммиграция способна увеличивать конфликтный потенциал в странах приёма. Государство обязано предложить адекватную интеграционную стратегию, встроенную в комплекс основных государственных политик в социальной сфере: образовательную, национальную, региональную, культурную и др. Основная цель интеграционной составляющей государственной иммиграционной политики — обеспечение социального порядка, целостности и безопасности принимающего общества. Сложность достижения социетальной цели предопределяет комплексный многоуровневый характер иммиграционной политики в современных условиях.

Ниже будут рассмотрены примеры политики интеграции мигрантов Норвегии и России. В качестве инструмента сравнения нами был использован Индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX), разработанный неправительственной испанской организацией «Центр международных отношений Барселона» и Европейской группой по изучению миграционной политики. В настоящее время данный индекс рассчитывается в 28 странах Евросоюза, а также в ряде стран, не входящих в ЕС — Сербии, Норвегии, Швейцарии, Канаде, США, Австралии, Японии и Южной Корее. Проект MIPEX интенсивно реализовывался в период 2004–2015

¹ Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Модели интеграции мигрантов в современной России CARIM-East RR 2013/12; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

гг. За годы реализации проекта существенно расширились объекты исследования, и возросло количество индикаторов. В настоящее время работа над проектом продолжается. Индекс анализирует показатели интеграции в восьми социальных сферах: доступ к рынку труда (мобильность рынка труда, доступ к системе профессионального переобучения, права наёмных работников); воссоединение семей; образование (равенство возможностей, межкультурное образование; политическое участие; долгосрочное пребывание (доступность статуса, условия его получения); доступ к получению гражданства; доступ к услугам здравоохранения; защита от дискриминации (механизмы защиты от дискриминации, политика равенства). Общие критерии оценки политики стран в сфере интеграции мигрантов позволяют осуществлять компаративный анализ и определять лидеров и аутсайдеров среди стран по направлениям интеграционной политики. Проект осуществляется более десятилетия, что позволяет анализировать эволюцию интеграционной политики исследуемых стран.

Таблица 1

Миграционный профиль России и Норвегии 2000–2017 гг.²

Страна	Количество международных мигрантов (тыс. чел.)		Доля международных мигрантов в населении (%)		Доля женщин среди международных мигрантов (%)		Средний возраст международных мигрантов	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Норвегия	292	799	6,5	15,1	50,5	47,8	34,9	36,3
Россия	11 900	11 652	8,1	8,1	49,7	50,9	44,5	44,5

Политика интеграции мигрантов в Норвегии

Одной из стран, привлекательных для мигрантов и достигших значительных успехов в области их интеграции, является Норвегия. Согласно международному индексу интеграции мигрантов (MIREX), страна в 2015 г. имела 69 баллов из 100 возможных, и, наряду с Финляндией, занимала четвёртое место в мире вслед за Швецией, Португалией и Новой Зеландией. Накопленный в данной области опыт, полагаем, может быть полезен для России, где политика социально-культурной адаптации мигрантов пока лишь ставится на повестку дня.

Норвегия — страна с быстрорастущим контингентом мигрантов. Только за период 2000–2017 гг. удельный вес мигрантов в структуре населения возрос почти в два раза: с 6,5% до 15,1% (таб. 1). В настоящее время здесь проживают выходцы из 220 стран, преимущественно из стран Европы (49%), Азии (32%) и Африки (9%). Основными причинами перемещения мигрантов являются работа, получение образования и воссоединение семьи. Так, согласно статистике Норвегии, за период 1990–2016 гг. 33% иммигрантов приехали по рабочей визе, 36% по праву воссоединения семьи и 10% с целью получения высшего образования

² International Migration Report 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

[24, Sandnes T., с. 38]. Значительную группу среди прибывших составляют вынужденные мигранты. Только за период 2015–2017 гг. Норвегия приняла около 23,8 тыс. беженцев и гуманитарных мигрантов, половина из которых пришлась на пик европейского миграционного кризиса в 2016 г.³

Иммиграционная политика Норвегии прошла длительный путь и эволюционировала. Официально политика интеграции мигрантов стартовала в стране с принятием Закона об интеграции 2003 г., однако ряд норвежских исследователей утверждает, что Норвегия изначально придерживалась курса на интеграцию мигрантов, несмотря на то, что называла эту политику мультикультурализмом [25, Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H., с. 12]. Действительно, ассимиляционная модель этнополитики, которая реализовывалась в Норвегии до конца 1970-х гг., заложила фундамент современной интеграционной политики. Как отмечает Е.С. Котлова, с точки зрения норвежского государства, ассимиляция воспринималась как позитивное явление. В условиях создания и укрепления национального государства эта политика способствовала росту национального самосознания на основе норвежской культуры, которую после долгих лет жизни в униях с Данией и Швецией стране пришлось «изобретать заново» [18, с. 21].

Ещё в Белых книгах по миграции 1980 и 1996 гг. (Белая книга — проекты официальных документов правительственных структур, которые в виде информационно-аналитических докладов и отчётов в конкретных областях представляются в парламент Норвегии для последующего обсуждения и законотворчества), правительство высказало ряд предложений по интеграции мигрантов в принимающее общество. В Белой книге 1980 г. была актуализирована проблема изучения мигрантами норвежского языка для вовлечения их в социально-культурную жизнь страны-реципиента. В следующей Белой книге 1996 г. были прописаны обязательства иммигрантов участвовать в рынке труда в целях достижения финансовой независимости и равенства, что положило начало регулированию въезда в страну для всех категорий мигрантов [13].

Вопросы государственного регулирования миграционных процессов и создания целостной системы интеграции и адаптации мигрантов актуализировались на повестке дня в начале XXI в., так как в связи с вступлением Норвегии в Европейскую экономическую зону в 2004 г. в страну хлынул поток трудовых мигрантов из Польши и прибалтийских стран. Существенно возрос поток беженцев из горячих точек мира: Югославии, Боснии и Герцеговины, африканских и азиатских стран.

Современная норвежская политика интеграции мигрантов регулируется рядом законодательных актов. Ключевыми из них являются Закон об иммиграции (2008), Закон об адаптации мигрантов (2003), Закон об образовании (2012) и Закон о гражданстве (2005). За-

³ The Norwegian Directorate of Immigration (UDI). Asylum Decisions by the Norwegian Directorate of Immigration (First Instance) by Citizenship and Outcome, January — December 2017. URL: <https://www.udi.no/en/statistics-and-analysis/statistics/asylum-decisions-by-citizenship-and-outcome-2017/> (дата обращения: 19.12.2018).

кон об иммиграции иностранных граждан в королевство Норвегия от 2008 г. определяет правовой статус иммигранта и гарантирует ему равные права и обязанности. В нём обозначены условия и порядок въезда в страну трудовых мигрантов и беженцев, получения вида на жительство и норвежского гражданства (подданства)⁴. Закон о гражданстве 2005 г. закрепляет принцип получения гражданства иммигрантами и их детьми⁵. В законе закреплены основные условия для получения гражданства. В их числе: соблюдение условий временного проживания, отсутствие судимости и долговых обязательств, 7-летний срок постоянного и законного проживания на территории Норвегии, отказ от предыдущего гражданства. Согласно поправкам, внесённым в закон в сентябре 2008 г., от претендентов на получение гражданства теперь не требуется обязательное посещение курсов норвежского языка в объёме 300 часов, если они предоставляют свидетельство о знании языка страны. Дети до 18 лет становятся гражданами Норвегии только после натурализации их родителей, если они прожили в стране два года. Для детей лиц из Скандинавских стран, претендующих на гражданство Норвегии, это правило проживания не распространяется.

Согласно закону об интеграции мигрантов 2003 г., основной целью политики интеграции Норвегии является обеспечение базовых навыков норвежского языка, понимания особенностей норвежского общества и подготовка к полноценному участию в трудовой и общественной жизни страны⁶. На основе этого закона правительством была разработана программа интеграции иностранцев в норвежское общество. Программа прежде всего рассчитана на политических беженцев; лиц, получивших вид на жительство из гуманитарных соображений и членов их семей. Иммигранты обязаны посетить курс норвежского языка (250 часов) и обществоведения (50 часов). Участвовать в обучении можно только в течение первых 3-х лет проживания в Норвегии. Иммигранты в возрасте 56–67 лет обладают правом, но не обязаны проходить данный курс обучения. Важно, что участие в обучающей программе приравнивается к полной трудовой занятости. Подобного рода учебные программы создаются для каждого участника индивидуально с учётом его образовательных и профессиональных потребностей. Существует возможность приостановки участия в программе в связи с новыми обстоятельствами, например, поступившим предложением о приёме на работу. Возобновление участия в образовательной программе таких лиц не обязательно, если они документально подтвердят знание языка. Трудовые иммигранты не имеют права на бесплатное участие в программе, но они обязаны её пройти или подтвердить знания норвежского языка

⁴ Norway. The Immigration Act (2008) / No. 35 of 2008 / Ministry of Employment and Inclusion / International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=88330 (дата обращения: 19.12.2018).

⁵ Norge. Ikraftsettelse av lov (2005) / LOV-1965-06-18-4. Statsborgerskap og statsborgerforskriften. 2005. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-06-10-51> (дата обращения: 19.12.2018).

⁶ Norway. The Act on an introduction programme and Norwegian language training for newly arrived immigrants - the Introduction Act (2003) [Electronic resource] / Amended by the Act of 11 March 2005 No. 13 (in force from 1 September 2005 pursuant to the Decree of 11 March 2005 No. 228, section number amended from section 22. Government.no. URL: <https://www.regjeringen.no/en/topics/immigration/innsikt/Verkemiddel-i-integreringsarbeidet/introduksjonsprogram/id2343472/> (дата обращения: 19.12.2018).

для получения ВНЖ или гражданства. Лица, которые находятся в Норвегии в соответствии с положениями о гражданах ЕС, не имеют права и не обязаны проходить бесплатное обучение норвежскому языку и обществоведению.

Закон об образовании 2012 г. определяет порядок, формы и методы работы образовательных учреждений с детьми мигрантов, которые в течение 2–3 лет обучения в школе должны освоить норвежский язык⁷. В законе предусмотрена профессиональная подготовка и переподготовка учителей в области поликультурного образования. Для учителей, участвующих в данных обучающих программах, приветствуется знание двух языков: норвежского и родного языка иммигранта. На сайте Национального центра мультикультурного обучения, который функционирует в университете Осло, созданы онлайн-ресурсы для учителей и родителей в области многокультурного образования. Центр также запустил веб-сайт, который содержит учебные ресурсы для школ и родителей на норвежском и 13 других языках, на которых говорят иммигранты. Каждый язык имеет свою собственную подстраницу, где набор предметов и информация отображается как на норвежском, так и на родном языке мигранта⁸.

Вышеперечисленные нормативные акты были составлены правительством Норвегии согласно международным соглашениям и договорам, в которых Норвегия принимает участие. Прежде всего это Шенгенское соглашение (2001), которое регулирует беспаспортный или выборочный контроль на границах государств внутри Шенгенской зоны. Дублинская Конвенция (2001), которая закрепляет ответственность за рассмотрением заявлений за той страной, куда изначально направлялся вынужденный мигрант искать убежище в рамках Женевской Конвенции ООН 1951 г., а также Соглашение о Европейской Экономической Зоне (2004), которое подразумевает «четыре свободы» — свободное движение товаров, капитала, услуг и людей в рамках Европейского единого рынка⁹.

В настоящее время миграционная политика Норвегии осуществляется на нескольких уровнях власти. Стратегические ориентиры и нормативно-правовую основу иммиграционной политики разрабатывает парламент Норвегии — Стортинг. Он также устанавливает квоты на приём беженцев, объёмы финансирования муниципалитетов, которые принимают и расселяют беженцев. Сфера ответственности за реализацию государственной иммиграционной политики на общенациональном уровне распределена между четырьмя министерствами: Министерством юстиции и общественного порядка, Министерством образования и науки, Министерством труда и социальных дел, Министерством по делам детей, молодёжи и се-

⁷ Norge. Lov om grunnskolen og den vidaregåande opplæringa (2012) (opplæringslova) / LOV-1998-07-17-61. Departement Kunnskapsdepartementet. 2012. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1998-07-17-61> (дата обращения: 19.12.2018).

⁸ Национальный центр мультикультурного обучения (NAFO). URL: <http://nafo.oslomet.no/> (дата обращения: 19.12.2018).

⁹ Agreement on the European Economic Area (1994) / Decision 94/1/EC, ECSC on the conclusion of the agreement on the European Economic Area. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aem0024> (дата обращения: 19.12.2018).

мьи. Министерство юстиции и общественной безопасности в лице Департамента миграции отвечает за разработку и координацию законодательства и политики в отношении всех категорий иммигрантов, в том числе лиц, ищущих убежища, и беженцев, а также руководит работой Директората по иммиграции (UDI) и Иммиграционного апелляционного совета (UNE).

Директорат по иммиграции (UDI) является центральным агентством по управлению иммиграцией. В его задачи входит: рассмотрение заявлений на въезд, пребывание и работу в стране, заявлений о предоставлении убежища в Норвегии, управление центрами приёма беженцев и взаимодействие с властями на местном уровне по вопросам интеграции иммигрантов; вопросы предоставления гражданства Норвегии; реализация программ депортации мигрантов. В структуре директората по иммиграции функционируют специальные отделы, в том числе, отдел по работе с беженцами, отдел по работе с другими категориями мигрантов и их натурализации в стране. В реализации своих функций Директорат по иммиграции взаимодействует с: представительствами Норвегии за рубежом, которые вовлечены в процесс рассмотрения заявлений на получение въездных виз и разрешений на работу и пребывание; службой занятости в вопросах выдачи разрешений на трудоустройство; полицией, отвечающей за пограничный контроль и депортацию, а также выдачу временных разрешений на работу; муниципалитетами в реализации политики интеграции иммигрантов; Советом по рассмотрению апелляций иммигрантов, функцией которого является пересмотр решений директората по иммиграции; общественными организациями иммигрантов.

Ключевым органом, отвечающим за реализацию политики в области интеграции и адаптации мигрантов, является Министерство образования и науки. Директорат по интеграции и разнообразию (IMDi), находящийся в его ведении, несёт ответственность за разработку и реализацию адаптивных курсов для иммигрантов, обучение норвежскому языку, расширение знаний о стране, её истории, законодательстве, за повышение уровня их профессиональной компетентности, содействует диалогу и взаимопониманию между коренными жителями страны и иммигрантами, занимается работой по предотвращению фактов дискриминации. IMDi была создана в 2006 г. путём выделения из директората по иммиграции, чтобы выступать в качестве центра компетенции и движущей силы интеграции и разнообразия. Директорат по интеграции сотрудничает с муниципалитетами, правительственными учреждениями, иммигрантскими организациями и группами, частным сектором. IMDi также имеет в своём распоряжении ряд финансовых инструментов, таких как гранты муниципалитетам и добровольным организациям, работающим в целях содействия разнообразию и интеграции. Управление имеет филиалы в Нарвике, Тронхейме, Бергене, Кристиансанне, Йовике и Осло¹⁰.

Министерство труда и социальных дел несёт общую ответственность за политику в отношении трудовых мигрантов и содействует включению мигрантов в экономическую

¹⁰ Директорат по интеграции и разнообразию Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.imdi.no/en/about-imdi/imdis-work> (дата обращения: 19.12.2018).

жизнь страны. В сфере его компетенции находятся и мигранты, которые подпадают под Соглашение о Европейской Экономической Зоне (2004)¹¹. В свою очередь департамент по делам детей, молодёжи и семейных дел Министерства по делам детей и равноправия помогает урегулировать вопросы детской миграции, в частности устройства лиц детского возраста, въехавших в страну без сопровождения взрослых¹².

Важная роль в осуществлении политики интеграции принадлежит муниципалитетам. В муниципалитетах мигранты живут, работают и формируют культурные связи с принимающим сообществом. Именно муниципалитеты принимают решения о численности иммигрантов, которых они могут принять, об их расселении, формах и методах работы по адаптации и интеграции, обучению детей мигрантов в школах, исходя из имеющихся возможностей. Главные задачи каждого муниципалитета: включение иммигрантов, особенно беженцев, в адаптивные программы (в течение 3 месяцев после получения вида на жительство), распространение информации об особенностях норвежской культуры и экономического устройства (например, информирование о налоговой системе) и обеспечение равными правами и возможностями наравне с жителями муниципалитета.

Муниципалитеты, исходя из специфики иммигрантских групп, страны их происхождения, обладают правом выбора собственных моделей реализации политики интеграции мигрантов в рамках общих положений. Они получают трансферты через систему распределения национального дохода. Средства распределяются между муниципалитетами с учётом ряда факторов. Среди них: количество мигрантов в муниципалитете, их соотношение по видам миграции, удельный вес беженцев. Осуществлением руководящих и надзорных задач в сфере интеграции занимаются уездные советники как представители правительств. Среди муниципалитетов Норвегии наибольшее число мигрантов сосредоточено в Осло, Суонси, Гамвике и Драммене, где их удельный вес среди населения достигает 30% [24, с. 33]. Очевидна тенденция оседания мигрантов в экономически развитых городах, где возможностей для трудоустройства больше.

В процесс реализации иммиграционной политики Норвегии включены институты гражданского общества и неправительственные организации. Существенную информационную и правовую поддержку в адаптации и интеграции наиболее уязвимых групп мигрантов оказывают Норвежская организация для лиц, ищущих убежища (НОАС), неправительственная организация «Джус Бус», созданная студентами юридического факультета университета Осло, Норвежское общество Красного креста [19, с. 33].

В целом политика интеграции мигрантов в Норвегии основывается на комплексном взаимодействии государственных органов разных уровней и общественных организаций, что является залогом её эффективности.

¹¹ Министерство труда и социальных дел Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dep/asd/id165/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹² Министерство по делам детей и равноправия Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dep/bld/id298/> (дата обращения: 19.12.2018).

Увеличивающийся поток вынужденных мигрантов, интеграция и адаптация которых осуществляется за счёт государства, ложится тяжёлым бременем на бюджет страны. Согласно исследованию норвежской некоммерческой организации — фонда Службы прав человека (HRS), прямые расходы Министерства юстиции и общественной безопасности в 2017 г. составили 59,3 млрд норв. крон, из которых 23,5 млрд было использовано на иммиграционную политику. За период 2006-2017 гг. расходы Иммиграционного апелляционного совета увеличились в 2,8 раза — с 117 млн до 328 млн норв. крон; Директората по интеграции и разнообразию — в 3 раза, с 83 млн до 262 млн норв. крон. На обеспечение политики на уровне муниципалитетов было потрачено 12,1 млрд, из них 9,3 млрд — на уход за несовершеннолетними мигрантами, 1,7 млрд — на пособия, 427 млн было выделено специалистам здравоохранения (в том числе услуги стоматологов, работа которых обычно оплачивается за счёт клиента), 236 млн крон вложено в предоставление бесплатной юридической помощи, 193 млн крон — на преодоление детской бедности¹³. Для сравнения, расходы Министерства сельского хозяйства и калькуляции продуктов питания в 2017 г. составили 167 млн крон (0,005% от ВВП Норвегии), тогда как доля, потраченная на политику интеграции мигрантов — 0,6% от ВВП страны. Таким образом, королевство тратит значительные средства для достижения эффективной интеграции мигрантов в принимающее сообщество, что свидетельствует о значимости данного направления государственной деятельности.

Эффективность государственной политики Норвегии в области интеграции и адаптации иммигрантов высоко оценена на основе ключевых индикаторов Индекса интеграции мигрантов (MIPEX), согласно которым Норвегия занимает одно из лидирующих положений¹⁴.

Трудовая занятость и уровень доходов является показателем социально-экономической интеграции иммигрантов в принимающее сообщество. Согласно данным статистического управления Норвегии на начало 2018 г., уровень безработицы среди мигрантов составлял 6,1%, что на 0,8% ниже, чем в 2014 г.¹⁵ Это довольно высокий показатель, однако уровень безработицы среди мигрантов заметно выше, чем среди коренных жителей страны (1,8–1,9%)¹⁶. Трудовая занятость мигранта зависит от трудового опыта и наличия образования. Как правило, самый высокий уровень безработицы наблюдается среди беженцев из африканских стран, которые имеют более низкий уровень образования и профессиональной квалификации. Соответственно, они больше представлены в тех профессиях, которые не требуют образования. Показатели трудоустройства заметно выше среди мигрантов, прошедших курсы адаптации. Так, 70% мигрантов мужского пола смогли трудоустроиться в те-

¹³ Innvandring, integrering og statens utgifter / Human rights service. URL: <https://www.rights.no/2017/09/innvandring-integrering-og-statens-utgifter/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁴ Migrant Integration Index. 2015. Norway. URL: <http://www.mipex.eu/norway> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁵ Registered unemployed among immigrants. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07115/tableViewLayout1/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁶ Registered unemployed among non-immigrant population. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07115/tableViewLayout1/> (дата обращения: 19.12.2018).

чение года после окончания программы, среди женщин данный показатель ниже (50%, среднее значение — 61%)¹⁷.

Уровень доходов иммигрантов показывает положительную динамику. За период 2003–2017 гг. он вырос на 1,3%, но отстаёт от среднего значения по стране. Так, среднегодовой доход коренного жителя Норвегии в 2017 г. составлял 367,4 тыс. норвежских крон, тогда как у мигранта из ЕС / ЕЭЗ, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии — 299,1 тыс. норвежских крон. Иммигранты же из Африки, Азии, Латинской Америки, Европы (не входящей в ЕЭЗ), за исключением Австралии и Новой Зеландии, имели средний доход в размере 249,7 тыс. норв. крон¹⁸. Различия в доходах связаны со многими факторами: уровнем образования, профессиональной квалификацией, знанием национального языка и др.

Уровень политико-правового аспекта интеграции можно определить по количеству лиц, получивших гражданство, и по их участию в выборах. Всего за период 2008–2017 гг. гражданство Норвегии получило 136,7 тыс. мигрантов, то есть 17% от их общей численности. В 2017 г. процесс натурализации прошли 9,8 тыс. из 21,6 тыс. мигрантов¹⁹. Важным показателем интеграции мигрантов выступает их политическое участие. Так, в парламентских выборах 2017 г. приняли участие 55% иммигрантов, получивших норвежское подданство. Традиционно высок удельный вес участвующих в выборах среди выходцев из Европы. Однако электоральная активность коренных жителей на 23% выше, чем у иммигрантов. Участие местных жителей и мигрантов в муниципальных выборах существенно ниже и составляет соответственно 64% и 42%. Активная гражданская позиция более ярко выражена среди трудовых мигрантов [26, Dokka A.G., с. 147–148].

Все иммигранты Норвегии включены в процесс социально-культурной адаптации и проходят курсы изучения норвежского языка и культуры страны. Так, согласно данным национального агентства по политике в области компетенции (VOX), число успешно написанных тестов на знание норвежского языка за период 2006–2017 гг. увеличилось в 9 раз. Однако тесты на знание языка более успешно сдают лица, имеющие образование. Так, в 2017 г. успешно прошли тестирование на знание языка 55,9% мигрантов, имеющих среднее образование и лишь 1,1% — без образования²⁰.

Отметим, что в Норвегии не в полной мере обеспечено равенство мигрантов и их защита от дискриминации. Как было отмечено, данный показатель один из самых низких в Норвегии (59%).

¹⁷ Immigrant integration / Kompetanse Norge. URL: <https://www.kompetans norge.no/English/Immigrant-integration/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁸ Stein L. Jorunn, F. Fattigdom og levekår i Norge Tilstand og utviklingstrekk — 2017 / NAV Rapport № 4-2017. 79 p. URL: [http://fayllar.org/fattigdom-og-levokr-i-norge-tilstand-og-utviklingstrekk — 2017.html](http://fayllar.org/fattigdom-og-levokr-i-norge-tilstand-og-utviklingstrekk—2017.html) (дата обращения: 25.12.2018).

¹⁹ Overgang til norsk statsborgerskap / Statistisk sentralbyrå, 2017. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/statistikker/statsborger> (дата обращения: 19.12.2018).

²⁰ Educational level, sex and test result for persons who have taken the Norwegian language test for adult immigrants 2014 – 2017/ Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/11318/> (дата обращения: 19.12.2018).

Процесс интеграции — это улица с двусторонним движением, и эффективность этого процесса зависит не только от принимающего государства. Составной частью интеграции является адаптация самих мигрантов к новой социальной среде, то есть в какой мере они желают и способны принимать и уважать нормы, традиции и правила принимающего общества, сохраняя при этом собственную культурно-национальную идентичность. Представители индивидуалистических культур — выходцы из европейских стран, как правило, легко адаптируются к условиям жизни в Норвегии в связи с идентичностью базовых мировоззренческих ценностей и моделей поведения. Серьёзные трудности в процессе адаптации испытывают носители противоположных духовно-нравственных традиций, это, прежде всего, выходцы из стран Азии и Африки, для которых коллективизм и семейно-клановые отношения являются ключевыми принципами взаимодействия. Возникает стремление мигрантов из этих стран к сегрегации, самоизоляции от принимающего общества, объединение по этническому и религиозному принципам, что тормозит процессы адаптации. Официально декларируемая политика равенства культур порождает такие коллизии, как протесты против целого ряда традиций принимающей страны под предлогом оскорбления религиозных чувств иммигрантов (требование отмены рождественских ёлок, разрешение многожёнства и др.). Стимул к адаптации беженцев в общественную и экономическую жизнь общества нивелируется также значительными размерами социальных пособий, которые превышают базовые потребности мигрантов.

Все эти модели поведения инокультурных мигрантов не могут не вызывать законного возмущения со стороны принимающего общества. Как свидетельствуют опросы общественного мнения 2018 г., более 70% норвежцев в целом признают, что иммигранты полезны обществу с точки зрения вклада в развитие экономики и культурного обогащения страны. 57% опрошенных в целом не согласны с утверждением, что иммигранты являются источником неуверенности в обществе. По сравнению с 2009 г. этот показатель возрос на 5%, что свидетельствует о росте доверия к приезжим, но одновременно и проводимой государством интеграционной политики. В настоящее время 53% опрошенных поддерживает принятые государственные меры по отношению к иммигрантам. Лишь 29% высказались за усложнение политики по отношению к мигрантам, тогда как в 2009 г. этот показатель достигал 49%²¹.

В целом норвежская политика интеграции мигрантов отличается комплексным подходом и высокой степенью эффективности. Хотя в 2015 г. ряд показателей индекса интеграции заметно снизились по сравнению с 2007 г. Среди них: долгосрочность пребывания в стране и получение гражданства на 4 пункта, участие в политической жизни страны и возможность воссоединения с семьёй на 6 пунктов. По сравнению с 2010 г., уровень занятости мигрантов трудоспособного возраста снизился на 6 пунктов, до 56,5% и риск бедности уве-

²¹ Holdninger til innvandrere og innvandring. // Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/statistikker/innvhold> (дата обращения: 20.12.2018).

личился на 49%²². Связано это с рядом факторов. В частности, иммиграционная система Норвегии не справлялась с большим наплывом беженцев в условиях европейского миграционного кризиса. Кроме того, были ужесточены правила въезда в страну, особенно по линии воссоединения семей. В соответствии с поправками в закон об иммиграции право на воссоединение с семьёй получали только супруги и их малолетние дети, а не родственники, как это было раньше. С 250 тыс. до 297 тыс. норв. крон была повышена планка минимального ежегодного дохода, который должен иметь член семьи, вызывающий в Норвегию своих близких. Одно из важнейших нововведений — установка минимального возраста в 24 года, с которого супруг или супруга мог приглашать в Норвегию своего партнёра. Официально требование было введено с целью предотвращения принудительных браков. Известно, что в ряде стран «третьего мира» родители «сговариваются», соединяя вместе малолетних жениха и невесту против их воли. Однако реально закон был направлен на ограничение въезда иностранцев в Норвегию. По статистике, наиболее мобильные иммигранты, в том числе семейные, это лица, не достигшие 24-летнего возраста. Законодательно был закреплён тест ДНК для супругов, не имеющих детей. Эта инициатива была принята после выборочного тестирования супругов из Сомали, среди которых превалирует данная позиция въезда в страну. Результаты показали, что 40% бездетных супругов не состояли в совместном браке, а являлись близкими родственниками. После обнародования итогов проверок на тест ДНК 25% заявлений на воссоединение семей, поступивших от выходцев из Сомали, Эритреи, Турции и ряда других стран, были добровольно отозваны²³.

Политика интеграции мигрантов в России

Россия обладает большим опытом инкорпорации различных этносов в состав национального государства. Чаще всего многочисленные народы становились частью единой страны вследствие территориальной экспансии русского этноса. Термин «колонизация», на наш взгляд, более точно раскрывает суть процессов инкорпорации многочисленных этносов, акцентируя внимание на целенаправленном характере воздействия на этот процесс со стороны государства в российских условиях. Как отмечают отечественные исследователи, интеграция в состав Русского государства финно-угорских и тюркских народов Европейского Севера, Поволжья, Урала и Сибири происходила как через их культурно-языковую ассимиляцию посредством обращения в православие, так и через гражданскую натурализацию с распространением на них всех прав и обязанностей русских подданных [27, с. 16]. Новый импульс и содержание политика колонизации получила в советский период, когда для осуществления индустриализации оказались востребованы рабочие, инженерные, научные и управленческие квалификации. Большое развитие получили практики привлечения трудовых ресурсов на Север, Сибирь, Дальний Восток, многочисленные окраины. Важный адми-

²² Migrant Integration Index. Norway. URL: <http://www.mipex.eu/norway> (дата обращения: 20.12.2018).

²³ Смирнов А. Посторонним въезд воспрещён / Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/world/18-03-2014/198751-postoronnim-vezd-vospreshen> (дата обращения: 04.03.2018).

нистративно-организационный ресурс политика колонизации получила в виде партийных и комсомольских органов. Хозяйственное освоение новых территорий происходило и посредством насильственных миграций.

После распада СССР долгое время интеграция мигрантов не артикулировалась в качестве задачи миграционной политики. Процессы адаптации и интеграции мигрантов осуществлялись в сфере гражданского общества через переселенческие и правозащитные организации. Интеграция мигрантов в российское общество была сформулирована относительно недавно, в 2012 г. в «Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 года», и то лишь в качестве задачи, а не цели миграционной политики. Однако утверждать, что государство устранилось от решения проблем инкорпорирования мигрантов в российское общество, было бы неверным. Ещё в феврале 1993 г. были приняты законы РФ «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», направленные на регулирование вынужденной миграции, носящей лавинообразный характер после распада СССР. Важным для интеграции мигрантов инструментом миграционной политики должна была стать программа переселения соотечественников, принятая в 2006 г.²⁴ При переселении участник госпрограммы и члены его семьи получают гарантию и социальную поддержку, в частности, оплачивается стоимость переезда на постоянное место жительства, выдаётся единовременное пособие на обустройство. При введении программы анонсировалось, что за первые 3 года реализации программы в Россию прибудут около 300 тыс. чел. (в реальности, на начало 2010 г. прибыло около 17 тыс. чел.). В 2012 г. программа переселения соотечественников была утверждена в новой редакции, став бессрочной. Соотечественники получили свободу выбирать территорию вселения, не ориентируясь на вакансии работодателей; в территориях приоритетного расселения суммы подъёмных выплат были увеличены в 2 раза (с 120 тысяч до 240 тыс. руб.). Возросло количество регионов, участвующих в программе (на конец 2017 г. — 60 регионов РФ). Важно, что в новой редакции программы исчезло требование о наличии места работы, что расширило круг потенциальных участников. В то же время, законодателем было оставлено требование постоянной регистрации по месту жительства, что серьёзно осложняет процесс натурализации. По данным главы МВД России, приведённым в ноябре 2017 г., всего за прошедшие 10 лет в Россию вернулись почти 675 тыс. соотечественников.²⁵

По мнению экспертов, трудовые мигранты в России имеют минимальные гарантии в сфере социальной защиты: ратифицировав Европейскую социальную хартию²⁶, Россия взяла минимум обязательств по этому документу: трудящимся-мигрантам гарантируется лишь недискриминационный налоговый режим и возможность пересылки денег на родину [28, с.

²⁴ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/8391252> (дата обращения: 20.12.2018).

²⁵ Информационная сводка ТАСС. 13.11.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4723756> (дата обращения 24.12.2018).

²⁶ О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года. ФЗ РФ от 03.06.2009 г. № 101-ФЗ URL: <http://base.garant.ru/12167396/> (дата обращения: 24.12.2018).

18]. До 2012 г. с выплат в пользу иностранных граждан и лиц без гражданства страховые взносы уплачивались только в рамках обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Никаких других взносов с таких лиц уплачивать не следовало. В соответствии с изменениями, принятыми с 2012 г., к застрахованным в рамках обязательного пенсионного страхования лицам были отнесены временно пребывающие на территории России лица, заключившие трудовой договор на неопределённый срок, либо срочный трудовой договор на срок не менее 6 месяцев. Начиная с 2013 г. иностранные граждане, временно пребывающие на территорию России, считаются застрахованными лицами в рамках обязательного пенсионного страхования при условии, что они заключили трудовой договор на неопределённый срок, либо срочный трудовой договор (срочные трудовые договоры) продолжительностью не менее 6 месяцев, т.е. в общей сложности в течение календарного года²⁷. По мнению д.э.н. И.В. Ивахнюк, в России наблюдается упрощённое понимание интеграции и попытки возложить ответственность за интеграцию исключительно на мигрантов. С 2015 г. в России введён тест на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ для иностранных граждан. Этот инструмент интеграционной политики обязателен для лиц, намеренных получить вид на жительство или гражданство. В то же время, в отношении временных трудовых мигрантов тест на знание языка способен провоцировать их уход в сферу нелегальной занятости, затрудняя процесс интеграции. Данная мера свидетельствует об упрощённом, одностороннем понимании сути интеграции, перекладывает ответственность за неё исключительно на мигрантов, недооценивает значение социальной защищённости мигрантов как условия их интеграции²⁸.

С государствами СНГ действует безвизовый режим, и их граждане могут работать в РФ по патенту. Важным этапом для миграционной политики России стало создание в 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и, что важно, рабочей силы. С 2015 г., когда договор о создании ЕАЭС вступил в силу, граждане стран-участниц (Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Армения) получили ряд привилегий при поступлении на работу к российскому нанимателю. В частности, трудовым мигрантам — гражданам государств-членов Союза, покупать патент на работу в РФ не требуется, они приравнены в трудовых правах с гражданами РФ.

Осложнились по сравнению с началом 2000-х гг. возможности натурализации мигрантов. В 2009 г. в результате изменений, внесённых в «Закон о гражданстве РФ», отменивших возможность получения российского гражданства в упрощённом порядке иностранцам и лицам без гражданства, резко снизилось количество натурализовавшихся (с 394 тыс. чел. в

²⁷ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования» ФЗ РФ № 243-ФЗ от 3 декабря 2012 г. // Российская газета. 07.12. 2012 URL: <https://rg.ru/2012/12/07/oms-dok.html> (дата обращения: 22.12.2018).

²⁸ Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. Доклад РСМД. 2017, сентябрь. С. 9 URL: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 23.12.2018).

2009 г. до 111 тыс. чел. в 2010 г.) [29, Чудиновских О.С., с. 29]. Сложной и забюрократизированной остаётся система выдачи разрешения на временное проживание и вида на жительство. Российское законодательство ориентировано на привлечение и использование временных иностранных работников с непродолжительными (до 1 года) сроками трудовых контрактов.

Экспертами отмечается крайне низкое качество миграционной статистики в России. В частности, отсутствует информация о численности работающих иностранных граждан, о сферах приложения их труда, об их образовании и квалификационном уровне, о половозрастном составе, о сроках пребывания в России — как в целом по стране, так и на уровне регионов. Вызывает недоумение экспертов и принятое в 2011 г. решение об изменении критерия отнесения иностранных граждан, прибывающих в Россию, к постоянным / долговременным мигрантам с «12 месяцев и более» до «9 месяцев и более». В результате в категорию постоянных мигрантов, которая обычно трактуется в демографической статистике как источник изменения численности постоянного населения, попали многочисленные временные трудовые мигранты, что совершенно исказило картину постоянной миграции²⁹.

Сравнительный анализ политики интеграции Норвегии и России

Для нашего исследования важен факт сравнительной оценки интеграционной политики России в 2010 г., для которого использовались международные индикаторы индекса интеграции MIPEX³⁰. В качестве инструмента исследователями была использована анкета 2007 г. (эксперты В.И. Мукомель, А.Е. Шапаров, Ю.Ф. Флоринская, О.В. Попова). Анкета включала 6 индикаторов: доступ к рынку труда, воссоединение семей, долгосрочное пребывание, политическое участие, получение гражданства и защита от дискриминации. По заключению экспертов, по таким направлениям интеграции как доступ к рынку труда, долгосрочное пребывание и гражданство Россия почти не отличалась от большинства стран Европы. По таким показателям как политическое участие, защита от дискриминации и воссоединение семей у России наблюдалось отставание от большинства европейских стран. Согласно полученным результатам, оценка интеграционной политики России на тот момент составляла 50% соответствия идеальным европейским стандартам, и в рейтинге стран на тот момент Россия заняла бы 16-е место, оказавшись в середине списка (максимальный рейтинг в 2007 г. имела Швеция — 88%, минимальный — Латвия с 30%) [30, Мукомель В.И., с. 420].

В 2017 г. методики оценки MIPEX были вновь применены в отношении России. Работа координировалась Национальным исследовательским университетом Высшей школы экономики, а качество проверялось центральной исследовательской группой MPG

²⁹ Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. Доклад РСМД. 2017, сентябрь. С. 54 URL: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 23.12.2018).

³⁰ Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly. 2011. № 479 - 480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 22.12.2018).

MIPEX. Данные по России основаны на ситуации по состоянию на 1 января 2015 г. и сопоставлены с данными MIPEX для 38 стран в веб-базе данных MIPEX. Сбор данных был проведён Международной лабораторией социокультурных исследований при Высшей школе экономики, руководитель В. Понизовский (среди экспертов В. Мукомель, В. Поставнин, О. Воробьева)³¹.

Таблица 2

Оценка политики интеграции мигрантов в ЕС, Норвегии и России по индикаторам MIPEX³²

Индикаторы	Евросоюз 2015	Норвегия 2007	Норвегия 2015	Россия 2007	Россия 2015
Доступ к рынку труда (Labour market mobility)	57	90	90	50	40
Воссоединение семей (Family reunion)	61	69	63	-	42
Образование (Education)	37	-	65	-	18
Политическое участие (Political participation)	40	88	82	25	9
Долгосрочное пребывание (Permanent residence)	61	74	70	66	33
Получение гражданства (Access to nationality)	47	52	52	57	40
Защита от дискриминации (Anti-discrimination)	63	59	59	35	20
Здравоохранение (Health)	42	-	67	-	18
Общая оценка	51	72	69	50	28

Эксперты отмечают, что Россия за период 2010–2017 гг. серьёзно ухудшила качество интеграционной политики по ряду ключевых показателей: доступу к рынку труда, гражданству и долговременному проживанию, что почти не компенсировалось прогрессом по другим направлениям. В настоящее время по общему количеству баллов ключевых индикаторов, оценивающих качество интеграционной политики, Россия (28 баллов) оказалась на одном из последних мест, уступив Латвии (31 балл) и опережая лишь Турцию (25 баллов).

До настоящего времени в России отсутствует антидискриминационное законодательство. Мигранты испытывают сложности с защитой своих прав; затруднён доступ мигрантов к органам правосудия. По заключению экспертов, как и в 2007 г., так и в настоящее время, интеграционная стратегия России может быть охарактеризована как «дифференцированная эксклюзия», основанная на чётком разграничении прав и возможностей временных мигрантов и граждан страны [31, Выхованец О.Д., Прохорова А.В. и др., с. 144]. В то время как в проводимой государством политике интеграции мигрантов зачастую основное внимание уделяется инкультурации мигрантов (изучению языка, адаптации к культурным нормам, знанию истории), по мнению исследователей, основополагающим аспектом инте-

³¹ Next MIPEX country: Russia. URL: <http://www.mipex.eu/next-mipex-country-russia> (дата обращения: 22.12.2018).

³² MIPEX-2015 <http://www.mipex.eu/next-mipex-country-russia> (дата обращения 22.12.2018); Демоскоп Weekly <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 22.12.2018).

грации мигрантов выступает экономический. Верно и обратное, — дискриминация мигрантов на рынке труда, его условий и оплаты, большие сложности в отстаивании своих прав через органы правосудия, стигматизация трудовых мигрантов в СМИ и общественном мнении в значительной мере нивелируют усилия государства по социально-культурной адаптации мигрантов. Как вывод, экономическая интеграция мигрантов и усилия государства по защите от дискриминации мигрантов должны стать основой интеграционной политики России.

Заключение

Сформировавшийся в обеих рассматриваемых странах суммарный коэффициент рождаемости (на 2017 г. Норвегия — 1,85 и России — 1,61³³) предопределяет их зависимость от иммиграции как фактора сохранения простого воспроизводства населения (для сохранения численности населения на одном уровне СКР должен быть не менее 2,15). Обе страны являются притягательными для международных мигрантов, доля которых в структуре населения продолжит увеличиваться. Станет ли миграция фактором развития принимающего общества или источником конфликтов и угроз в сфере безопасности зависит от эффективности политики интеграции мигрантов, основным актором, которой выступает государство.

Проведённый анализ показал, что модель интеграции мигрантов в Норвегии не идеальна. В стране существуют сложности с получением гражданства и въездом в страну по причине воссоединения семьи. Не в полной мере обеспечена защита иммигрантов от дискриминации. Нуждается в совершенствовании система образования и здравоохранения мигрантов. Показатели качества интеграционной политики ухудшились на три пункта на период 2007–2015 гг. (табл. 2).

В целом в Норвегии выстроена многоуровневая и комплексная система интеграции мигрантов в принимающее общество, тогда как в России она находится лишь на стадии своего становления. Интеграционная политика Норвегии, отличающаяся гибкостью и мобильностью, в целом смогла выдержать натиск европейского миграционного кризиса и сохранить лидирующие позиции в мире. В России, согласно данным индекса интеграции мигрантов — MIREX за 2007–2015 гг., показатели качества интеграционной политики ухудшились вдвое (табл. 2). Причём ухудшение индикаторов интеграции мигрантов произошло по таким важным сферам, как доступ к рынку труда, гражданство, защита от дискриминации и долгосрочное проживание, и не компенсировалось прогрессом по другим направлениям.

Для повышения эффективности политики России в сфере интеграции мигрантов необходима концептуальная проработка иммиграционной политики, её нормативно-правовое и организационно-управленческое обеспечение с разделением сфер ответственности и полномочий, разработка механизмов её реализации. Внедрение антидискриминационных мер

³³ The World Factbook 2018. The total fertility rate. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2127.html> (дата обращения: 24.12.2018).

в сфере условий труда и его оплаты, обеспечение доступа к услугам здравоохранения, образования, сфере судопроизводства стоят в числе насущных задач государственной политики. Успешная интеграция мигрантов выступает необходимым условием роста экономики России и развития основных сфер жизнедеятельности российского общества.

Литература

1. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. Integration: Mapping the Field // Home Office Online Report. 2005. Vol. 29. No. 3. Pp. 115–118.
2. Favell A. Integration Nations: The Nation-State And Research On Immigrants In Western Europe // The multicultural challenge. Comparative Social Research. 2003. Vol. 22. Pp. 13–42.
3. Freeman G. Immigrant Incorporation in Western Democracies // International Migration Review. 2004. No. 38. Pp. 945–969.
4. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49–55.
5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики: монография. М: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
6. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
7. Семенов И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 58–68.
8. Питухина М.А. Развивая основы мировой миграционной политики: вклад России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 99–104.
9. Rosenblum M.R. Immigration and U.S. National Interests. Historical Cases and the Contemporary Debate. In: Immigration Policy and Security: U.S., European, and Commonwealth Perspectives / Eds. by T. Givens, G. Freeman, D. Leal. N.Y.: Routledge, 2009. 175 p.
10. Immigration, Integration, and Security: America and Europe in Comparative Perspective / Eds. by A. Chebel d'Appollonia, S. Reich. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2008. 496 p.
11. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
12. Controlling immigration: a global perspective / Ed. by W. Cornelius, P. Martin, J. Hollifield. Stanford University Press, 2014. 510 p.
13. Brochmann G., Hagelund A. Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Migration, Diasporas and Citizenship. London: Palgrave Macmillan, 2012. 275 p.
14. Opsahl E., Sogner S., Kjelstadli K. Norsk innvandringshistorie: I kongenes tid 900–1814 Norway, Oslo: Pax Forlag, 2003. 213 p.
15. Fladmoe A., Steen-Johnsen K. Is Ethnic Diversity Bad for Any Dimension of Social Capital? Trust, Networks and Voluntarism in Norwegian Communities // Scandinavian Political Studies. Vol. 41. No. 3. Pp. 336–366.
16. Friberg J.H., Midtboen A.H. Ethnicity as skill: immigrant employment hierarchies in Norwegian low-wage labour markets // Journal of ethnic and migration studies. Vol. 44. No. 9. Pp. 1463–1478.
17. Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P. Immigrant concentration and student outcomes in upper secondary schools: Norwegian evidence // European societies. Vol. 20. No. 2, Pp. 301–321.
18. Котлова Е.С. Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 17–32.
19. Чукалова Н.С. Механизмы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Норвегии и Дании в XXI в. // Вестник КРАГСиУ. Серия Теория и практика управления. 2017. № 19 (24). С. 25–40.
20. European immigration policy: A comparative study / Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. 315 p.
21. Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты: монография. М.: Диполь-Т, 2005. 351 с.

22. Капицын В.М. Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14). С. 158–166.
23. Шапаров А.Е., Калачникова М.Ю. Иммиграционная повестка праворадикальных партий в Скандинавских странах // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Том 13. № 3. С. 73–84.
24. Sandnes T. Innvandrere i Norge 2017 / Statistisk sentralbyrå, Oslo: Kongsvinger, 2017. 193 p.
25. Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H. *Introduction, in Paradoxes of Cultural Recognition: Perspectives from Northern Europe* (Research in Migration and Ethnic Relations Series) / Ed. by S. Alghasi, T. Hylland Eriksen and H. Ghorashi. Hardcover, 2009. 318 p.
26. Dokka A.G. Valgdeltakelsen blant innvandrerne økte svakt // Statistisk sentralbyrå. 2017. 193 p.
27. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направление развития: аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градиловского. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2005. 309 с.
28. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2013. 34 с.
29. Чудиновских О.С. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 76 с.
30. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Под. ред. М.К. Горшкова; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.
31. Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К., Старчак М.В., Яценко Е.Б. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России: монография. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. 144 с.

References

1. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. Integration: Mapping the Field. *Home Office Online Report*, 2005, vol. 29, no. 3, pp. 115–118.
2. Favell A. Integration Nations: The Nation-State And Research On Immigrants In Western Europe. *The multicultural challenge. Comparative Social Research*, 2003, vol. 22, pp. 13–42.
3. Freeman G. Immigrant Incorporation in Western Democracies. *International Migration Review*, 2004, no. 38, pp. 945–969.
4. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokal'nye modeli, kontekst identichnosti (metodologiya i metody issledovaniya) [Integration of labor migrants in a megacity: local models, context of identity (methodology and research methods)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 5, pp. 49–55.
5. Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: Kontseptsii i praktiki*: monografiya [Migrant Integration: Concepts and Practices]. Moscow, "Liberal'naya Missiya" Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)
6. Mukomel' V.I. Problemy integratsii vnutrirossiyskikh inoetnichnykh migrantov [Integration problems of internal ethnic migrant workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no 5, pp. 69–79.
7. Semenenko I.S. Integratsiya inokul'turnykh soobshchestv v razvitykh stranakh [Integration of cultural communities in developed countries], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2006, no. 10, pp. 58–68.
8. Pitukhina M.A. Razvivaya osnovy mirovoy migratsionnoy politiki: vklad Rossii [Developing International Migration Policy: Russia's Contribution], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 12, pp. 99–104.
9. Rosenblum M.R. Immigration and U.S. National Interests. Historical Cases and the Contemporary Debate. In: *Immigration Policy and Security: U.S., European, and Commonwealth Perspectives*. Eds. by T. Givens, G. Freeman, D. Leal. N.Y.: Routledge Publ., 2009, 175 p.
10. *Immigration, Integration, and Security: America and Europe in Comparative Perspective*. Eds. by A. Chebel d'Appollonia, S. Reich. Pittsburgh: University of Pittsburg Press Publ., 2008, 496 p.

11. Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: evropeyskiy opyt i perspektivy Rossii* [Migrant Integration: European Experience and Prospects for Russia]: rabochaya tetr. Moscow, Spetskniga Publ., 2014, 24 p.
12. *Controlling immigration: a global perspective*. Ed. by W. Cornelius, P. Martin, J. Hollifield. Stanford University Press Publ., 2014, 510 p.
13. Brochmann G., Hagelund A. *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Migration, Diasporas and Citizenship*. London: Palgrave Macmillan Publ., 2012, 275 p.
14. Opsahl E., Sogner S., Kjelstadli K. *Norsk innvandringshistorie: I kongenes tid 900–1814*. Norway, Oslo: Pax Forlag, 2003, 213 p.
15. Fladmoe A., Steen-Johnsen K. Is Ethnic Diversity Bad for Any Dimension of Social Capital? Trust, Networks and Voluntarism in Norwegian Communities. *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, no. 3, pp. 336–366.
16. Friberg J.H., Midtboen A.H. Ethnicity as skill: immigrant employment hierarchies in Norwegian low-wage labour markets. *Journal of ethnic and migration studies*, vol. 44, no. 9, pp. 1463–1478.
17. Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P. Immigrant concentration and student outcomes in upper secondary schools: Norwegian evidence. *European societies*, vol. 20, no. 2, pp. 301–321.
18. Kotlova E.S. Lavirovanie sredi aysbergov: modeli etnicheskoy politiki Norvegii [Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 17–32.
19. Chukalova N.S. Mekhanizmy sotsiokul'turnoy adaptatsii i integratsii migrantov v Norvegii i Danii v XXI v. [Mechanisms of socio-cultural adaptation and integration of immigrants in Norway and Denmark in the 21 century]. *Vestnik KRAGSiU. Seriya Teoriya i praktika upravleniya*, 2017, no. 19 (24), pp. 25–40.
20. *European immigration policy: A comparative study*. Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge Univ. Press Publ., 1985, 315 p.
21. Mukomel' V.I. *Migratsionnaya politika Rossii: postsovetskie konteksty: monografiya* [Russian Migration Policy: Post-Soviet Contexts]. Moscow, Dipol'-T Publ., 2005, 351 p. (In Russ.)
22. Kapitsyn V.M. Regulyatory adaptatsii migrantov (voprosy metodologii i klassifikatsii) [Regulators of Adaptation of Migrants (Issues of Methodology and Classification)], *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies], 2018, no. 1 (14), pp. 158–166.
23. Shaparov A.E., Kalachnikova M.Yu. Immigratsionnaya povestka pravoradikal'nykh partiy v Skandinavskikh stranakh [Immigration agenda of right radical party in the Scandinavian countries]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 3, pp. 73–84.
24. Sandnes T. *Innvandrere i Norge 2017*. Statistisk sentralbyrå, Oslo: Kongsvinger Publ., 2017, 193 p.
25. Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H. Introduction, in *Paradoxes of Cultural Recognition: Perspectives from Northern Europe (Research in Migration and Ethnic Relations Series)*. Ed. by S. Alghasi, T. Hylland Eriksen and H. Ghorashi. Hardcover Publ., 2009, 318 p.
26. Dokka A.G. *Valgdeltakelsen blant innvanderne økte svakt*. Statistisk sentralbyrå, 2017, 193 p.
27. *Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravlenie razvitiya: analiticheskiy doklad* [The policy of immigration and naturalization in Russia: state of affairs and development management: an analytical document]. Ed. by S.N. Gradirovskiy. Moscow, «Nasledie Evrazii» Publ., 2005, 309 p. (In Russ.)
28. *Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski* [Migrant integration policy in Russia: challenges, potential risks]. Moscow, Spetskniga Publ., 2013, 34 p. (In Russ.)
29. Chudinovskikh O.C. *Gosudarstvennoe regulirovanie priobreteniya grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii: politika i tendentsii: monografiya* [State regulation of the acquisition of citizenship of the Russian Federation: policy and trends]. Moscow, HSE Publ., 2014, 76 p.
30. Mukomel' V.I. Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primamayushchego obshchestva [Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing the effectiveness and role of the host society]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Ed. by M.K. Gorshkov. The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Novyy khronograf Publ., 2016, no. 14, pp. 411–467.

31. Vykhovanets O.D., Prokhorova A.V., Savinkova Yu.K., Starchak M.V., Yatsenko E.B. *Transformatsiya identichnosti trudovykh migrantov kak odna iz sostavlyayushchikh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: monografiya* [Transformation of the identity of migrant workers as one of the components of civil society in Russia], Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2014, 144 p.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК [39+77](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.144

Арктика в объективе советского кино: «Два океана» Владимира Шнейдерова *

© ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия

Аннотация. Исследование направлено на введение в научный оборот неизученных материалов — кинодокументов советского периода, связанных с освоением российского Севера. Особое место в истории советской визуальной антропологии занимало направление так называемых экспедиционных фильмов — киноработ просветительского содержания о народах и территориях СССР, — достигшее своего расцвета на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Одним из первопроходцев этого направления по праву считается режиссёр В.А. Шнейдеров, автор серии фильмов о территориях Советского Союза («Великий перелёт», «Памир (подножие смерти)», «На высоте 4500» и др.). Помимо решения творческих задач, производство таких фильмов являлось частью государственного эксперимента по конструированию образов регионов и страны в целом. Советская власть использовала ресурсы кинематографа как средство массовой информации и агитации. В данной статье на примере экспедиционного фильма «Два океана» классика документального кино В.А. Шнейдерова показана история покорения Северного морского пути и советской колонизации Арктики. В качестве контекста, в котором происходило создание фильма, рассматриваются параллельные процессы в советской культурной политике и кинематографе. Делается вывод об исследовательской ценности советского экспедиционного кино как комплексного исторического источника.

Ключевые слова: Арктика, советское кино, Владимир Шнейдеров.

The Arctic in the Soviet cinema lens: “Two Oceans” by Vladimir Shneiderov

© Ivan A. GOLOVNEV, Cand. Sci. (Hist.), Researcher

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. The study aims at introducing unstudied materials, i.e., film documents of the Soviet period, related to the development of the Russian North, into the scientific circulation. So-called expedition films occupied a special place in the history of Soviet visual anthropology — films of educational content about the peoples and territories of the USSR. They reached its heyday at the turn of the 1920s – 1930s. One of the pioneers of Soviet visual anthropology is considered to be the filmmaker V.A. Schneider, the author of a series of films about the USSR territories (“The Great Flight”, “The Pamirs (the bottom of death)”, “At the height of 4500”, etc.). In addition to solving creative issues, the production of such films was part of a state experiment on the construction of local images and the country. The Soviet authorities used the resources of the cinematographer as a media source and agitation. In this article, the author considers the example of the expedition film “Two Oceans”, the classic of documentary films where V.A. Schneider pictured the history of the Northern Sea Route and the Soviet colonization of the Arctic. The context of the filmmaking, i.e.,

* Для цитирования:

Головнев И.А. Арктика в объективе советского кино: «Два океана» Владимира Шнейдерова // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 144–153. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.144

For citation:

Golovnev I.A. The Arctic in the Soviet cinema lens: «Two Oceans» by Vladimir Shneiderov. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 144–153. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.144

parallel processes in Soviet cultural politics and cinema, is discussed as well. The author conclusions contain thoughts about the research value of the Soviet expeditionary film as a complex historical source.

Keywords: *the Arctic, Soviet films, Vladimir Shneiderov.*

Освоение Северо-восточного пути, соединяющего Европу и Азию, издревле влекло исследователей и геополитиков, мореплавателей и торговцев из разных стран. Водные трассы являлись основными узлами, связывавшими мир в средневековье, а потому соперничество за морские и речные пути, по сути, было борьбой за власть. Взятие Испанией и Португалией в конце XV в. под контроль «южных» морских путей на Востоке вокруг Африки актуализировало поиск «северного» прохода в среде элит других морских держав, и прежде всего — Англии. В 1533 г. торговой компанией «Мистери» при содействии лондонской гильдии купцов-путешественников была запущена первая крупная экспедиция на Север под командованием Г. Уиллоби. Но этот дебютный поход не увенчался успехом: два корабля экспедиции достигли берегов восточного Мурмана, где были вынуждены остановиться на зимовку, во время которой практически все члены экипажа, включая капитана Уиллоби, умерли от цинги и обморожений. Третий же, отколовшийся от основной группы корабль, ведомый капитаном Р. Ченслером, сумел достичь устья Северной Двины, направить посольство в Москву и даже передать предложение о торговых связях от английского короля Эдуарда VI русскому царю Ивану Грозному. Так, основным итогом данного похода было получение Англией патента на торговлю с Россией. Но «Мистери», снарядившая экспедицию Уиллоби, переименованная теперь в «Московскую компанию», активно продолжила поиски Северо-восточного морского прохода с целью расширения торговых связей Англии со странами Азии. Уже в 1556 г. компания снарядила очередную экспедицию на Север под командованием С. Борро. Эта экспедиция продвинулась дальше предыдущей: она впервые достигла берегов Новой Земли, предпринимала попытки войти в Карское море, но вынуждена была вернуться, зазимовав на обратном пути в Холмогорах. В 1580 г. «Московская компания» вновь отправила свои суда на Север «для достижения стран и владений могущественного китайского императора» [1, Визе, с. 27]. Эта новая экспедиция закрепила и развила успехи предыдущих, сумев пройти в Карское море, но не в силах преодолеть тяжёлые льды, вынуждена была вернуться, так и не прорубив «окна» из Европы.

На этом эстафета в поиске Северо-Восточного морского пути перешла к Голландии. В 1584 г. экспедиция капитана О. Брюнеля, поставившая перед собой цель достичь Китая, дошла до Новой Земли, после чего вынужденно возвратилась. Но уже спустя десять лет, в 1594 г., новая голландская экспедиция оказалась более успешной: отряд из четырёх кораблей под командованием капитана В. Баренца достиг Карского моря. Решив, что им удалось отыскать возжеланный морской путь в Ост-Индию, мореплаватели доложили об этом по возвращении в Голландию. Это послужило веским аргументом для немедленной отправки очередной экспедиции, которая благополучно прошла до Карского моря, но дальше пролива Югорский шар из-за скопления льдов пройти не смогла. И третья экспедиция В. Баренца не увенчалась успехом:

дойдя до Новой Земли, экспедиция высадилась на берег для вынужденной зимовки, во время которой погибли и планы дальнейшего похода на Север, и сам капитан Баренц, именем которого названо непокорное северное море. Серия вышеупомянутых неудачных английских и голландских экспедиций заставила на время оставить идею открытия Северо-Восточного прохода, продремавшую в амбициях европейских элит вплоть до XIX в. [1, Визе, с. 39].

В 1878 г. шведская экспедиция под командованием учёного А. Норденшёльда при существенной поддержке русского купца А. Сибирякова организовала экспедицию вдоль северного побережья Евразии с целью пройти из Атлантики в Тихий океан. Выйдя из Швеции на пароходе «Вега», А. Норденшёльд благополучно прошёл Карское море и, впервые достигнув устья р. Лены, отправился далее — к Тихому океану. Но, не успев пройти до Берингова пролива, отряд А. Норденшёльда вынужденно зазимовал во льдах и лишь с наступлением лета следующего года сумел выйти в Тихий океан. Так, за два года плавания экспедицией А. Норденшёльда были разом решены задачи предыдущих столетий: открыты морские пути к устьям сибирских рек — Лены, Оби и Енисея — и впервые преодолён сам Северо-Восточный морской проход из Европы в Азию. В то же время сам А. Норденшёльд скептически размышлял о степени эксплуатации открытых им морских путей: «Может ли ежегодно повторяться плавание, совершённое «Вегой»? В настоящее время на этот вопрос ещё нельзя ответить ни безусловным «да», ни безусловным «нет». Морской путь из Атлантического в Тихий океан вдоль северных берегов Сибири часто может быть пройден в течение немногих недель на приспособленном для этого пароходе с экипажем из опытных моряков. Но в целом этот путь, насколько нам известен режим льдов у берегов Сибири, едва ли будет иметь действительное значение для торговли» [2, Норденшёльд, с. 159]. Второе покорение Северного морского пути, но первое в направлении из Азии в Европу, было совершено экспедицией русского мореплавателя Б. Вилькицкого, состоявшей из двух судов ледокольного типа — «Вайгач» и «Таймыр». Этой экспедицией, отправившейся в 1914 г. из Берингова пролива, были открыты новые географические объекты Северная земля и остров Малый Таймыр. Но, как и группе А. Норденшёльда, экспедиции Б. Вилькицкого было суждено зимовать во льдах, и лишь в следующем году прибыть в Архангельск. Третьим прохождением Северо-Восточного пути стала экспедиция Р. Амундсена, занявшая два года. Выйдя из Варде на судне «Мод» в 1918 г., группа Р. Амундсена дважды останавливалась на вынужденные зимовки по пути до Берингова пролива и лишь 21 июля 1920 г. достигла вод Тихого океана.

Формально Великий Северный путь был открыт. Но опыты его прохождения, несмотря на фактический успех, способствовали лишь подтверждению скептических настроений о создании здесь устойчивой навигации. На таком историческом фоне в начале 1930-х гг. в СССР готовилась новая экспедиция по покорению Северного морского пути. Для Советского Союза освоение этой магистрали имело принципиальное значение, ведь с экономической точки зрения, Северный ледовитый океан — это транспортная связка с регионами Сибири и Дальнего Востока, а с политической — ключ к новой, советской, колонизации Арктики. И в

рамках так называемого Второго Полярного года (1932 г.) СССР бросил исторический вызов другим северным державам — впервые пройти Арктический морской путь без зимовки. Реализация этой ответственной миссии была возложена на Всесоюзный арктический институт. Руководитель экспедиции, профессор О.Ю. Шмидт, констатировал, что «задание, поставленное партией перед экспедицией, было сформулировано просто и чётко: преодолеть Северо-Восточный проход в одну навигацию; достичь с Запада устья Лены и, следуя далее на Восток, выйти в Тихий океан; исследовать и изучить путь, разведать его для будущего регулярного сообщения» [3, Шнейдеров, с. 3]. При этом мало было пройти Великим Северным путём — это нужно было соответствующим образом «показать» — на экране, ведь в 1930-х гг. кинематограф стал наиболее эффективным средством массовой информации своего времени как внутри страны, так и вовне.

Во главе киногруппы был поставлен Владимир Адольфович Шнейдеров (1900–1973 гг.) — первопроходец направления экспедиционного кино в СССР. Начав свою профессиональную деятельность с этнографических кинозарисовок «По Самарканду» (1924), «По Узбекистану» (1924) и др., в 1925 г. на основе киноматериалов о советской авиационной экспедиции Москва — Улан-Батор — Пекин — Шанхай — Токио, он создал фильм «Великий перелёт». Но наиболее известными в истории советского кино стали экспедиционные фильмы, выполненные им в конце 1920-х — начале 1930-х гг.: «Подножие смерти» (1928) о Памире, «Эль-Йемен» (1929), снятый на юге Аравийского полуострова, и «Два океана» (1933) — о походе по Северному морскому пути ледокола «Александр Сибиряков». Выйдя на экран, фильмы В.А. Шнейдерова завоевали популярность в кинопрокате СССР и зарубежных стран, получили признание в научно-исследовательских кругах, а со временем заняли своё место в разряде мировой киноклассики. В то же время, за редкими исключениями [4, Головнев; 5, Sarkisova], эти и многочисленные другие экспедиционные кинодокументы советского периода остаются практически неизученными в современной науке, что актуализирует необходимость их исследовательского анализа. Фильм «Два океана» (1933), рассмотрению которого посвящена данная статья, представляет собой показательный кинотекст, сочетающий плакатные кадры и лозунги-титры, вполне отражающие специфику работы государственного кинематографа.

Непосредственно киноэкспедиции группы «Межрабпомфильм» в Арктику предшествовала тщательная подготовительная работа, в том числе проработка изданных научных работ по географии региона. По свидетельству В.А. Шнейдерова, «отправляясь в далёкие и малоизвестные страны, автор на основе тщательного изучения материалов, бесед с учёными, изучением карт и иконографических материалов всегда имеет достаточно возможностей заранее наметить характер своего будущего фильма, разработать свой авторский сценарий» [3, Шнейдеров, с. 11]. Не последнюю роль на данном этапе играл научный консультант фильма — О.Ю. Шмидт. По воспоминаниям О.Ю. Шмидта, он делал ставку на большой стаж работы режиссёра в экспедиционных условиях, выбирая В.А. Шнейдерова в руководители киногруппы: «Он успел побывать и на Памире, и на Тянь-Шане, в Аравии и в Китае, но в Арк-

тике В.А. Шнейдеров в первый раз. Это придаёт особую остроту его восприятию, а богатый опыт путешественника позволяет сравнивать с другими трудностями» [3, Шнейдеров, с. 3]. О.Ю. Шмидт, имевший опыт арктических экспедиций, снабжал группу В.А. Шнейдера не только научными данными по различным направлениям исследований в регионе, но и принимал живое участие в обсуждении сценарного эскиза будущего фильма.

Рис. 1. Киногруппа (справа налево): режиссёр В. Шнейдеров, оператор М. Трояновский, ассистент режиссёра Я. Купер.

В.А. Шнейдеров, в отличие от его известного современника Дзиги Вертова, был принципиальным сторонником досъёмочной разработки сценария в документальном кино, предварительного создания будущего фильма на бумаге. «Только освоив материал, разобравшись в нём, представив себе контуры будущего фильма, нужно на основе отобранной темы разработать первичный эскиз будущего литературного авторского сценария. Кратко излагая сюжет и фабулу будущего сценария, раскрывая основное содержание фильма, авторское либретто является исходным документом, творческим планом» — настаивал режиссёр [3, Шнейдеров, с. 12]. Как видно из вышеприведённого кинотекста, в основу сценария фильма «Два океана» был положен принцип не простого отображения на экране пути экспедиции и знакомства с физико-географическими материалами о полярных областях, но показ кинопохода через призму героического подвига моряков и учёных, выполняющих историческую миссию. Такое построение фильма определило введение ряда сценарных эпизодов, которые при другом решении могли бы быть вовсе опущены: бытовые сцены на корабле, охота на белых медведей, повседневный труд матросов, командного состава и учёных, обстановка морских научных станций, авралы по обколке корпуса корабля при плавании через льды. В то же время в сценарий были введены, а впоследствии развёрнуты в отдельные эпизоды, все случаи подхода корабля к земле — к острову Диксон, к бухте Тикси, к Медвежьим островам, к берегам Новой и Северной Земли. При подготовке тщательно разработанный и согласованный с научными консультантами сценарий разделился на две части: плано-

вую и событийную. Первая содержала план обязательных съёмок, а вторая предполагала свободу фиксации материалов в зависимости от конкретных условий на местах съёмки.

В последующей экспедиционной работе киногоруппы также видны свои методологические нюансы. По этому поводу режиссёр вспоминал: «Готовясь к съёмкам, мы тщательно осматриваем и изучаем корабль. Нет такого места на палубе, на мостике и трюмах, где бы мы ни побывали в поисках лучших съёмочных точек, рассчитанных на все возможные варианты съёмки. Самая нижняя точка — лапы якоря, свисающего с носа корабля к самой воде. Самая верхняя точка — «воронье гнездо», то есть железная бочка, приделанная высоко на передней мачте ледокола. Это открывает специальные возможности ландшафтных съёмки с высокой точки» [6, Шнейдеров, с. 73]. Интерес для исследовательского анализа представляет и применявшееся при создании фильма сочетание приёмов документального и постановочного кино: от репортажной съёмки до реконструкций сложных съёмочных событий. На вопрос о том, допустима ли в документальном фильме инсценировка, участники группы В.А. Шнейдерова отвечали положительно. «В данном случае мы не фальсифицируем события, а только воспроизводим их абсолютно такими же, то есть соблюдаем основную заповедь документалистов, которая гласит, что в документальном фильме от начала и до конца должны быть подлинные люди, подлинные места действия, настоящие, характерные, отобранные в соответствии с задачами фильма события, порой восстановленные или организованные лишь в целях обеспечения возможности их съёмки», — обосновывал общую позицию режиссёр [6, Шнейдеров, с. 69]. Так, в частности, была снята реконструкция одной из самых героических сцен фильма — починки лопастей винта ледокола в экспедиционных условиях. Кроме того, особенностью съёмочных работ группы Шнейдерова можно назвать так называемую монтажную съёмку — фиксацию последовательности кадров внутри сцен, а также сцен внутри фильма согласно заранее разработанному режиссёрскому плану. И на итоговом этапе оставалось лишь осуществить технический монтаж фильма — склеить фрагменты плёнки в определённой последовательности, снабдив киноповествование информационными титрами.

Полноценный анализ фильма «Два океана» был бы неполным без рассмотрения культурно-идеологического контекста, в котором развивался кинематограф изучаемого периода. В 1932 г. экспедиция на ледоколе «Сибиряков» вышла в Ледовитый океан с амбициозной исторической задачей — в одну навигацию пройти Северным морским путём из Архангельска на Дальний Восток. Вся мировая общественность следила за ходом экспедиции и интересовалась её результатом. В связи с этим на киногоруппе В.А. Шнейдерова лежала серьёзная ответственность — создания кинообраза экспедиции — и такой проект был заведомо государственным по форме и содержанию. Ведь к тому времени общие принципы централизации руководства охватили и кинематограф: все его планы определялись Оргбюро ЦК ВКП(б), согласовывались с ведомственными наркоматами и направлялись для исполнения в киноорганизации. И политическое руководство страны определяло не только что надо стро-

ить, но и как это надо снимать [7, Страницы..., с. 189]. Кинематограф закрепился в программе партии, принятой ещё на VIII съезде РКП(б) в качестве одного из главных образовательных ресурсов и со временем превратился в важное орудие культурной революции [8, Лебедев, с. 67]. «Важнейшее из искусств» (выражение В.И. Ленина), — кино — рассматривалось большевистскими лидерами как ключевое средство массовой информации и агитации, а потому указывалось на необходимость начинать производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями и отражающими советскую действительность, причём особое внимание государства уделялось кинохронике и документальному кино: как эффективному визуальному каналу, призванному «практически показать, как надо социализм строить» [7, Страницы..., с. 185]. Государственная установка с акцентом на агитацию сказалась на расцвете особого направления «агитфильмов». В частности, инструкции Первого Всесоюзного Совещания по кинематографии гласили: «Считая культурфильму (научно-популярную, этнографическую, учебную) одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний, необходимо образцово поставить её производство; при этом необходимо обеспечить доступность культурной фильмы для широкого зрителя по её содержанию» [9, Директивы..., с. 449].

СССР строил свой кинематограф для обслуживания новой страны, с одной стороны, как «фабрику грёз» (художественное кино), с другой — как индустрию «правды» (документальное кино). И конструирование революционной «кино-правды» (термин Дзиги Вертова) стало основной повесткой всей кинематографической отрасли. Да, как известно, творческие подходы к созданию официальной документалистики различались. Так, в середине 1920-х гг. были сильны позиции Дзиги Вертова и его соратников-киноков, делавших ставку на эксперименты с формой киноязыка: данная методология предполагала рассылку агентов-операторов в различные уголки Союза для съёмки кинематографического сырья, а затем монтаж из исходных материалов собственной «кино-правды» [10, МакКау, с. 41]. Но уже на рубеже 1920-х — 1930-х гг., под воздействием ведомственной воли, революция формы в кинематографе была полностью подчинена революционности содержания. А с установлением в СССР политического курса на индустриализацию изменились и тематические планы государственного заказа в кинематографии. На экран выходили новые киногерои — торители нехоженных дорог и ударники социалистическихстроек — персонажи очередного советского мифа, в котором так нуждалось партийное руководство. В этих условиях В.А. Шнейдеров выстраивал свою творческую методологию не от эксперимента, а от тщательной подготовительной проработки материалов, от научных консультаций, от личного опыта в экспедиционных работах. Неслучайно именно ему, к тому времени уже титульной персоне в документалистике, выпала роль создателя кинолетописи советской колонизации Арктики. По словам руководителя Арктического похода 1932 года О.Ю. Шмидта, «было бы неправильно сказать, что в лице тов. Шнейдерова мы имели только «киноглаз» экспедиции. Тов. Шнейдеров — большевик, один из членов актива экспедиции, и через весь его фильм проходит сознание

огромной важности похода, ответственности перед партией и правительством за выполнение задания» [3, Шнейдеров, с. 3].

В этом кинопроекте В.А. Шнейдеров в полной мере подтвердил и закрепил свою репутацию искусного кинорежиссёра и умелого популяризатора, заложив основы для последующей реализации проекта географического киноатласа СССР, в свою очередь переформатировавшегося в известную телепередачу «Клуб кинопутешествий». Автобиографические мемуары В.А. Шнейдерова наглядно свидетельствуют об идеологической позиции главного режиссёра направления советских видовых (географических) фильмов: «Если за рубежом, в буржуазных странах, видовые картины служат целям империалистической пропаганды, искажая реальную действительность, представляя её такой, какой её желают подать капиталисты, то в нашей стране эти кинокартины, рассказывая правду о сегодняшнем дне нашей Родины, показывают красоту и богатство её необозримых краёв, показывают жизнь советских людей и преобразование ими природы, осуществляемое по великим сталинским планам» [6, Шнейдеров, с. 160]. Вышедший на экраны в 1933 году, качественно снятый и искренне проникнутый пафосом исторического подвига советских моряков и исследователей фильм «Два океана» снискал беспрецедентную популярность в кинопрокате, дав возможность простым зрителям совершить грандиозное арктическое кинопутешествие, разделить опыт трудностей прохождения и радостей покорения Северного морского пути [8, Лебедев, с. 15].

Таким образом, фильм «Два океана» выполнил свою многоплановую задачу. С одной стороны, он стал вкладом в историю науки, — одним из первых кинодокументов об освоении Арктики и жизнедеятельности её населения, с другой — запечатлел процессы советизации региона: открытие и наименование новых земель, строительство социальных институтов и экономических баз, разработку новых транспортных маршрутов и переселенческих проектов — универсальные слагаемые конструирования государственной общности в СССР на рубеже 1920-х — 1930-х гг. [11, Тишков В.А.]. А применённая им методология сочетания приёмов художественного и документального кино в ходе создания фильма является актуальной для использования в современной практике экспедиционного кинематографа [12, Golovnev, Golovneva; 13 Williams, Golovnev]. При этом отличительной особенностью кино как средства исследовательского познания оказывается возможность запечатления и ретрансляции не только информации о самом явлении / событии, но и его многослойного контекста. Как видно, и документальный фильм «Два океана» В.А. Шнейдерова является комплексным историческим источником, отразившим не только драматичные перипетии движения Арктической экспедиции «Сибирякова» по Севморпути, но и особенности идеологии своего времени: ведь образ советского корабля, в одиночку ломающего вечные льды — это очевидная ипостась «Революции» — квинтэссенция официальной героики в СССР.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-00119 «Современные ракурсы этничности на Севере Евразии: текстово-визуальные композиции».

Литература

1. Визе В.Ю. История исследования советской Арктики. Архангельск: Севкрайгиз, 1934. 233 с.
2. Норденшёльд А.Е. Шведская полярная экспедиция 1878–79 гг. Открытие северо-восточного прохода. СПб: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1880. 198 с.
3. Шнейдеров В.А. Поход «Сибирякова». Москва: Молодая гвардия, 1933. 208 с.
4. Головнев А.В. Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1 (1). С. 83–91.
5. Sarkisova O. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. London: Routledge. 2015. Pp. 2–23.
6. Шнейдеров В.А. Путешествия с киноаппаратом. М.: Госкиноиздат, 1952. 160 с.
7. Страницы истории отечественного кино. М.: Материк, 2006. 284 с.
8. Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 гг. М.: Искусство, 1965. 584 с.
9. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: ОГИЗ, 1931. 488 с.
10. MacKay J. Film Energy: Process and Metanarrative in Dziga Vertov's *The Eleventh Year* (1928) // *New Literature Observer*. 2007. № 121. Pp. 41–78.
11. Тишков В.А. Российский народ. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
12. Golovnev I., Golovneva E. The representation of childhood in ethnographic films of Siberian indigenous Peoples: the case of the documentary film *Malen'kaia Katerina* (Tiny Katerina) // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. New York: Berghahn Books. 2016. No. 3. Vol. 15. Pp. 83–106.
13. Williams C., Golovnev I. Pamiri Women and the Melting Glaciers of Tajikistan: A Visual Knowledge Exchange for Improved Environmental Governance // *A Political Ecology of Women, Water and Global Environmental Change*. New York: Rutledge, 2015. Pp. 206–225.

References

1. Wise V.Yu. *Istoriya izucheniya Sovetskoi Arktiki* [A History of the Study of the Soviet Arctic]. Arkhangel'sk, Sevkraygiz Publ., 1934, 233 p. (In Russ.).
2. Nordenshold A.E. *Shvedskaya Polyarnaya Expeditsiya 1878–79. Otkritie Severo-vostochnogo prohoda* [The Swedish Polar Expedition 1878–79. The opening of the northeast passage]. St. Petersburg, Typography and Chromolithography A. Transhel Publ., 1880. 198 p. (In Russ.).
3. Schneiderov V.A. *Pohod «Sibiryakova»* [Campaign of «Sibiryakov»]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1933. 208 p. (In Russ.).
4. Golovnev A.V. Antropologiya plus kino [Anthropology plus cinematography]. *Kul'tura i iskusstvo*, 2011, no. 1 (1), pp. 83–91.
5. Sarkisova O. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, London, Routledge Publ., 2015, pp. 2–23.
6. Schneiderov V.A. *Puteshestviya s kinokameroi* [Traveling with a movie camera]. Moscow, Goskinoizdat, 1952. 160 p. (In Russ.).
7. *Stranitsi istorii otechestvennogo kino* [Pages of history of domestic cinema]. Moscow, Materik Publ., 2006. 284 p. (in Russ.).
8. Lebedev N.A. *Ocherki istorii kino SSSR. Nemoe kino: 1918–1934* [Sketches of history of cinema of the USSR. Silent cinema: 1918–1934]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 373 p. (In Russ.).
9. *Direktivi VKP(b) po voprosam prosvesheniya* [Directives of the All-Union Communist Party (bolsheviks) concerning education]. Moscow, OGIZ Publ., 1931. 496 p. (In Russ.).
10. MacKay J. Film Energy: Process and Metanarrative in Dziga Vertov's *The Eleventh Year* (1928). *New Literature Observer*, 2007, no. 121, pp. 41–78.
11. Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod* [Russian people]. Moscow, Prosvesheniye Publ., 2010. 192 p. (In Russ.).

12. Golovnev I., Golovneva E. The representation of childhood in ethnographic films of Siberian indigenous Peoples: the case of the documentary film *Malen'kaia Katerina* (Tiny Katerina). *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, New York: Berghahn Books Publ., 2016, no. 3, vol. 15, pp. 83–106.
13. Williams C., Golovnev I. Pamiri Women and the Melting Glaciers of Tajikistan: A Visual Knowledge Exchange for Improved Environmental Governance. *A Political Ecology of Women, Water and Global Environmental Change*. New York: Rutledge Publ., 2015, pp. 206–225.

УДК 323.21/325.11(035.3)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.154

О коллективной монографии «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы» *

© **КАПИЦЫН Владимир Михайлович**, доктор политических наук, профессор

E-mail: kapizin@yandex.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

© **ШАПАРОВ Александр Евгеньевич**, доктор политических наук, профессор

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **КОВАЛЕНКО Валерий Иванович**, доктор философских наук, профессор

E-mail: rospolit.msu@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

© **МАГОМЕДОВ Арбахан Курбанович**, доктор политических наук, профессор

E-mail: armagomedov@gmail.com

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы». Рецензируемая монография представляет собой фундаментальный коллективный труд исследователей российских научных центров, специализирующихся на изучении Арктики. В фокусе исследователей этнонациональные процессы в контексте социально-экономического, социально-политического, правового, социокультурного развития арктических регионов России. Междисциплинарный характер исследования, широкий охват аспектов этнонациональной политики и субрегионов, глубина исследования проблем, визуализация материала с помощью таблиц, диаграмм, графиков, карт определяет не только академический, но и энциклопедический характер рецензируемой монографии.

Ключевые слова: Арктика, этнонациональная политика, миграция, Арктическая зона РФ, Арктический Совет.

On the collective monograph “Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects”

© **Vladimir M. KAPITSYN**, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: kapizin@yandex.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

© **Alexander E. SHAPAROV**, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Valery I. KOVALENKO**, Dr. Sci. (Phil.), Professor

E-mail: rospolit.msu@mail.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

© **Arbakh K. MAGOMEDOV**, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: armagomedov@gmail.com

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

* Для цитирования:

Капицын В.М., Шапаров А.Е., Коваленко В.И., Магомедов А.К. // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 154–157. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.154

For citation:

Kapitsyn V.M., Shaparov A.E., Kovalenko V.I., Magomedov A.K. On the collective monograph “Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects”. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 154–157. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.154

Abstract. The article represents the review of the collective monograph “Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects.” The monograph is an original joint work of researchers at Russian research centers specializing in the study of the Arctic. The researchers focus on ethnonational processes in the context of the socio-economic, socio-political, legal, socio-cultural development of the Arctic territories of Russia. The interdisciplinary nature of the research, the full coverage of ethnonational policies and sub-regions, the depth of the study, the visualization of the material with tables, charts, graphs, maps determines not only the academic but also the comprehensive nature of the monograph under review.

Keywords: *the Arctic, ethnonational policy, migration, the Arctic zone of the Russian Federation, the Arctic Council.*

Рецензируемая работа представляет собой фундаментальный коллективный труд исследователей российских научных центров, специализирующихся на изучении Арктики [1]. Российская Арктика рассматривается как отдельно взятый регион, для изучения которого применён междисциплинарный подход. Анализ политической ситуации в российской Арктике осуществлён исследователями, специализирующимися в области исторических, социологических, политических, экономических и юридических наук.

Предмет исследования — этнонациональные процессы в контексте социально-экономического, социально-политического, правового, социокультурного развития арктических регионов России, а также других государств Европы и Америки.

Хронологические рамки исследования России частично включают XVIII в. (иногда более ранние периоды), но в основном внимание авторов сосредоточено на процессах XX–XXI вв. В монографии даётся обстоятельный анализ истории освоения северных районов со всеми её противоречиями (глава 1). Подробно исследуются нормативно-институциональные основы национальной политики России конца XX — начала XXI вв. (глава 2), динамика её этнонациональной структуры (глава 3), миграционные и демографические процессы (главы 4 и 5). Относительно Скандинавии, Финляндии (глава 15), арктических районов США и Канады (глава 16) авторы ограничились кратким очерком этнонациональной политики XX в. и начала XXI в. Исторические и современные аспекты исследования преломляются через анализ этнонациональной политики России и других северных государств в 2000–2010-х гг.

Монография отличается выверенной теоретико-методологической концептуализацией, подробным разбором применяемых понятий и терминов. Во Введении определяется междисциплинарный характер исследования, опирающегося на сочетание антропологического, исторического, системно-структурного подходов, что помогает концептуализации и выбору понятийного тезауруса. Разъясняется содержание понятий «Арктика», «арктические государства», «этнополитические процессы», «этничность», «этнополитическая политика арктических субъектов» и «национальная политика государства», «коренные народы», «демографическая», «миграционная», «культурная политика», «этническая ситуация». Теоретические изыскания соотносятся с анализом правовых и нормативно-методических документов, политических программ государств.

Одна из сильных сторон монографии — исследование этнонациональной политики в арктических регионах в тесной связи с природно-территориальными (географическими), де-

мографическими и миграционными реалиями. Авторы использовали обширные базы статистических данных из разных официальных источников (переписи населения, межведомственные информационно-статистические системы, демографические ежегодники, другие данные федеральных и региональных органов государственного и муниципального управления). Продуктивно использовались также официальные политические и политико-правовые документы (конвенции ООН и МОТ, национальные законы и подзаконные акты, проекты законодательных актов, государственные доклады, федеральные и региональные целевые программы, концепции, стратегии государственной политики, отчёты департаментов министерств, бюллетени и пресс-релизы). Все это дополняется данными из материалов корпораций и общественных объединений, выборочных обследований регионов (городов) и комплексных социологических исследований (опросы работодателей, исследования российских центров демоскопии, авторские социологические исследования). В работе корректно использованы данные многих учёных, но основная часть материала получена на основе исследований самих авторов данной монографии, в том числе поддержанных грантами научных фондов, а также полученных при выполнении научных программ академических институтов и университетов. В качестве субъектов, влияющих на этнонациональную политику в рассматриваемых российских регионах, исследуются, кроме государства в лице федеральных и региональных государственных органов (законодательных, исполнительных, контрольно-надзорных), также муниципальные органы, предприятия, НКО, диаспоры, культурно-национальные автономии.

В рецензируемой монографии исследована этнонациональная политика всех 8-ми субъектов РФ, включающих в себя территории, официально признанные в качестве арктических. Это — Мурманская и Архангельская области, республики Коми, Саха (Якутия), автономные округа — Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский, а также Красноярский край. Этнонациональная политика государства рассмотрена как соединяющая три направления (глава 9):

- 1) консолидация всех народов, живущих на исследуемых территориях в контексте формирования российской нации, целостности российского государства и субъектов РФ;
- 2) взаимодействие с миграционной политикой и демографическим развитием регионов;
- 3) сохранение и развитие коренных малочисленных народов Севера в контексте устойчивого развития территорий традиционного природопользования.

Всё вышесказанное отличает содержание рецензируемой работы от других, например, от фундаментальной монографии «Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение», где политика государства анализируется относительно коренных народов и промышленного развития только в двух северных субъектах РФ [2].

Авторы монографии не обходят стороной и острые проблемы этнонациональной политики российской и зарубежной Арктики, вытекающие из противоречий традиционного природопользования и индустриального развития, демографии коренного населения и ми-

грационного обмена, исторической памяти и современного развития, приводящих иногда к межэтническим конфликтам. Исходя из положительного опыта и противоречий, даются рекомендации для совершенствования институциональных основ и практики этнонациональной политики России и её субъектов.

Широкий охват аспектов этнонациональной политики и субрегионов, глубина исследования проблем, визуализация материала с помощью таблиц, диаграмм, графиков, карт определяет не только академический, но и энциклопедический характер рецензируемой монографии. А это делает её полезной для широкого круга исследователей (этнологов, политологов, социологов, юристов, культурологов, социальных географов, специалистов по международным отношениям и регионоведению), преподавателей, студентов, аспирантов, а также всех интересующихся жизнью полиэтничных регионов, где люди живут и работают в уникальных условиях Арктики.

Литература

1. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы / Под общ. ред. Н.К. Харламповеой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
2. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 271 с.

References

1. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy, perspektivy* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects]. Ed. by N.K. Kharlampieva. Arkhangel'sk: NArFU Publ., 2017. 325 p. (In Russ.)
2. *Rossiyskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2016. 272 p. (In Russ.)

УДК 332.143:338.27:330.322.16 (045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.158

О некоторых научных подходах к определению границ Арктики *

© **КОЧЕМАСОВА Екатерина Юрьевна**, кандидат экономических наук, главный специалист
E-mail: hakone@yandex.ru

Информационно-аналитический центр «Наука» РАН, Москва, Россия

© **ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович**, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
E-mail: zhvalery@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, Россия

© **СЕДОВА Наталья Борисовна**, кандидат географических наук, доцент
E-mail: nsedova@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения границ Арктики и территорий относящихся к ней. Авторами определены политические, экономические и иные факторы, влияющие на определение территорий, относящихся к Арктике. Рассмотрены подходы приарктических стран, в частности, Канады, США, Норвегии и Дании, к проблеме границ их арктических территорий. На основе отечественных нормативных правовых документов, оценок экспертов определены границы Арктической зоны РФ, их значение для социально-экономического развития страны. Авторы обращают внимание на необходимость защиты Россией своего суверенитета в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Арктическая зона РФ, арктическое пространство.

On scientific approaches to the Arctic boundaries delimitation

© **Ekaterina Yu. KOCHEMASOVA**, Cand. Sci. (Econ.), Chief Specialist
E-mail: hakone@yandex.ru

Information and Analytical Center "Science" of the RAS, Moscow, Russia

© **Valeriy P. ZHURAVEL**, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Leading Researcher
E-mail: zhvalery@mail.ru

Institute of Europe of the RAS, Moscow, Russia

© **Natalia B. SEDOVA**, Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor
E-mail: nsedova@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the boundary delimitation of the Arctic and the territories belonging to it. The authors identified political, economic, and other factors influencing the delimitation of the Arctic territories. The approaches of the subarctic countries Canada, the USA, Norway, and Denmark, to the problem of the borders of their Arctic territories are considered. The authors analyze Russian regulatory legal documents, expert assessments, the boundaries of the Arctic zone of the Russian Federation and determine their importance for the socio-economic development of the country. The authors draw attention to the need for Russia to protect its sovereignty in the Arctic.

Keywords: the Arctic, Russia, the Arctic zone of the Russian Federation, the Arctic space.

* Для цитирования:

Кочемасова Е.Ю., Журавель В.П., Седова Н.Б. О некоторых научных подходах к определению границ Арктики // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 158–169. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.158

For citation:

Kochemasova E.Yu., Zhuravel V.P., Sedova N.B. On scientific approaches on the Arctic boundaries delimitation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 158–169. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.158

Введение

Представление об Арктике как физико-географической области, её размерах и границах неоднократно уточнялось на протяжении почти всего XX в. и до сих пор остаётся предметом разносторонних исследований и дискуссий [1; 2; 3; 4; 5].

Первоначально понятие «Арктика» использовалось для части территории, включающей лишь глубоководный арктический бассейн, моря и острова Северного Ледовитого океана, ограниченные с юга изотермой июля 5°C. Некоторые специалисты относили к Арктике также северную часть тундровой зоны (арктическую тундру) и зону арктических пустынь. В этом случае в территорию Арктики включались не только острова с ландшафтами арктических пустынь и арктических тундр, но и окраины материков с аркктундровыми ландшафтами. Позднее под Арктикой стали понимать пространство, занятое разными приполярными ландшафтами, расположенными к северу от границы лесов и, следовательно, включающие арктические пустыни и все разновидности тундры.

Исчерпывающими основаниями для определения границ Арктики являются несколько взаимосвязанных природно-географических, социально-экономических и политико-правовых критериев.

Арктика как мегарегион

В территориальном плане Арктика замыкается на 8 стран-членов Арктического совета (США, Канада, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Россия) и занимает 40,3 млн кв. км. В этих странах проживает более 530 млн человек, из них менее 5 млн — на территориях вблизи Северного Ледовитого океана [3, Лукин Ю.Ф., с. 77–78].

Арктический глубоководный бассейн в центральной части океана непосредственно вокруг Северного полюса; 10 морей — Гренландское, Норвежское, Баренцево, Белое, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, Бофорта, Баффина, залив Фокс-Бейсин, многочисленные проливы и заливы Канадского Арктического архипелага; северные части Тихого и Атлантического океанов. Арктические острова и архипелаги: Вайгач, Врангеля, Гренландия, Диксон, Земля Франца-Иосифа, Канадский Арктический архипелаг, Королевы Елизаветы, Новая Земля, Новосибирские, Норденшельда, Северная Земля, Шпицберген и др. [2, Лукин Ю.Ф., с. 18].

Значимость арктического пространства со временем не уменьшается, а возрастает, приобретая даже преимущественно не экономически прагматическую сущность, а какую-то совершенно иную метафизическую, сакральную ценность. Арктический регион воспринимается в обществе как резервное экологическое пространство всего мира. В Арктике люди видят глобальный резервуар чистого воздуха, пресной воды (здесь находится треть всех мировых запасов пресной воды), а также она представляется как наиболее чистая территория.

В конце XX в. понятие «Арктика» расширяется, она определяется как «северная полярная область Земли, включающая окраины Евразии и Северной Америки, почти весь Се-

верный Ледовитый океан с островами (кроме прибрежных островов Норвегии), а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры и её площадь — около 27 млн км². Иногда Арктику ограничивают с юга Северным полярным кругом (66°33' с.ш.), в этом случае её площадь — 21 млн км²». В этом определении южная граница Арктики чётко не устанавливается.

Если Арктику ограничивать с юга только условной линией Северного полярного круга (66°33'44" северной широты), то тогда её площадь равняется 21 млн км². Если южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры, то в этом случае её площадь составляет около 27 млн км², что в 3 раза больше площади Европы [2, Лукин Ю.Ф., с. 42, 77, 78].

В приарктических странах также нет однозначного определения границ Арктики.

Канада определяет свою арктическую область как территорию, включающую водосборный бассейн территории Юкон, все земли севернее 60° северной широты и область прибрежных зон Гудзонова залива и залива Джеймса. Площадь полярных владений Канады — 1,430 млн км².

Современную арктическую область США составляют территории США к северу от Полярного круга и южнее его, включая цепь Алеутских островов, территории к северу и западу от границы, формируемой реками Поркупайн, Юкон и Кусковим, а также все смежные моря, включая море Бофорта, Берингово и Чукотское моря. Площадь полярных владений США — 0,126 млн км².

Норвегия в национальных нормативно-правовых актах не дает определения своих арктических территорий. Но при подписании 13 июня 1997 г. министрами по окружающей среде арктических государств Руководства по проведению морских работ по нефти и газу в Арктике определила, что для целей этого Руководства арктическую территорию Норвегии образуют районы Норвежского моря севернее 65° северной широты. Площадь полярных владений Норвегии — 0,746 млн км².

Дания включила в свою арктическую область Гренландию и Фарерские острова. Распространение суверенитета Дании на Гренландию было закреплено решением Постоянной палаты международного правосудия в 1933 г. Площадь полярных владений Дании составляет 0,372 млн км².

Следует отметить, что неопределённость критериев «арктичности» территории и границ Арктики возникает регулярно как в научной среде, так и в государственном управлении, когда идёт речь о выработке стратегических решений, направленных на решение проблем этого региона.

В 1989 г. Государственной комиссией при Совете Министров СССР по делам Арктики было закреплено её понятие как «единого физико-географического региона, который включает (в пределах заполярной зоны и распространения среднемноголетней изотермы июля +5°C) морские акватории, покрытые в летний период дрейфующим льдом, создающим не-

благоприятные условия для судоходства, и сухопутные территории, где на сплошной вечной мерзлоте существует ледниковый покров или безлесная тундра»¹.

Основными критериями для выделения южной границы Арктики являлись Северный полярный круг, среднемноголетняя изотерма июля +10°C и зона распространения вечной мерзлоты. В связи с тем, что эти критерии включали переменные характеристики и не в полной мере отражали вещественно-структурные свойства природных объектов, указанные критерии не получили широкого применения для идентификации территории Арктики.

Однако географические границы природных объектов Арктики должны иметь устойчивые контактные и барьерные функции. Должно исключаться также использование политических, социально-экономических и иных субъективных критериев для идентификации территории Арктики.

Арктика как природно-хозяйственная система имеет трёхмерное измерение: географическое, экономическо-политическое и правовое.

Природно-географические критерии

Вопрос об определении границ Арктики как полярной физико-географической области остаётся дискуссионным. Географические границы Арктики (представление о которых неоднократно менялось на протяжении XX в.) не совпадают с административно-территориальными границами северных регионов арктических государств. Это обстоятельство создаёт трудности в арктической идентификации природных территорий. Соответственно при подготовке документов стратегического планирования, касающихся, прежде всего, защиты арктической окружающей среды, этот вопрос становится актуальным [6].

АЗРФ в документах стратегического планирования позиционируется как часть Арктики. Фактически в состав АЗРФ включены территории, которые выходят за пределы природных зон Арктики. Сухопутные территории АЗРФ расположены не только в пределах арктического климатического пояса, зоны арктических пустынь и полярных тундр, которые традиционно относятся к Арктике, но также и в пределах территории с субарктическим климатом и ландшафтами северной тайги, которые идентифицируются с Субарктикой.

После принятия решения о составе сухопутных территорий АЗРФ уточнению подлежит пункт 2 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу². В этом пункте необходимо уточнить, что АЗРФ является не только частью Арктики, но и охватывает зону Субарктики. Южная административно-территориальная граница АЗРФ должна определяться как граница исторически сложившегося арктического природно-хозяйственного комплекса, сочетающего морские и сухопутные виды деятельности и управления. В документах стратегического планирования необходимо

¹ Решение Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. Архив Минэкономразвития России.

² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969.

учитывать наличие арктической и субарктической природных территорий и зон комфортности / дискомфорта в пределах АЗРФ. Уточнению также подлежат статус АЗРФ в качестве макрорегиона и механизм координации деятельности (управления) в этом макрорегионе.

В пределах АЗРФ могут быть выделены зоны, включающие приморскую территорию и прибрежную акваторию, с нормативным правовым закреплением соответствующих полномочий субъектов Российской Федерации в части стратегического планирования развития приморской территории и прибрежной акватории.

Политические и социально-экономические критерии

Политические и экономические критерии установления границ Арктики применяются в целях управления и определения зон хозяйствования. По этим критериям была определена арктическая зона.

Мотивацией для выделения арктической зоны стало открытие на севере страны в 1980-х гг. уникальных морских месторождений нефти и газа, для освоения которых требовалось создание крупных добычных центров с развитой инфраструктурой транспортировки и переработки сырья. Арктическая транспортно-логистическая инфраструктура одновременно должна служить фактором для экономического развития приморских территорий. Развитие арктической транспортной системы, прежде всего Северного морского пути, создание крупных территориально-производственных комплексов в арктической зоне ориентировано на получение экономических выгод и решение социально-экономических задач.

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу под Арктической зоной Российской Федерации (АЗРФ) понимается часть Арктики (северная область Земли, включающая глубоководный Арктический бассейн, мелководные окраинные моря с островами и прилегающими частями материковой суши Европы, Азии и Северной Америки). В пределах Арктики расположены пять приарктических государств: Россия, Канада, Соединённые Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане), в которую полностью или частично входят территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, а также земли и острова, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», и прилегающие к этим территориям, землям и островам внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, в пределах которых Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией в соответствии с международным правом³.

³ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969.

Северная граница АЗРФ в пределах морских пространств определяется по внешним границам континентального шельфа РФ и исключительной экономической зоны Российской Федерации, а её южная граница находится на сухопутной территории и совпадает с административной границей соответствующих автономных округов и муниципальных образований. Уточнение и нормативное закрепление границ АЗРФ необходимы для защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктике, осуществления стратегического планирования развития арктических территорий, а также для решения текущих задач социально-экономического развития, в том числе связанных с обеспечением жизнедеятельности в пределах АЗРФ с учётом специфики региона.

АЗРФ позиционируется в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года от 13 февраля 2019 г. не как экономический макрорегион, а как геостратегическая территория девяти субъектов Российской Федерации [3, с. 28–29]. В этом документе выделяются 12 макрорегионов России: Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный, включают территории нескольких приарктических субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия, в пределах которых требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования [3; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

В 2014 г. был уточнён состав административно-территориальных образований на сухопутной территории АЗРФ⁴. В сухопутные территории АЗРФ включают территории Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, муниципальных образований «Воркута» (Республика Коми), «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область), Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия), городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край), а также земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР⁵.

Состав сухопутных территорий АЗРФ определялся с учётом следующих критериев: целостность природно-хозяйственных и управленческих систем, а также этно-хозяйственных

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической Зоны Российской Федерации».

⁵ Национальный атлас Арктики / Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. М.: Роскартография, 2017. 495 с.: ил., цв. ил., карты. Библиогр.: с. 492–495.

ареалов коренных малочисленных народов Севера; инфраструктурное развитие прибрежных территорий и объектов в интересах формирования морского потенциала и социально-экономического развития административных образований, граничащих с морским побережьем; транспортное тяготение к Северному морскому пути [14; 15].

Состав и границы административно-территориальных образований на сухопутной территории в определённые периоды социально-экономического развития претерпевают частичное изменение. В 2017 г. в состав АЗРФ были включены три муниципальных района Республики Карелия — Беломорский, Лоухский, Кемский [16].

В соответствии с решениями Государственной комиссии по вопросам развития Арктики разрабатывается федеральный закон «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», для целей реализации которого АЗРФ определяется как часть территории Арктики, в пределах которой Российская Федерация обладает суверенитетом, суверенными правами и юрисдикцией, а также включает:

- а) территории (части территории) субъектов Российской Федерации, определённые Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296;
- б) все открытые и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса и находящиеся в пределах пространств, очерченных линиями, определяемыми международными договорами Российской Федерации и законодательством Российской Федерации;
- в) внутренние воды и территориальное море Российской Федерации, прилегающие к территориям, указанным в подпунктах «а» и «б»;
- г) исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации в пределах суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации;
- д) воздушное пространство над перечисленными в подпунктах «а — г» территориями и акваториями.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время существует незавершённость процесса разграничения морских пространств Северного Ледовитого океана. В первую очередь это касается континентального шельфа, где сосредоточены значительные потенциальные запасы углеводородного сырья.

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами морские и сухопутные границы АЗРФ могут уточняться в зависимости от статуса территории, правового режима, социально-экономической целесообразности и полномочий органов власти разных уровней.

По мнению авторов, для политических и экономических целей развития Российской Федерации основным критерием отнесения территории к АЗРФ должно стать прилегание субъекта Российской Федерации, а для больших по площади регионов — его отдельных муниципальных районов к морям Северного Ледовитого океана.

Концентрированное и сбалансированное развитие Северного морского пути, прибрежных морских пространств Северного Ледовитого океана и АЗРФ могло бы придать дополнительный экономический импульс развитию Севера нашей страны.

Правовые критерии

Единого международного договора, определяющего правовой статус Арктики, на сегодняшний день не существует. Регулирование осуществляется нормами международного права, национальным законодательством арктических государств и двусторонними соглашениями.

По типам правового режима в Арктике выделяются следующие территории: государственная территория; территория с международным режимом; территория со смешанным режимом.

Государственной является территория, которая находится под суверенитетом определённого государства, то есть принадлежит определённому государству, осуществляющему в её пределах своё территориальное верховенство.

К территории с международным режимом относятся лежащие за пределами государственной территории земные пространства, которые не принадлежат кому-либо в отдельности, а находятся в общем пользовании всех государств в соответствии с международным правом (открытое море, воздушное пространство над ним и глубоководное морское дно за пределами континентального шельфа). Международно-правовой режим открытого моря определяется множеством норм международных договоров и международно-правовых обычаев, которые регулируют отношения государств по поводу открытого моря и устанавливают правила его использования в целях судоходства, рыболовства и т. п.

К территориям со смешанным режимом относятся континентальный шельф и экономическая зона. Эти районы не находятся под суверенитетом государств и не входят в состав государственных территорий, но каждое прибрежное государство имеет суверенные права на разведку и разработку природных ресурсов прилегающих к нему континентального шельфа и экономической морской зоны, а также на охрану природной среды этих районов. Объём этих прав определяется международным правом, в частности, Конвенцией о континентальном шельфе 1958 г и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. В пределах этих прав каждое государство издаёт свои законы и правила, регулирующие упомянутые виды деятельности. В остальном на континентальном шельфе и в экономической зоне действуют принципы и нормы международного морского права.

Необходимо отметить, что некоторые арктические страны, в частности, США не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, что создаёт практические сложности реализации указанных принципов.

Определение арктической границы во многом зависит от научной специализации и политической конъюнктуры. Нередко путаница возникает из-за того, как взаимозаменяемо используются концепты «Арктика», «Арктический регион», «Крайний Север» и др. Профессор социальной антропологии Марк Нутталл (Университет Альберты, Канада), проводивший антропологические исследования и полевые работы в Гренландии, Канаде, Финляндии, Аляске, правильно и точно заметил: «Ни один из способов определения Арктики не является

удовлетворительным для всех целей, и чаще всего практическое определение становится необходимым в исследовательских проектах, докладах, оценках, научных монографиях, университетских и колледжских курсах для определения и разграничения того, какие физические, экологические, политические, социальные и культурные процессы должны быть охвачены»⁶.

Россия подавала в комиссию ООН заявки на расширение своего арктического шельфа в 2001 и 2015 гг., проведя необходимые научные исследования. Изучение заявки началось в августе 2016 г., и решение, как ожидается, будет принято в течение двух-четырёх лет. Кроме России в 2013 г. заявку на расширение шельфа в Северном Ледовитом океане подала Канада, одновременно сообщив, что позднее заявит о претензиях на часть морского дна за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны. Ряд заявок подала Дания, последнюю — в 2014 г.

На наш взгляд, в условиях резкого обострения современной международной обстановки положительное решение по этому вопросу вряд ли станет возможным. А если всё-таки станет, то это значительно сократит наши намерения в расширении арктического шельфа. К такому развитию событий также необходимо готовиться.

В этих условиях первостепенной задачей для России в вопросе сохранения и расширения своего суверенитета в Арктике для дальнейшего изучения, разведки, добычи и использования богатств северных территорий нашей страны является недопущение обострения дремлющего конфликта в регионе. Для защиты своих национальных интересов Россия должна приложить все силы к развитию арктической инфраструктуры для расширения своего влияния в Арктике. Это позволит упрочить позиции Российской Федерации и сдерживать «борьбу за Арктику» в рамках дипломатического сотрудничества на полях ООН и различных форумах, что отвечает интересам всего человечества.

Очевидной необходимостью в настоящее время, по мнению д.э.н., профессора Н.Д. Елецкого, является преодоление проявившихся в последние десятилетия негативных установок на отказ от защиты российского суверенитета над значительными акваториями северных морей — установок, неизбежно связанных с сопутствующим ослаблением геополитических позиций, международного авторитета, а также с ощутимыми экономическими потерями [17].

Признание Россией принципиальных положений Конвенции по морскому праву 1982 г. означало кардинальное изменение правового статуса территорий, ранее определявшихся как «полярные владения», а ратификация данной конвенции в 1997 г. привела к официальной утрате суверенитета над 1,7 млн км² ранее российской арктической акватории. Показательно, что США эта Конвенция не подписана до настоящего времени.

Говоря сегодня о ратификации Россией Конвенции по морскому праву 1982 г., мы видим, что опираясь на эту Конвенцию, многие государства, и в первую очередь США, хотят «интернационализировать» район Арктики, что не отвечает интересам России. И поэтому

⁶ Encyclopedia of the Arctic. Volume 1 A–F. Mark Nuttall, Editor. Routledge New York and London, 2005.

понятно заявление Артура Чилингарова, специального представителя Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике: «Я бы хотел сказать, что есть разные мнения касательно конвенции (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.), но общее мнение таково, что мы, может быть, поторопились с её ратификацией»⁷. Как справедливо отмечает старший научный сотрудник ИМЭМО РАН Е. Лабеецкая, «ратификация Россией Конвенции в 1997 г. и последующая в 2001 г. подача ею официального представления в соответствующую Комиссию ООН для определения внешних границ своего континентального шельфа де-факто подорвали «секторальный режим» [18].

В этих условиях необходимо, на наш взгляд, признать допущенные ошибки. Органам законодательной и исполнительной власти приступить к их исправлению и минимизации негативных последствий. По мнению члена Совета Федерации, председателя Совета по Арктике и Антарктике Совета Федерации В.А. Штырова, «оптимальным вариантом для России была бы договорённость о возврате к секторальному делению Арктики и закреплению за морями Лаптевых, Карским, Восточно-Сибирским и частью Чукотского (от острова Врангеля до Берингова пролива) статуса наших исторических вод» [19].

Заключение

Определение границ АЗРФ явилось объективной необходимостью и потребовало значительной продолжительной работы органов государственной власти России, а также представителей науки. Это важно в первую очередь для определения и уточнения политики государства на арктических территориях. Российский подход к определению границ является, на взгляд авторов, наиболее приемлемым, отвечающим нынешнему этапу развития и освоения Арктического региона. В будущем в зависимости от климатических и других условий, в том числе определения районов опорных зон развития, возможно их изменение в целях сбалансированного и адресного решения экономических, социальных и экологических проблем АЗРФ, проведения более эффективной государственной региональной политики. Структурирование этих границ потребует использования современных методик, включая моделирование, синтез знаний и современных практик, с учётом принципиально значимых потребностей национальных интересов и ценностей во внутренней и внешней политике, задач обеспечения безопасности России в арктическом направлении.

Литература

1. Журавель В.П. Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 62–79.
2. Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 250 с.
3. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. Архангельск, 2019. 241 с.

⁷ Чилингаров А.Н. Проблемы и перспективы эффективного освоения и развития Арктической зоны и прилегающих регионов России: Материалы заседания «Меркурий клуба» 8 октября 2014 г.

4. Щитинский В.А., Минина М.В. Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 6 (114). С. 77–87.
5. Медведев Д.А. Стратегическое значение Арктики для развития международных отношений // Арктика: история и современность. Труды Второй международной научной конференции. Отв. ред. Н.И. Диденко. 2017. С. 190–199.
6. Кочемасова Е.Ю., Седова Н.Б. Экологические проблемы Арктики и их социально-экономические последствия // ЭКО. 2017. № 5. С. 160–171.
7. Пилясов А.Н., Котов А.В. Моногорода российской Арктики: анализ развития по комплексным инвестиционным планам // Арктические ведомости. 2017. № 1. С. 116–122.
8. Колесников Р.А. Социально-экономическая и отраслевая дифференциация арктических регионов России // Современная научная мысль. 2017. № 1. С. 224–229.
9. Костюченко С.Л. Минерально-сырьевая база как основа формирования социально-экономической политики в Арктике // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. 2017. № 5. С. 27–35.
10. Куликовская Л.Ю. Основные направления политики Российской Федерации в Арктической зоне Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 63–66.
11. Федоров В.П. Арктические преобразования // Современная Европа. 2018. № 1. С. 5–14.
12. Фишкин Д.О. Опорные зоны развития — новые подходы к освоению минерально-сырьевой базы российской Арктики // Арктические ведомости. 2017. № 1. С. 60–65.
13. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития : монография / Под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Н.А. Серовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 171 с.
14. Gutman S.S., Zaychenko I.M., Rytova E.V. Development strategy of Far North transport infrastructure: Problems and prospects // Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference — Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth. 2017. Pp. 1439–1449.
15. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socioeconomic modernization of Russia and its Arctic regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. No. 28 (1). Pp. 22–30.
16. Алсуфьев А.В., Шнайдер А.Г. Перспективы включения Лешуконского и Пинежского муниципальных районов Архангельской области в состав Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. 2016. № 3. С. 58–66.
17. Елецкий Н.Д. Интересы России в условиях глобализации отношений собственности и управления (на примере Арктического региона) // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 87–88.
18. Лабетская Е.О. Трансарктика в контексте российских приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 106–114.
19. Штыров В.А. Арктика. Величие проекта // Наш современник. 2018. № 4. С. 123–139.

References

1. Zhuravel' V.P. Arktika kak postojanno razvivajushheesja mnogomernoe prostranstvo [The Arctic as a constantly evolving multidimensional space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 62–79.
2. Lukin Yu.F. *Mnogomernost' prostranstva Arktiki* [Multidimensionality of the Arctic space]. Arkhangel'sk: NArFU Publ., 2017. 250 p. (In Russ.)
3. Lukin Yu.F. *Mnogolikaja Arktika v potoke vremeni i smyslov* [The many faces of the Arctic in the flow of time and meanings]. Arkhangel'sk, 2019, 241 p.
4. Shhitinskij V.A., Minina M.V. Problemy upravlenija social'no-ekonomicheskim razvitiem Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii [Problems of Management of Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2018, no. 6 (114), pp. 77–87.
5. Medvedev D.A. Strategicheskoe znachenie Arktiki dlja razvitija mezhdunarodnyh otnoshenij [The strategic importance of the Arctic for the development of international relations]. *Arktika: istorija i*

- sovremennost'*. *Trudy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Arctic: history and modernity]. Ed. by N.I. Didenko, 2017, pp. 190–199. (In Russ.)
6. Kochemasova E.Yu., Sedova N.B. Ekologicheskie problemy Arktiki i ih social'no-ekonomicheskie posledstvija [Environmental problems of the Arctic and their socio-economic consequences]. *EKO* [ECO journal], 2017, no 5, pp. 160–171.
 7. Pilyasov A.N., Kotov A.V. Monogoroda rossijskoj Arktiki: analiz razvitija po kompleksnym investicionnym planam [Single-Industry towns of the Russian Arctic: Analysis of Development strategies using integrated investment]. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2017, no 1, pp. 116–122.
 8. Kolesnikov R.A. Social'no-ekonomicheskaja i otraslevaja differenciacija arkticheskikh regionov Rossii [Socio-economic and industry differentiation of Arctic regions of Russia]. *Sovremennaja nauchnaja mysl'* [Modern scientific thought], 2017, no. 1, pp. 224–229.
 9. Kostjuchenko S.L. Mineral'no-syr'evaja baza kak osnova formirovanija social'no-ekonomicheskoi politiki v Arktike [Mineral resource base as the basis for the formation of social and economic policy in the Arctic]. *Mineral'nye resursy Rossii: ekonomika i upravlenie* [Mineral resources of Russia. Economics and management], 2017, no. 5, pp. 27–35.
 10. Kulikovskaja L.Yu. Osnovnye napravlenija politiki Rossijskoj Federacii v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii [Main Areas of Politics of the Russian Federation in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i process*, 2017, no. 10, pp. 63–66.
 11. Fedorov V.P. Arkticheskie preobrazovanija [Arctic transformations]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2018, no. 1, pp. 5–14.
 12. Fishkin D.O. Opornye zony razvitija — novye podhody k osvoeniju mineral'no-syr'evoi bazy rossijskoj Arktiki [Pillar zones — new approaches to the development of the mineral raw resources base of the Russian Arctic]. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2017, no. 1, pp. 60–65.
 13. *Regiony Severa i Arktiki Rossijskoj Federacii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitija: monografija* [Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: current trends and development prospects]. Ed. by T.P. Skuf'ina, N.A. Serova. Apatity: KSC of RAS, 2017, 171 p. (In Russ.)
 14. Gutman S.S., Zaychenko I.M., Rytova E.V. *Development strategy of Far North transport infrastructure: Problems and prospects*. Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference — Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth, 2017, pp. 1439–1449.
 15. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socioeconomic modernization of Russia and its Arctic regions. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, no. 28 (1), pp. 22–30.
 16. Alsuf'ev A.V., Shnajder A.G. Perspektivy vkljuchenija Leshukonskogo i Pinezhskogo municipal'nyh rajonov Arhangel'skoj oblasti v sostav Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii [Prospects for inclusion of Leshukonsky and Pinezhsky municipal districts of the Arkhangelsk region to the Arctic zone of the Russian Federation]. *Arktika: ekologija i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2016, no. 3, pp. 58–66.
 17. Eletsy N.D. Interesy Rossii v uslovijah globalizacii otnoshenij sobstvennosti i upravlenija (na primere Arkticheskogo regiona) [Property and government interests of Russia under globalization: the Arctic case]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 32, pp. 87–88.
 18. Labeckaja E.O. Transarktika v kontekste rossijskikh prioritetov [The Trans-Arctic in the Context of Russian Priorities]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 2015, no. 2, pp. 106–114.
 19. Shtyrov V.A. Arktika. Velichie proekta [Arctic. Greatness of the project]. *Nash sovremennik*, 2018, no. 4, pp. 123–139.

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

ЗАЙКОВ К.С., КОНДРАТОВ Н.А., КУДРЯШОВА Е.В., ЛИПИНА С.А., ЧИСТОБАЕВ А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.)

ZAIKOV K.S., KONDRATOV N.A., KUDRYASHOVA E.V., LIPINA S.A., CHISTOBAEV A.I. Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035)

Аннотация. Важность выбора развития Арктики представляется актуальной, поскольку в этом регионе происходят стремительные и необратимые перемены, яркими примерами которых являются изменение климата и глобализация. Комплекс факторов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на природопользование и позиционирование многих государств, расположенных не только внутри арктической зоны, а также и вне её. Возникают вопросы: какое значение эти перемены имеют для географии, политики и системы управления? Как должно строиться осмысление этих процессов? Актуальность выбранной темы усиливается тем, что Россия имеет самый большой арктический сектор среди государств, имеющих выход к Северному Ледовитому океану, поэтому нашей стране принадлежит ведущая роль разработчика стратегий развития Арктики. Используемый в статье комплексный (с учётом экономико- и политико-географических позиций) подход к анализу направлений развития арктических территорий раскрывает возможности их устойчивого развития, что обеспечит стратегические выгоды для России как в рамках арктической зоны, так и в глобальном пространстве. В статье рассматриваются сценарии развития Арктики, в том числе Арктической зоны РФ, в долгосрочной, до 2035 г., перспективе. Обоснование сверхдолгосрочных перспектив развития арктического региона, несмотря на проводимые в России и зарубежом исследования, представляется малореалистичным по причине нехватки знаний о природе и последствиях климатических изменений, наблюдаемых в настоящее время в этом регионе и оказывающих влияние на природопользование в глобальном масштабе. Авторы приходят к выводу, что приоритетными направлениями развития Арктики должны стать те, которые опираются на позитивные и инновационные тренды.

Abstract. The importance of selecting the development of the Arctic seems to be relevant since rapid and irreversible changes are taking place there. Climate change and globalization are their prominent examples. A complex of factors has both positive and negative impacts on the use of natural resources and the positioning of states located not only within the Arctic but also outside it. The questions arise: what is the significance of these changes for geography, politics, and the management system? How should the comprehension of these processes be built? The relevance of the topic is enhanced by the fact that Russia has the most significant Arctic sector among the states with access to the Arctic Ocean. Therefore, our country has a leading role in working out strategies for the development of the Arctic. The comprehensive approach (considering the economic and political-geographical positions) is central in the article to analyze the directions of development of the Arctic territories. The method reveals the possibilities of sustainable development, which will provide Russia with strategic benefits within the Arctic and globally. The article discusses scenarios for the development of the Arctic, including the Arctic zone of the Russian Federation, in the long-term perspective (until 2035). Substantiation of the long-term prospects for the development of the Arctic, despite Russian and foreign research, seems to be unrealistic due to lack of knowledge about the nature and consequences of climatic changes currently observed in this region and affecting global environmental management. The authors concluded that the priority directions of the Arctic development should be the ones based on positive and innovative trends.

Ключевые слова: Арктика, стратегии развития, изменение климата, геополитика, социально-экологические системы, инновации.

Keywords: the Arctic, development strategies, climate change, geopolitics, socio-ecological systems, innovation.

ИВАНОВ В.А. Условия и возможности реализации потенциала сельского хозяйства зоны Севера

IVANOV V.A. Conditions and opportunities to realize the agricultural potential of the North

Аннотация. В статье показана роль аграрного сектора зоны Севера в обеспечении населения свежими продуктами питания, сохранении коренными этносами исторического уклада жизни, устойчивом развитии северных территорий, обеспечении продовольственного суверенитета страны. Рассмотрена организация сельского хозяйства на северных и арктических территориях Скандинавии, Канады и Аляски и возможность её использования на Российском Севере с учётом собственного богатого исторического опыта. Обобщение практики ведения сельского хозяйства в зарубежных северных странах позволяет рекомендовать для Европейского Севера скандинавский путь развития аграрной сферы и, прежде всего, опыт Финляндии. Установлено, что канадская модель развития сельского хозяйства малопригодна для Российского Севера, так как она рассчитана на редконаселённые территории. В работе выявлены возможности и ограничения развития сельского хозяйства зоны Севера. В качестве предпосылок для социально-экономического развития аграрной сферы выступают наличие природных и трудовых ресурсов, возможность организации органического (экологического) производства продукции традиционных отраслей, индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий. В работе выявлены возможности и ограничения развития сельского хозяйства зоны Севера. Установлены сдерживающие факторы развития сельского хозяйства и продовольственного самообеспечения, связанные с экстремальными природными условиями, низкой обеспеченностью биологическими ресурсами, неудовлетворительным состоянием материально-технической базы аграрной сферы, дефицитом и низким профессионально-квалифицированным уровнем и качеством жизни крестьян, неблагоприятной внешней средой, неэффективными механизмами господдержки, недоступностью льготного кредита, неустойчивым сбытом аграрной продукции. Выявлены изменения в сельском хозяйстве северных территорий в результате Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.

Abstract. The article shows the role of the agricultural sector of the North in providing the population with fresh food products, preserving the traditional way of life of the indigenous ethnic groups, sustainable development of the northern territories, and ensuring the country's food security. The organization of agriculture in the north and Arctic territories of Scandinavia, Canada and Alaska and the possibility of its use in the Russian North, considering its own rich historical experience, is discussed in the article. The generalization of agricultural practices in northern countries allows us to recommend the Scandinavian development of agriculture and, above all, the experience of Finland for the European North of Russia. Canadian model of agricultural development is of little use for the Russian North since it was designed for sparsely populated territories. The study revealed the possibilities and limitations of the development of agriculture in the North. The critical points for the socio-economic development in the agrarian sector are the availability of natural and labor resources, the possibility of organizing organic (ecological) production within the traditional industries, the industrial nature of the economy that directs significant financial resources for the industrial modernization and the integrated development of rural areas. The study also revealed the possibilities and limitations of the agricultural development of the North. The constraints of agricultural development and food self-sufficiency are explicit. They are related to extreme natural conditions, low availability of biological resources, the poor technical support of the agrarian sector, low-qualified employees and hard living conditions of peasants, unfavorable external environment, inefficient state support, unavailability of loans, and unsustainable sales of agricultural products. The changes in the agriculture of the northern territories after the All-Russian Agricultural Censuses 2006 and 2016 revealed. The results of the study serve the ground for substantiating conceptual approaches to the development of agricultural production and increasing the level of food self-sufficiency of the local population.

Результаты исследования послужат основой для обоснования концептуальных подходов к развитию аграрного производства и повышения уровня продовольственного самообеспечения проживающего здесь населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, зарубежные северные страны, возможности и ограничения развития аграрной сферы, Всероссийская сельскохозяйственная перепись, формы хозяйствования, ресурсный потенциал, инфраструктура, инновационные технологии, зона Севера.

МИНЕЕВ А.А. Развитие регионального бизнес-сотрудничества: опыт Северной Норвегии и возможности его применения в России

MINEEV A.A. Development of regional business cooperation: experience of the Northern Norway and how it can be applied to Russia

Аннотация. Северные регионы Норвегии и России имеют схожую проблематику: новые мега-проекты по развитию нефтегазовых месторождений и объектов инфраструктуры представляют собой не только возможность, но и проблему для развития средних и малых предприятий местной промышленности. Чтобы подключиться к проектам, региональным предприятиям необходимо повышать свои компетенции и находить возможности группового взаимодействия. В статье представлены результаты исследования процесса формирования регионального бизнес-альянса в Северной Норвегии, проведён анализ возможности применения северо-норвежского опыта в России. Показано, что хотя с теоретической точки зрения это представляется затруднительным, предпосылки для удачного применения изученного опыта существуют в Архангельской и Мурманской областях. В этих регионах успешно функционируют бизнес-ассоциации, которые были построены с учётом Норвежского опыта, но с активным участием местной промышленности и органов власти, а также принимаемая во внимание региональную специфику, ценности и традиции. Это представляет собой мощный фундамент для дальнейшего формирования кооперационных форм бизнес-сотрудничества. В статье сформулированы практические рекомендации для формирования таких форм сотрудничества. В частности, предлагается принимать во внимание следующее: квалификация координатора, государственно-частная схема финансирования, открытость и интегрированность проекта, первичность технологической и вторичность юридической идеи построения сотрудничества.

Keywords: agriculture, foreign northern countries, opportunities and constraints on the agricultural development, All-Russian Agricultural Census, forms of economic management, resource potential, infrastructure, innovative technologies, the North.

Abstract. The northern regions of Norway and Russia have similar issues: new mega-projects for the development of oil and gas fields and infrastructure are not only an opportunity but also a challenge for the development of regional small and medium-size enterprises. To connect to projects, regional enterprises need to increase their competencies and find opportunities for cooperation with each other. The article presents the results of a study of the formation of a regional business alliance in Northern Norway. Further, it offers an analysis of the possibility of applying the North Norwegian experience to Russia. It is concluded that, although from a theoretical point of view, this is difficult, the prerequisites for the successful application of the studied experience exist in the Arkhangelsk Oblast and the Murmansk Oblast. Two business associations are successfully operating there. They were built considering the Norwegian experience, but with the active participation of local industry and authorities, as well as accounting regional specifics, values, and traditions. It is a powerful foundation for the further development of business cooperation. The article contains several recommendations for such forms of collaboration. It is proposed to pay attention to the following: qualification of the coordinator, public-private financing scheme, openness and integration of the project, primary importance of technological cooperation idea and secondary significance of the legal form to be chosen.

Ключевые слова: кооперация, бизнес-сотрудничество, региональные предприятия, Северные регионы, Норвегия, Россия.

Keywords: Business cooperation, regional businesses, High North, Norway, Russia.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ВОРОНЕНКО А.Л., ГРЕЙЗИК С.В. Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе

VORONENKO A.L., GREIZIK S.V. Prospects of cooperation between Russia and North-East Asian countries in the Arctic region

Аннотация. В условиях значительного повышения внимания мирового сообщества к Арктике, а также интенсивного развития технологий по её изучению и освоению, всё большую актуальность приобретает сотрудничество в этом регионе между различными странами. В данной статье рассмотрена история и современное состояние взаимодействия на территории Арктического региона между Россией (и её предшественником СССР) со странами Северо-Восточной Азии (СВА) — Китаем, Японией и Республикой Корея. В статье отмечены факты повышающегося научного и практического интереса со стороны стран СВА к изучению Арктики, проанализированы заинтересованность и основные устремления указанных стран к сотрудничеству с Россией. Также рассмотрены основные внутренние законы и нормативные акты, регламентирующие их деятельность в Арктике. В результате делается вывод о высокой перспективности сотрудничества стран Северо-Восточной Азии с Россией, приводятся основные направления возможного взаимодействия в регионе, выделяется особое положение Дальнего Востока РФ как одного из основных связующих звеньев.

Ключевые слова: Арктический регион, Северо-Восточная Азия (СВА), Северный морской путь (СМП), Арктическая зона РФ (АЗРФ), инициатива «Один Пояс — Один Путь», Дальний Восток РФ, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Abstract. Significant increase in global attention to the Arctic, as well as the intensive development of technologies for its study, makes the cooperation between various countries increasingly important. The article discusses the history and current interaction in the Arctic region between Russia (and its predecessor, the USSR) with North-East Asia (NEA) - China, Japan, and the Republic of Korea. The author noted the increasing scientific and practical interest of the NEA countries to study the Arctic, analyzed it and main aspirations of these countries to cooperate with Russia. Also, the author reviewed the most significant internal laws and regulations governing their activities in the Arctic. It was concluded that the high prospects for cooperation between the countries of Northeast Asia and Russia occur. Main directions of possible interaction in the region are presented in the article along with the highlighted unique position of the Russian Far East as one of the critical links.

Keywords: the Arctic region, North-East Asia (NEA), the Northern Sea Route (NSR), the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF), Initiative "One Belt - One Road," the Far East of the Russian Federation, Territory of Advanced Socio-Economic Development (TASED).

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Е. Системные проблемы и направления развития муниципалитетов российской Арктики

EMEL'YANOVA E.E. System problems and directions of municipal development of the Russian Arctic

Аннотация. Предметом исследования являются муниципальные образования Арктики, имеющие свою специфику функционирования и развития в сравнении с южными районами арктических государств. Цель работы заключалась в выявлении проблемных точек развития арктических регио-

Abstract. The subject of the study is the municipalities of the Arctic, their specifics of functioning and development in comparison with the southern regions of the Arctic states. The purpose of the work was to identify problem areas of regional development that affects the socio-economic situation of

нов, оказывающих воздействие на социально-экономическое положение муниципалитетов Арктики, перспектив и направлений их развития. Теоретико-методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам регулирования и стимулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов Арктики. Исследование основано на комплексном подходе к изучению вопросов функционирования и развития муниципальных образований в специфических условиях Арктики, а также общих и особенных факторов развития данных процессов в АЗРФ с учётом зарубежных исследований по проблематике. Анализ основных показателей, характеризующих социально-экономическое положение арктических территорий, показал, что для всех арктических территорий характерен ряд общих проблем развития муниципалитетов, а основные силы государственного регулирования должны быть направлены на решение вопросов развития человеческого потенциала, социальной и транспортной инфраструктуры, малого предпринимательства и особой государственной поддержки арктических территорий. Государственная политика по минимизации негативных процессов и факторов функционирования муниципалитетов АЗРФ должна строиться с учётом зарубежного опыта решения подобных вопросов. Результаты исследования могут быть использованы органами власти и управления при разработке бюджетной, налоговой, инвестиционной политики, при формировании программ и планов, направленных на социально-экономическое развитие арктических территорий.

Ключевые слова: Арктическая зона, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, инвестиционная деятельность.

the Arctic municipalities, prospects, and directions of their development. The theoretical and methodological basis consisted of the works of Russian and foreign scientists on regulating and stimulating the socio-economic development of the territories and municipalities of the Arctic. The study grounds on an integrated approach to the functioning and development of municipalities in the specific conditions of the Arctic, as well as general and specific factors for the growth in the Russian Arctic, considering international research. An analysis of the leading indicators of the socio-economic situation of the Arctic territories showed several common problems for the development of municipalities. The main forces of state regulation should be aimed at solving the issues of human development, social and transport infrastructure and require the approval and state support of the Arctic territories. Government policies to minimize negative processes and factors for the municipalities of the Russian Arctic should base on international experience. Authorities and management can use the results of the study for the development of fiscal, tax, investment policy, programs, and plans for the socio-economic development of the Arctic territories.

Keywords: the Arctic zone, municipalities, socio-economic development, investment activity.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

КВАШНИН Ю.Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года)

KVASHNIN Yu.N. "This family has been found and is now located in Obdorsk region..." (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832)

Аннотация. В статье подробно рассмотрен список «самоедов», составленный в 1832 г. тобольским миссионером иеромонахом Макарием. Родовые названия и фамилии, указанные там, показывают, что они относились к европейским, приуральским и сибирским тундровым ненцам и не случайно оказались в одном списке. Это была

Abstract. The article details the list of "Samoyeds", compiled in 1832 by Tobolsk missionary Hieromonk Makarii. The generic names and surnames indicated there show that they belonged to the European, Ural and Siberian tundra Nenets, and it was not by chance that they were on the same list. It was a small group from the "Vojkar Samoyeds", a separate

небольшая часть «войкарской самоеды», обособленной территориальной группы ненецкого этноса, кочевавшей в XVII–XIX вв. по обеим сторонам Приполярного Урала. На основе сведений из «Списка», обобщения материалов из архивных документов и работ учёных и путешественников XVIII–XX вв. удалось выдвинуть обоснованные предположения и уточнения о происхождении некоторых ненецких родов и патронимий, местах их расселения и брачных связях. Кроме этого, впервые удалось отыскать сведения о составителе «Списка», его жизни и деятельности задолго до миссионерской поездки на север Берёзовского округа.

Ключевые слова: иеромонах Макарий, ненцы, миссия, крещение, войкарская самоеда, роды, патронимии, происхождение.

territorial group of the Nenets ethnos, wandering in the XVII–XIX centuries on both sides of the Subpolar Urals. On the basis of information from the “List”, generalization of materials from archival documents and works of researchers and travelers of the 18th–20th centuries, it was possible to put forward several reasonable assumptions and clarifications about the origin of some Nenets families and patronyms, places of their settlement and marital relations. In addition, for the first time, it was possible to find information about the compiler of the “List”, its life and activities long before the missionary trip to the north of the Berezovsky department.

Keywords: hieromonk Makarii, Nenets, mission, christening, Voykarsky Samoyeds, clans, patronymy, origin.

ПАНИКАР М.М., СОКОЛОВА Ф.Х., ШАПАРОВ А.Е., ЗОЛОТАРЕВ О.В., КАПИЦЫН В.М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ

PANIKAR M.M., SOKOLOVA F.Kh., SHAPAROV A.E., ZOLOTAREV O.V., KAPITSYN V.M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis

Аннотация. Важным компонентом в структуре иммиграционной политики развитых стран выступает интеграция мигрантов. Политика интеграции мигрантов направлена на решение проблем адаптации, инкультурации, трудовой мобильности, натурализации, политического участия. Интеграция представляет собой реципрокный процесс, который предполагает взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Политика интеграции направлена на формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества страны-реципиента. Провалы политики интеграции неизбежно повышают конфликтотенный потенциал принимающего общества, ведут к социальной эксклюзии, маргинализации мигрантов и росту ксенофобии. Статья посвящена сравнительному анализу политики интеграции двух северных стран — Норвегии и России. Норвегия имеет большой опыт реализации политики интеграции мигрантов, занимает лидирующие позиции в индексе интеграции мигрантов MIPEX. Россия, хотя и обладает большим опытом инкорпорации различных этносов в состав национального государства, однако решение проблем интеграции и адаптации мигрантов долгое время игнорировались государством. Цель исследования: проанализировать национальные модели и практики интеграции и адаптации мигрантов. Методология исследования основана на использова-

Abstract. An essential component in the structure of the immigration policy of developed countries is the integration of migrants. The integration policy for migrants is aimed at solving the issues of adaptation, inculturation, labor mobility, naturalization, and political participation. Integration is a reciprocal process which involves the interaction of migrants and the host society. The integration policy goal is the formation of migrants' qualities and competencies that allow them to participate in the economic, social, political, and spiritual spheres of the recipient country. The failure of integration policies inevitably increases the conflict potential of the host society, leads to social exclusion, marginalization of migrants, and an increase in xenophobia. The article is devoted to the comparative analysis of the integration policy of the two Northern states — Norway and Russia. Norway has extensive experience in implementing the integration policy, occupies a leading position in the index of integration of migrants MIPEX. Russia has extensive experience in the incorporation of various ethnic groups into a national state, but the state has long ignored the solution of issues of integration and adaptation of migrant issues. The study aims to analyze national models and practices of integration and adaptation of migrants. The research methodology is linked to the methods of demography, sociology, political science, law, and statistics. For the comparative analysis of the immigration policies of Norway and Russia, a set of indicators reflecting the quality and status of the inte-

нии методов демографии, социологии, политологии, права, миграционной статистики. Для сравнительного анализа иммиграционных политик Норвегии и России использован комплекс индикаторов, отражающих качество и состояние политики интеграции мигрантов, MIPEX (рынок труда, воссоединение семей, долгосрочное пребывание, политическое участие, защита от дискриминации, натурализация). Сделан вывод, что политика интеграции мигрантов в России должна иметь различные объекты регулирования, быть дифференцирована по целям и задачам.

Ключевые слова: иммиграционная политика, интеграция мигрантов, натурализация, Россия, Норвегия.

gration policy, MIPEX (labor market, family reunification, long-term stay, political participation, protection against discrimination, naturalization) was applied. It is concluded that the policy of integration in Russia should have different objects of regulation, be differentiated by goals and objectives.

Keywords: immigration policy, integration of migrants, naturalization, Russia, Norway.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ГОЛОВНЕВ И.А. Арктика в объективе советского кино: «Два океана» Владимира Шнейдерова
GOLOVNEV I.A. The Arctic in the Soviet cinema lens: «Two Oceans» by Vladimir Shneiderov

Аннотация. Исследование направлено на введение в научный оборот неизученных материалов — кинодокументов советского периода, связанных с освоением российского Севера. Особое место в истории советской визуальной антропологии занимало направление так называемых экспедиционных фильмов — киноработ просветительского содержания о народах и территориях СССР, — достигшее своего расцвета на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Одним из первопроходцев этого направления по праву считается режиссёр В.А. Шнейдеров, автор серии фильмов о территориях Советского Союза («Великий перелёт», «Памир (подножие смерти)», «На высоте 4500» и др.). Помимо решения творческих задач, производство таких фильмов являлось частью государственного эксперимента по конструированию образов регионов и страны в целом. Советская власть использовала ресурсы кинематографа как средство массовой информации и агитации. В данной статье на примере экспедиционного фильма «Два океана» классика документального кино В.А. Шнейдерова показана история покорения Северного морского пути и советской колонизации Арктики. В качестве контекста, в котором происходило создание фильма, рассматриваются параллельные процессы в советской культурной политике и кинематографе. Делается вывод об исследовательской ценности советского экспедиционного кино как комплексного исторического источника.

Abstract. The study aims at introducing unstudied materials, i.e., film documents of the Soviet period, related to the development of the Russian North, into the scientific circulation. So-called expedition films occupied a special place in the history of Soviet visual anthropology — films of educational content about the peoples and territories of the USSR. They reached its heyday at the turn of the 1920s – 1930s. One of the pioneers of Soviet visual anthropology is considered to be the filmmaker V.A. Schneider, the author of a series of films about the USSR territories (“The Great Flight”, “The Pamirs (the bottom of death)”, “At the height of 4500”, etc.). In addition to solving creative issues, the production of such films was part of a state experiment on the construction of local images and the country. The Soviet authorities used the resources of the cinematographer as a media source and agitation. In this article, the author considers the example of the expedition film “Two Oceans”, the classic of documentary films where V.A. Schneider pictured the history of the Northern Sea Route and the Soviet colonization of the Arctic. The context of the filmmaking, i.e., parallel processes in Soviet cultural politics and cinema, is discussed as well. The author conclusions contain thoughts about the research value of the Soviet expeditionary film as a complex historical source.

Ключевые слова: Арктика, советское кино, Владимир Шнейдеров.

Keywords: *the Arctic, Soviet film, Vladimir Shneiderov.*

КАПИЦЫН В.М., ШАПАРОВ А.Е., КОВАЛЕНКО В.И., МАГОМЕДОВ А.К. О коллективной монографии «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы»

KAPITSYN V.M., SHAPAROV A.E., KOVALENKO V.I., MAGOMEDOV A.K. On the collective monograph "Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects"

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы». Рецензируемая монография представляет собой фундаментальный коллективный труд исследователей российских научных центров, специализирующихся на изучении Арктики. В фокусе исследователей этнонациональные процессы в контексте социально-экономического, социально-политического, правового, социокультурного развития арктических регионов России. Междисциплинарный характер исследования, широкий охват аспектов этнонациональной политики и субрегионов, глубина исследования проблем, визуализация материала с помощью таблиц, диаграмм, графиков, карт определяет не только академический, но и энциклопедический характер рецензируемой монографии.

Ключевые слова: Арктика, этнонациональная политика, миграция, Арктическая зона РФ, Арктический Совет.

Abstract. The article represents the review of the collective monograph "Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems, and prospects." The monograph is an original joint work of researchers at Russian research centers specializing in the study of the Arctic. The researchers focus on ethnonational processes in the context of the socio-economic, socio-political, legal, socio-cultural development of the Arctic territories of Russia. The interdisciplinary nature of the research, the full coverage of ethnonational policies and subregions, the depth of the study, the visualization of the material with tables, charts, graphs, maps determines not only the academic but also the comprehensive nature of the monograph under review.

Keywords: *the Arctic, ethnonational policy, migration, the Arctic zone of the Russian Federation, the Arctic Council.*

КОЧЕМАСОВА Е.Ю., ЖУРАВЕЛЬ В.П., СЕДОВА Н.Б. О некоторых научных подходах к определению границ Арктики

KOCHEMASOVA E.Yu., ZHURAVEL V.P., SEDOVA N.B. On scientific approaches to the Arctic boundaries delimitation

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения границ Арктики и территорий относящихся к ней. Авторами определены политические, экономические и иные факторы, влияющие на определение территорий, относящихся к Арктике. Рассмотрены подходы приарктических стран, в частности, Канады, США, Норвегии и Дании, к проблеме границ их арктических территорий. На основе отечественных нормативных правовых документов, оценок экспертов определены границы Арктической зоны РФ, их значение для социально-экономического развития страны. Авторы обращают внимание на необходимость защиты Россией своего суверенитета в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Арктическая зона РФ, арктическое пространство.

Abstract. The article deals with the boundary delimitation of the Arctic and the territories belonging to it. The authors identified political, economic, and other factors influencing the delimitation of the Arctic territories. The approaches of the subarctic countries Canada, the USA, Norway, and Denmark, to the problem of the borders of their Arctic territories are considered. The authors analyze Russian regulatory legal documents, expert assessments, the boundaries of the Arctic zone of the Russian Federation and determine their importance for the socio-economic development of the country. The authors draw attention to the need for Russia to protect its sovereignty in the Arctic.

Keywords: *the Arctic, Russia, the Arctic zone of the Russian Federation, the Arctic space.*

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золо-

- тых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
 18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
 19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
 20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
 21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
 22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
 26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт».

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:

<http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2018. № 35

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 28.06.2019

ARCTIC and NORTH, 2019, no. 35

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate EI № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: "Arctic and North" journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 28.06.2019